

ТАТЬЯНА КОНОНОВА

ЦИТАДЕЛЬ ВИХРЬ

Судьба отняла у меня все: здоровье, друзей, близких. Среди старых писем я нашла одно, которое связывает меня с последним родным человеком. Но единственный шанс встретить его — поступить на службу в Цитадель, государственный гарнизон, который защищает нас от внешних угроз. Я еще не знала, на что решилась, но готова была идти до конца.

Мир, где все слишком правильно, однажды ломается. Мы теряем все, кроме надежды.

Татьяна Кононова
Цитадель "Вихрь"

Мысль 1

*Папа, смотри, как мы с тобой прошли
Путь от войны до мира над головой.
Папа, я вижу твои черты
В зеркале утром и в зеркале перед сном.*

*Мы и похожи, и разные слишком:
Что-то нас вяжет, а что-то разводит прочь.
Из меня бы вышел отличный мальчишка,
Впрочем, я рада, что вышла дочь.*

*Папа, мы с тобой совсем не про сантименты,
Однако я от того такая бесстрашная и шальная,
Что знаю, даже сквозь километры
За мной стоишь ты. И эта стена — стальная.
Яна Мкр*

Сво-бо-да!

Солнце хлещет по глазам, ветер приносит запах мокрой земли, мимозы, бензина, табачного дыма и чьих-то сладких духов. На мгновение зажмурившись, я ныряю с головой в шум машин, голосов, телефонных звонков и сумасшедшего щебета ошалевших от весны воробьев. Задыхаюсь от обилия звуков и запахов, шурюсь от солнца и пестрых цветов, но радость переполняет так, что я мчусь вприпрыжку, перебегаю через дорогу на красный и с разгону прыгаю в лужу, разбрызгивая во все стороны грязную талую воду и не забыв показать язык унылым белым стенам лечебного центра, оставшимся позади.

Разумеется, перед тем, как сменить больничные тапочки и старенькую застиранную пижаму на свитер, джинсы и любимую ветровку, я выслушала тысячу лекций и наставлений, с меня взяли десяток страшных клятв “звонить, писать и приходить при малейших намеках на ухудшение самочувствия”, еще десяток раз прослушали, простучали и осмотрели со всех сторон. Зато теперь на целых полгода (а при хорошем раскладе — на неизвестное время) я освободилась от этой повинности.

Каждую осень и зиму лечебный центр неизменно встречает меня с расprostертыми объятиями, потому что якобы кто-то себя не бережет и забывает о плановых обследованиях. Но сейчас думать об этом даже не хочется, ведь на дворе звонкий солнечный апрель, до октября еще так далеко, а впереди — последние месяцы учебы, экзамены и сво-бо-да!

Да, конечно, я рано радуюсь, но в больнице выбор невелик: либо ты лезешь на стенку от скуки, либо читаешь и перечитываешь учебники на последнем выжившем девайсе. Все художественные книги давно выучены наизусть, к стихам душа у меня не лежит, вот я и готовилась к экзаменам почти четыре тоскливых месяца, прогуливая школу с пользой. А пока что — выходной, законный, единственный и неповторимый, и тратить его зря я не собираюсь!

Телефон так надоел, что порой хотелось его выбросить в окно, но сегодня у меня на него другие планы.

— Даша, привет! Да, это я, жива-здорова. Ну как... относительно, — хохочем на разных концах провода. — Давай через полчаса на нашем месте?

“Наше место” — это крошечная уютная кофейня на окраине города. Раньше там заканчивался защитный купол, а теперь, когда его убрали, можно безнаказанно ходить где угодно. В ожидании подруги я меряю шагами самые глубокие лужи, растираю в пальцах свежую траву, передразниваю птиц. Сладкий от пыльцы и все еще прохладный весенний ветерок ласково ерошит волосы, вернее, то, что от них осталось. Только челка у меня густая и слегка вьющаяся, а все остальное представляет из себя гремучую смесь божьего одуванчика и вороньего гнезда. Поэтому я собираю это нечто на затылке в короткий хвост. В тонированное окно одного автомобиля впервые за неделю вижу свое отражение: слегка поправилась, обзавелась круглыми щеками, немного синенькая, немного зелененькая, но в целом — порядок. Даже брови и ресницы на месте.

Даша приходит сразу к дверям и без всяких предисловий тащит меня внутрь. В кофейне тепло и тихо, из колонок льется легкий джаз, желтые диванчики приветственно распахивают объятия. Даша повзрослела и похорошела, только стала как будто серьезнее и еще более задумчивой. Я всегда знала, что она умница и красавица. Мы с ней дружим с первого класса, вот уже десять лет, пять из которых я пропадаю на полгода. Если бы не Даша, восстановиться в учебе и в целом в обществе мне было бы очень трудно.

— С возвращением, одуванчик, — подруга сжимает мои озябшие руки и подвигает ближе невесть откуда взявшуюся чашку любимого имбирного чая и блюдо с шоколадным печеньем. В больнице, где нельзя все, что только можно, я успела отвыкнуть от простых человеческих удовольствий. — Безумно рада тебя видеть.

— А я-то как рада, — хохочу с набитым ртом. — Полгода людей не видела! И на улице не выходила!

— Ну, на улице сейчас делать особенно нечего, — Даша вздыхает и опускает голову, пряча глаза. — Дозиметры опять зашкаливают, а кислотных дождей больше, чем обычных. Мы перед каждым выходом обрабатываемся, после каждого возвращения тоже. Мама заказала защитные костюмы для меня и Вани, но это слабая поддержка. Уехать бы...

— Даш, ты чего? — шоколадное печенье вдруг застрекает в горле. Столько лет Дашка и ее веселая дружная семья были частью моей унылой и скучной жизни, и потерять ее вот так сразу было выше моих сил. — Жили же раньше...

Даша подпирает щеку кулаком. У меня опустела вторая чашка чая, а она к угощению и не притронулась. В который раз я замечаю, как моя подруга повзрослела за то время, пока я сходила с ума среди приборов, белых стен и белых халатов, но это и к лучшему: должен же кто-то из нас быть с головой на плечах. Она еще и за младшего брата в ответе, так что паниковать и расслабляться ей точно нельзя. При мысли об этом болезненно сжимается сердце: она — старшая сестра, а я...

А я когда-то была младшей. И Дашины тревоги насчет радиации отнюдь не беспочвенны.

Чай уже не доставляет такого удовольствия. Когда выходишь из лечебного центра, первые мгновения хочется всего и сразу, обнять весь мир своей радостью и перепробовать все то новое, что только попадет под руку, но потом, окунувшись с головой в реальность — ту самую, серую, обыденную и колючую, от которой больничные стены отрывали на полгода, — понимаешь, что вкус к жизни изменился, и сладкое на губах быстро отзывается горечью. У меня слишком многое позади, чтобы жить безопасно и каждый раз начинать с

чистого листа. У моих друзей совсем другая жизнь, и поэтому они имеют право не понимать меня. Мы с ними стоим по разные стороны стеклянной стены, через которую, тем не менее, прекрасно видно и слышно, и вот уже восемнадцать лет мы продолжаем делать вид, что ничего не происходит.

Мой телефон от вибрации прыгает и ползает по столу: ребята из учебного центра пишут поздравления, шлют забавные гифографии и стикеры. Они тоже радуются моему освобождению, но мне теперь кажется, что эта радость — дежурная. Многие из них мало знают меня в реальной жизни. Со многими я бы и сама с радостью не пересекалась. Но тем не менее они соблюдают этикет в соцсети и пишут, как будто не видели меня целый десяток лет. Только почему-то мама не пишет и не звонит.

Даша задумчиво смотрит в окно: апрельская погода непредсказуема, над городом собираются тучи. Серые, свинцовые, рваные по краям и доверху набитые скользким колючим дождем, они вот-вот разорвутся от нечаянного порыва ветра и опрокинут на землю очередной зараженный ливень. Почему-то кислотный дождь всегда приходит с северо-востока. После него цветущий апрель несколько дней перестает быть самим собой и чахнет.

— Тимур ушел служить, — тихо роняет подруга. И я снова чуть не проливаю чай: только зимой Тимур, молодому человеку Даше, исполнилось восемнадцать, а вот теперь, так скоро... — Две недели назад. Он прошел все испытания, хотя мы уговаривали его нарочно что-нибудь провалить.

— Он слишком хорош, чтобы поддаваться самому себе, — шуткой пытаюсь разрядить напряженную обстановку, но безуспешно: Даше совсем не смешно, она начиталась про службу всякого и уже успела его похоронить.

— Он бесстрашный и безголовый, — хмурится она, потирая тонкую изящную переносицу. — Думает, что все нипочем. Испытательный срок на базе — месяц, после этого ребята проходят инициацию, получают специальность и остаются.

— Насовсем?

— Я не знаю, — Даша вздыхает, снова пряча глаза. — Уже две недели от него ни звонка, ни словечка. Обещал каждый день писать, а сам...

Не представляю, что тут сказать, как ее утешить. Я никогда не влюблялась, меня никогда не любили... вот так, как девушку, поэтому чувства подруги мне не знакомы, хоть и понятны. Она боится его потерять и тщательно скрывает свою боль за маской улыбки и спокойствия. Этому мы все научились. Но за Дашу, нежную, хрупкую и ранимую Дашу, мне особенно тревожно.

— Ты что-нибудь знаешь об этом месте? — достаю телефон, готовая мобилизовать все поисковые системы, но Даша мягко опускает мою воинственную руку.

— Цитадель “Вихрь” считается нашим оборонным комплексом и имеет базы в разных городах, — говорит она ровно и монотонно, как по заученному. — База Лес располагается в окрестностях столицы... то есть где-то у нас, база Горы — на севере, база Море — на юге, в закрытом порту. Большинство сведений о них засекречено, включая местоположение, численность участников, техническое оснащение и прочие нюансы. Поступление возможно с 18 лет, в летний и зимний набор, путем прохождения трех испытаний: спортивных нормативов, научной работы и социального эксперимента... Ой, что же теперь будет...

Даша роняет голову на руки и тихонько всхлипывает. Я обнимаю ее за плечи и чувствую, как они вздрагивают под моей рукой. Где-то я уже слышала про эту Цитадель. Да, в городах о ней говорят шепотом, с оглядкой, как будто боятся выдать секретную

информацию, но в то же время служащие заведомо признаются героями. Служить престижно, они получают огромные деньги, кто-то из вышестоящих занимается благотворительностью. А о рядовых — ни слова, и даже близкие не знают о дальнейшей судьбе новичков и молодых бойцов. Отправляясь на службу, ты обрекаешь себя на мировое признание и личное забвение.

Все эти дежурные разговоры о том, как там в лечебном центре, как дела на последнем курсе, как продвигается подготовка к экзаменам, уже не имеют значения после разговора о главном, и мы с Дашей расстаемся на невеселой ноте. Она провожает меня домой, но звонкий, весенний шум улиц больше не радует и не вселяет надежду. Я все чаще ловлю себя на том, что вспоминаю Тимура — бойкого, веселого и активного парнишку, который готов был на все ради Даши и, видимо, отрекся от светлого и спокойного будущего с ней ради всеобщей безопасности. Конечно, его жертва слишком необдуманна, а еще — капля в море, ведь одного человека, пусть даже со стальной волей, недостаточно, чтобы спасти весь мир.

А еще я часто думаю о Цитадели. Что это на самом деле? Где она находится и как туда попасть? Действительно ли туда попасть сложнее, чем полететь в космос? И где-то я про нее уже слышала... Возможно, даже дома.

Дом...

Я поднимаюсь пешком на седьмой этаж и задыхаюсь, чувствую, как легкие несколько долгих секунд горят от боли и нехватки воздуха. Да уж, совсем отвыкла от физических нагрузок... Но не отвыкла от образа Дома, и каждый раз, уходя от него на полгода, неизменно тосковала. Белоснежная герметичная дверь, сканер отпечатков пальцев, на полу у входа — коврик с подогревом. Шумно втягиваю носом воздух, пытаюсь отыскать знакомые запахи сандала, корицы и мяты, но их больше нет. Квартира опустела, и как будто вместе с людьми ее покинули ароматы дома, тепла, уюта и спокойствия.

Мои кислотные оранжевые кроссовки сиротливо прячутся под стойкой. Многорукий робот-чистюля приводит их в порядок щетками и спреями, и вот тут мне становится не по себе. В доме тихо. Слишком тихо, слишком чисто, как будто отсутствие людей стало привычным. Дедушка любил, когда “все под рукой”, но его уже восемь лет как не стало. Мама тоже любит творческий беспорядок: повсюду вечно разбросаны ее цветные косынки, перчатки, колпачки от духов, упаковки от таблеток. Ее многочисленные украшения, туфли, бейсболки, шарфы... Полка пуста. Я залезаю с головой в шкаф, но там тоже пусто. Только из зеркала на меня мельком взглядывает растерянное, растрепанное отражение.

— Мам?

Последние года три она много работает на дому и не встречает меня из лечебного центра, но всегда ждет дома, готовит мои любимые шоколадные кексы, пуще прежнего разбрасывает вещи, включает блюз на умной колонке. Глубокий, бархатный голос Nozier заполняет квартиру вместе с маминым смехом, грохотом посуды, ароматом шоколада, духов и корицы. А теперь повсюду пахнет свежестью, пустотой и одиночеством.

Голос срывается на крик.

— Мама!

Мамины вещи сложены в два ряда на идеально заправленной постели. В открытой коробке на полу — книги, электронные девайсы, мелочи. Мне на глаза попадается ярко-зеленый воздушный шарф с голубыми цветами. Ноги подкашиваются, и я, уткнувшись лицом в мягкий кашемир, плачу, плачу, плачу...

Задыхаюсь в аромате тонких, легких, таких знакомых духов. Пальцы неосознанно

сминают, комкают кашемир, цепляются за голубые цветы, последнюю ниточку, связывающую меня с семьей. Нет сил даже стоять, и я лежу на холодном полу, вцепившись в этот тонкий шарфик, и кричу, пока хватает воздуха. Кашляю. Давлюсь слезами, застрявшими комом в горле. И снова кричу.

Чья-то теплая рука ложится на плечо. Вздрагиваю от неожиданности и сажусь, судорожно прижимая к себе мамин платок. Рядом сидит соседка, Виктория. Видно, я забыла закрыть дверь. С минуту мы смотрим друг на друга молча, а потом она обнимает меня, тянет к себе, как маленькую, и качает из стороны в сторону, прижимая к своему плечу мою растрепанную голову.

— Тише, тише...

Крик срывается на рыдания, переходит в тихие всхлипы, в одно сплошное, бесконечное и беспросветное “Почему? За что?..”

— Она не могла тебя навещать последний месяц. Она писала тебе письма, но не отправляла. Да и не только тебе... Их тут десятки неотправленных, — Виктория передает мне тонкий планшет в потертом сером чехле.

Мои руки дрожат слишком сильно, и Вика благоразумно кладет планшет на пол. Неотправленные письма и едва уловимый запах сладких духов — вот и все...

— Как? Когда?

Сил больше ни на что не хватает.

— От лечебного центра она отказывалась. Не хотела, чтобы ты видела ее такой, — я сижу с закрытыми глазами, а голос Виктории отдаляется, ее шаги слышны на кухне. Снова грохот посуды, писк электронных шкафчиков, запах чая, но квартира не оживает. Оживает внутри меня боль. — Она всегда была сильной, веселой. Как и дед твой, да... Я его помню. Я их всех на всю жизнь запомню, — где-то за стеной вздыхает Виктория. А у меня больше нет сил плакать, и, уткнувшись лицом в тот же шарфик, я, кажется, засыпаю, опустошенная и обессиленная от горя.

Сквозь сон чувствую, как Виктория укрывает меня пледом с дивана, ставит рядом стакан с водой и уходит, закрыв за собой дверь — в гулкой тишине коротко пиликает датчик замка. И квартира снова замирает, погружаясь в темноту и мертвую, бессмысленную и жестокую тишину. Мне холодно.

Ночью поздравления с освобождением из лечебного центра продолжали сыпаться — вместе с моими волосами, которых опять на полу остается целое море. Надо же, курс вроде давно остался позади, а волосы и брови до сих пор выпадают, хоть и растут новые гуще. Мне даже в зеркало смотреть не хочется, да и не до своего отражения теперь. Отключаю телефон, запираю пустую квартиру изнутри и долго брожу кругами туда-сюда, из комнаты в комнату, молча и бесцельно. Пинаю, что попадается под ноги, утыкаюсь лбом в холодные стены, снова кричу, снова реву. Не могу найти в себе силы включить мамин планшет, но однажды это все-таки надо сделать.

Самые близкие, самые родные и хорошие всегда уходят так рано! Мама... Мама, дедушка, старший брат Олег. Его нет с нами уже давно, а со смерти дедушки прошло достаточно времени, но, стоит о них вспомнить, как снова становится по-прежнему больно. И боль эта старше меня, она появилась задолго до моего рождения на свет — такая долгая, тоскливая и безнадежная, непрерывно колющая под сердцем.

Не помню, как прошло полдня. Кажется, я искала какую-то информацию про Цитадель, но вместо этого нашла, как обычно, лишь название и список баз. Засекречено даже руководство, местоположение, внешний вид. Информация про вступительные испытания... Что-то из этого проходил Тимур. Летние и зимние наборы не отличаются. На секунду думаю: а что, если... Но нет. Глупая, случайная да и, к тому же, совсем нереалистичная мысль.

Решительно открываю мамин планшет и захожу в почту. Так и есть: целый лист неотправленных писем. Половина из них — мне. Нет, пожалуй, это потом, сейчас слишком...

Любопытство пересиливает горечь. И мне становится немного легче, кажется, будто сквозь черно-белые безжизненные строки я слышу ее голос, такой родной, теплый и мягкий.

“Дорогая моя девочка! Любимое солнышко!

Как ты там?

Осталось совсем немного, врачи вот-вот проведут последние обследования и отпустят тебя домой. Я очень жду, ты не представляешь, как. Помнишь, когда-то мы с дедушкой приезжали тебя забирать, а потом уехали отмечать Новый год? Так давно это было! А я все помню, представляешь? В следующем году мы обязательно встретим праздник вместе. Я очень на это надеюсь, хотя надежды уже почти нет. Я сама отказалась от нее. Поэтому вряд ли смогу отправить тебе это письмо...

Но не будем о грустном. На дворе уже весна, солнце греет совсем по-летнему, мы даже сквозь защитный купол каждый день чувствуем тепло. И каждый день я думаю о том, как ты будешь ему радоваться. Ты ведь так любишь лето, моя хорошая. Немного поправишься — и снова будешь бегать босиком, гулять в лесу до ночи, я даже отпущу тебя на ночевку к Даше. Я знаю, ты давно хотела. И неважно, что тебе скоро восемнадцать — маленький ребенок, которому вечно не хватает любви, ласки и тепла, живет в каждом из нас, сколько бы ни прошло лет.

Представляешь, потеряла рецепт твоих любимых шоколадных кексов. Ну что ж, придется импровизировать. Я так давно не пела за готовкой, потому что не радовалась так ничему, кроме как твоему возвращению. Ты наполняешь мою жизнь смыслом, радостью и

светом. Я каждый день прошу небеса за тебя и жду, когда мы наконец обнимемся.

Прости, дорогая, что не могу к тебе приехать. Последнее время очень плохо себя чувствую, едва встаю с постели. А надо жить, надо работать, надо улыбаться. Ведь ничего еще не кончено. Восемь лет назад мы тоже так думали, но все проходит — пройдет и это.

Нет, пожалуй, я все-таки не буду отправлять это письмо. Кажется, что уже силой выдавливаю из себя радостные строки. Скучаю по тебе, котенок. Очень надеюсь, что увидимся.

Крепко обнимаю.

Мама”

Сообщение сохранено как черновик

Слез у меня больше не осталось. За ночь я выплакала их все, но сейчас единственная капля, обжигая горечью губы, сползла и упала на экран. Буквы расплылись и запрыгали перед глазами, но я, закусив губу, закрыла письмо, дышащее теплом и светом. Остальные были на него очень похожи, и я решила, что прочитаю их позже, но часть была адресована кому-то другому. Адрес незнакомый, почти все отправлены и доставлены, но ни на одно нет ответа.

“Здравствуйте, Сергей Иванович.

Извините за беспокойство в очередной раз. Который день гадаю, почему столько писем — и ни одного ответа, надеюсь, я ничем не успела вас обидеть. До сих пор поверить не могу, что прошло уже почти пятнадцать лет с тех пор, как вы ушли. Очень скучаю по вас, по Юльке, по Сене и Дмитрию. Вы были замечательной компанией, самыми лучшими людьми в моей жизни. Очень скучаю и на Юльку давно уже не сержусь — так и передайте.

У нас здесь обстановка небезопасная. Конечно, это не ваша вина, мы все понимаем, но все-таки прошу сделать хоть что-нибудь, поспособствовать, вы же наверняка можете, я уверена. Вы в этом мире все можете, кто, если не вы? Защитный купол с каждым годом истончается, молодые уходят от лучевой болезни, дочка который год лежит в больнице и не знает счастливой, полноценной жизни. Мой папа умер от осложнений, я и сама теперь не здорова, но это не главное. Волнуюсь за дочь. И за вас, конечно же.

Понимаю, что эта просьба сейчас неуместна в связи с вашим местом работы, но все-таки прошу — если со мной что-то случится, позаботьтесь о моей дочке. Вы и Юлька — единственные, кто у нее останется. Я все еще не теряю надежды, что Юля сможет меня понять и простить.

Мира вам, сил и терпения. Не прощаюсь.

Наташа”

Сергей Иванович? Юлька? В жизни о них не слышала. Мама еще заочно просит у этой Юльки за что-то прощения. Мама, всегда добрая, тихая и неконфликтная, с кем-то поссорилась на всю жизнь? Даже не могу представить, из-за чего. А почему Сергей Иванович не отвечал на ее письма? И скорее всего, даже не читал их. Давняя ссора? А может быть, его тоже давно нет в живых? Вероятно, теперь мне никогда этого не узнать. Я даже не смогу больше навестить маму, прийти и поговорить с ней просто так, в глубине души подетски надеюсь, что она меня услышит. Потому что в связи с неблагоприятной экологической обстановкой все традиции запрещены.

Мама писала о какой-то службе. Сергей Иванович где-то служит. Логическая цепочка выстраивается быстро: скорее всего, в Цитадели, больше сейчас нигде. А письмо написано

не так давно, всего за три дня до последнего, адресованного мне. Разумеется, поиск по имени-отчеству не дает результатов, и любые сведения о маме, бабушке, брате, этом таинственном Сергее Ивановиче ничего не дают. Все, что дальше фамилий, лет жизни и рода занятий, засекречено. У Сергея Ивановича в последней графе стоит суховато-короткое “служащий”. Степень доступа к информации — четвертая.

Четвертая ступень — это очень высоко. Личные данные у нас считаются максимально конфиденциальной информацией, никто не должен знать твою биографию. Ступени могут получать только работники государственной структуры или, опять же, служащие Цитадели. Словом, замкнутый круг. Ради интереса вбиваю в строку поиска “Как поступить на службу в Цитадель”.

Первое и главное условие — совершеннолетие. Ладно, через месяц с небольшим мне исполнится восемнадцать. Второе — физическое и психическое здоровье, подтвержденное справками. С этим проблемы... Читаю дальше: третье — успешное прохождение вступительных испытаний, место в общем рейтинге — не ниже 20. Понятно, в итоге только двадцать человек берут. А мне с моим здоровьем и физической подготовкой лучше даже не пытаться.

Но как же четвертая ступень доступа? Узнать все о жизни мамы, бабушки, выяснить, кто такие эти родственники, которые остались моими единственными близкими, может быть, прочитать мамины книги, изучить бабушкины разработки, найти хоть что-нибудь про отца... А с другой стороны — стоит ли оно того? Десятки лет загубленной жизни, оторванность от мира. Но — кому, как не мне, знать, что это такое. Теперь хотя бы появится цель.

И руки решительно тянутся к клавиатуре.

В первый месяц каждого сезона на столицу опускают защитный купол. “Опускают”, конечно, громко сказано: распыляют из огромных дронов, потом термосистемы ненадолго остужают воздух, и аэрозоль застывает прозрачной непробиваемой мембраной. И начинается время счастья, тишины и покоя: воздух, почву и водоемы повсюду очищают, можно без опаски войти в дом и забыть искупаться под санитайзером. Можно плавать в речке, правда, только в специально оборудованных и вычищенных местах, можно валяться на траве, зимой можно играть в снежки и лепить снегороботов. А спустя месяц купол истончается, мембрана теряет свои защитные свойства, и мы снова возвращаемся в загрязненную, хоть и такую привычную, рутину.

База Цитадели для сдачи спортивных испытаний выбирает защищенный куполом июнь, и это замечательно: как раз в мае закончились наши экзамены в учебном центре, и у меня появилось море свободного времени, чтобы подготовиться и привести свою физическую форму в мало-мальский порядок. А еще мы будем сдавать все на улице, что тоже не может не радовать: бегать кросс по настоящей пересеченной местности в лесу гораздо приятнее, чем в очках и кабине виртуальной реальности.

К счастью, спортивные вступительные нормативы не очень засекречены: при регистрации и подтверждении личности на официальном сайте можно найти информацию даже для разных возрастов. Немного напрягает, что нет различий между мужчинами и женщинами, но с другой стороны — это правильно. Поступив на государственную военную службу, ты перестанешь быть слабой девчонкой. Ты станешь Человеком, а для этого не предусмотрены различия в физической подготовке. Конечно, у мальчишек будет преимущество, но почему бы и не попробовать?

Честно признаться, в глубине души я боюсь провалить испытания, хоть и не особенно горю желанием служить на благо родине. Уже не первую неделю я думаю про таинственных Сергея Ивановича и Юлю. Он не отвечает на письма, точно так же, как Тимур, парень Даши — на звонки. Юля явно была знакома с мамой или даже была ее родственницей, ведь мама не просто так им пишет и упоминает этих людей как единственных, кто у меня остался. Конечно, меня мучают сомнения. Даже если я волей судьбы поступлю на службу и смогу найти Сергея с Юлей, что я им скажу? “Здравствуйте, моя мама писала вам письма, но вы не ответили ни на одно из них, а я, кажется, ваша дальняя родственница” — ну не глупости ли? Всякий раз обрываю себя на этом, и всякий раз снова тянет обратно. Ведь в этом мире мне терять нечего. Из близких... никого не осталось. Жить в квартире, где все напоминает о маме и дедушке — невыносимо. А Даша меня поймет и поддержит. В конце концов, может быть, я займу место чьей-то дочери, сестры или любимой девушки — так будет лучше.

Что делать со справками, думала я недолго. Конечно, если вдруг вздумают проверить, то мой план раскроется, и тогда не то что Цитадели не видать — позора на всю жизнь не оберешься. Но риск — дело благородное, пусть даже в столь корыстных целях. В очередной раз стараясь не расплакаться, нахожу среди сохраненных файлов медицинскую карточку брата, с которой его принимали на работу в научно-исследовательский институт химических технологий. Он был обладателем завидного здоровья. Я понимаю, что иду на очень большую ложь, но делать больше нечего. Не зря в лечебном центре осваивала мощный фоторедактор: теперь, провозившись часа четыре, без следа заменяю имя брата на свое и ставлю другую

цифру в год.

Втайне от всех, кроме соседки Виктории (потому что у нее, вероятно, трескался потолок), я устраивала себе силовые тренировки. Падала с импровизированного турника, роняла на ноги гантели, задыхалась после каждой попытки отжаться или подтянуться, а уж бег, пускай на тренажере, и вовсе не давался: стоило пробежать минуту-другую, как я трясущимися руками выключала дорожку и падала без сил на ближайšie полдня. Что я делаю среди спортивных, крепких и подтянутых ребят на площадке, усыпанной золотистым песком — понять не удалось.

Бег, прыжки в длину и в высоту сдаю из рук вон плохо. За время болезни успела поправиться, и ноги не ожидают такого веса, а потому ухудшается и почти совсем исчезает былая прыгучесть. Светловолосая девушка с рулеткой, которая измеряет длину прыжка, после всех трех попыток обреченно поджимает губы и заносит в электронную таблицу очень стыдный результат. Метание гранаты — не так уж и плохо. Вероятно, потому, что я не занималась этим дома и не успела настроить себя на плохое. Отжимания, подтягивания — слабенько, но не хуже всех, да и то только потому, что весь последний месяц не давала себе спуска. Остается всего три испытания: стрельба, рукопашный поединок и бег по пересеченной местности.

Когда настает моя очередь подходить к мишени, наставник в клетчатой рубашке с копной длинных и кудрявых черных волос мягко вкладывает мне в руки двустольный пистолет, проводом подключенный к системному блоку компьютера.

— Отдачи не будет, — предупреждает наставник, подмигивая мне. Наверно, совсем плохо выгляжу на фоне остальных, раз уж мне нужна поддержка. — Звука выстрела тоже. Просто прицелься и нажми на крючок: вместо пули активизируется датчик расстояния и точного места.

Оружие оказывается тяжелым, ходит в руке из стороны в сторону. С трудом удается навести фокус, удержать точку на мишени на прицеле. Плавно нажимаю спусковой крючок... Вздрагиваю от волнения, и выстрел срывается. Да уж, меня еще надо учить, с какой стороны подходить к пистолету.

— В перестрелке нет права на ошибку, — замечает харизматичный наставник и сохраняет мою неудачную версию. — Давай еще разок.

“Разок” получается чуть более удачным, как минимум, выстрел не соскальзывает с мишени. Следующий разок выходит таким же, и я перехожу на следующий этап.

Что? Луки? Настоящие доисторические луки, которые я видела только на картинках? Ну, не удивлюсь, если мы из них будем по птеродактилям стрелять.

Однако птеродактилей поблизости не наблюдается, а очередной экзаменатор, не старый еще, но уже седой и в старомодных прямоугольных очках, поясняет, видя мое замешательство:

— Стрельба из лука проверяет координацию. Разумеется, в бою стрелы вам не пригодятся, но такой вид стрельбы требует больше умения и сосредоточенности, чем пальба из пистолетов и винтовок. Осторожно, тетива больно бьется. Надень крагу.

Пристраиваю на руке длинную кожаную перчатку без пальцев. Слева от моей стойки с такой же крагой возится паренек с абсолютно белыми волосами и яркими голубыми глазами. Несмотря на довольно теплую весну и жаркое начало лета, он совсем не загорел. Заметив мой изучающий любопытный взгляд, он подмигивает, очаровательно улыбнувшись, и первым натягивает тетиву. Неуклюже пытаюсь повторить за ним: левая нога чуть впереди,

спина ровная, плечи сведены и напряжены, левая рука выпрямлена и держит дугу, правая — оттягивает, придерживая кончик стрелы... Щелчок! Со звоном тетива отлетает обратно, я в страхе роняю лук, а стрела вонзается в самый последний круг мишени беловолосого парнишки.

Надо бы сообщить наставнику о такой ситуации, но парнишка молчит. Смотрит на чужую стрелу в своей мишени, потом переводит взгляд на меня... И, задумчиво хмыкнув, нарочно стреляет криво, так что его стрела входит в мою мишень на точно такой же отметке. Получается, только что он спас меня от штрафных баллов. Благодарю его, неловко кивая, а он машет рукой и снова целится. На этот раз наши стрелы входят правильно, только у него — четко в десяточку, а у меня — куда-то рядом. И только когда мы расстреливаем все пять попыток, наставник возвращается, отключает датчики, фиксирующие попадание и потерю стрел, сохраняет наши очки и отправляет дальше.

Я уже очень устала, а впереди — самые трудные испытания, подготовиться к которым у меня не было никакой возможности. Несмотря на крагу, тетива здорово отбила пальцы, тяжесть лука и гранат оттянула руки, и больше всего мне сейчас хочется принять душ и завалиться спать: который раз проклиная себя вместе с бессмысленной и беспощадной идеей прийти на отбор в Цитадель. Знаю же, что не возьмут. И все равно прихожу позориться и убивать свое и без того не лучшее физическое состояние.

На песчаном ринге, обнесенном двумя железными тросами, заканчивается поединок старших. Наставник, невысокий крепкий мужчина лет тридцати, ловко и с легкостью отбивает атаки какого-то парня и раз за разом кладет его на лопатки в два движения. Бедняга весь покраснел, в растрепанных волосах — туча песка, на спине — красные пятна от падений, но он не сдается до последнего, пока не пищит таймер на краю ринга. Наставник без улыбки жмет его руку, хлопает по плечу и, отметив результат на девайсе, отправляет незадачливого борца одеваться. Глядя на них, в который раз понимаю, что таким, как я, тут делать нечего: у обоих красивые рельефные мышцы, да и физической силы явно не занимать, и пусть парень не выиграл, держался он достойно.

— Дамы вперед, — галантно пропускает меня рыжий паренек с круглым лицом, донельзя усыпанным веснушками. Пока он снимает майку и разминается, я нервно одергиваю спортивную футболку и делаю нерешительный шаг на ринг.

— Не бойся, всего лишь три минуты, — наставник не улыбается, но в его спокойном голосе я слышу поддержку. Он и выглядит как-то уютно и по-домашнему, если бы не окружающие обстоятельства, я бы, наверно, ему доверяла. — Твоя задача — продержаться как можно дольше. В лучшем случае — уложить меня на лопатки, но перед девушками я такой задачи не ставлю. Пользоваться можно всем, что есть при тебе.

— И оружием? — вяло отшучиваюсь, оценивая свои возможности, а вернее, их отсутствие.

— Ну, если думаешь, что тебе это поможет — пожалуйста, — неожиданно соглашается наставник. А я, глубоко вздохнув, опускаю глаза вниз, чтобы настроиться, и вдруг замечаю длинный и кривой светлый шрам, тянущийся через его ребра к груди. Очевидно, ранение старое, но от его вида становится не по себе.

Поединок сложно назвать равным. Наставник гораздо крепче и сильнее меня, и всякий раз, когда я пытаюсь приблизиться на расстояние ближе вытянутой руки, он легко отталкивает, кидает на землю, перебрасывает через руку или через колено. Захваты несильные, но мне больно, и в один момент я с трудом сдерживаюсь, чтобы слезы не

брызнули из глаз вместе с искрами.

— Все в порядке? — интересуется он, оглянувшись на таймер. Ну надо же, какой заботливый. Молча киваю и снова встаю в стойку.

— Не пытайся меня повалить или ударить, — когда я в очередной раз повисаю на его локте, он наклоняется и говорит шепотом. — Тебе не хватит сил. Главное — не упасть на спину. Равновесие — в ногах. Надо удержаться в положении стоя.

Сплювывая песок, скрипящий на зубах, и устало киваю. Остаются последние тридцать секунд, и за это время он так и не кладет меня на лопатки. Что ж, хоть где-то я не полный ноль.

— Неплохо, — слышу сзади, пока стряхиваю с себя песок. Наставник так и не улыбается, но что-то в его голосе ненадолго теплеет.

Солнечные блики прыгают по пыльному экрану раскрытого ноутбука, заставляют щуриться и недовольно морщиться сидящего за столом человека. Тусклое зимнее солнце неровными квадратами ложится на плитку, и от этого она кажется еще холоднее. Я поправляю волосы, невольно приподнимаю ноги от холодного пола и осматриваюсь: не так уж и плохо, как казалось сначала.

В приемной, если повернется язык еще раз так окрестить самую крошечную комнату в доме, тихо, пыльно и очень солнечно. На газовой плитке посвистывает пузатый чайник, начищенный, как будто к празднику, и на окошке невротически подмигивает гирлянда. Кому и зачем она понадобилась днем, да еще и за месяц до Нового года, понять не удалось. На соседних стульях точно так же, слегка испуганно и встревоженно, озираются новички, парень в прямоугольных очках и хмурая длинноволосая девушка. Оба одеты в потрепанные спортивные костюмы, кроссовки и полуперчатки и, кажется, знакомы. Скучающим взглядом смотрю на серебряный циферблат наручных часов и незаметно люблюсь — подарок бабушки. Хорошая вещь, дорогая не только из-за цены.

— Тебя как зовут? — острым локтем в бок прилетает неожиданно. Я оборачиваюсь, встречаюсь с хмурым и острым взглядом симпатичной соседки, но ответить не успеваю: прямо за спиной вырастает фигура старшего отрядника.

— Не положено, — коротко обрубает он, и на время разговор стихает. Его лицо кажется похожим на чемодан: крепкое, квадратное, с грубоватыми чертами и закрытое на сто замков. Незаметно для него показываю кончик языка и снова утыкаюсь взглядом в пустоту.

Самый лучший способ прятаться от людей — смотреть им в глаза. Тогда многие обязательно отведут взгляд и тебя не заметят.

Я смотрю так на человека, который сидит за столом и вполголоса о чем-то разговаривает с одним из новичков, беловолосым голубоглазым парнем. Это последнее испытание, и если не провалишься здесь — окажешься в числе новобранцев. А там попадешь в отряд по распределению и начнешь заниматься полезным делом для общества.

Почему же все так рвутся на базу? Менеджер в офисе — тоже полезное дело. Шофер, учитель, строитель...

Солнце игриво прыгает на руки и слегка греет замерзшие ладони, но тут беловолосый парень молча встает и уходит.

— Номер триста четырнадцать! — устало объявляет единственный член самой непонятной на свете комиссии. До его стола всего шесть шагов, но я успеваю разглядеть его хорошенько. Он совершенно лысый, невысокий, но широкоплечий и крепкий, даже зимой загар не сходит с его гладко выбритого лица. Нос слегка свернут на сторону, глаза зеленые и хмурые. Страшно.

Сажусь и прилипаю к ледяному стулу. От пыли хочется чихать. Интересно, от чего у меня глаза больше красные: от недосыпа или этой вездесущей пыли?

— Ваше имя? — голос у принимающего тоже под стать, стальной и будто дребезжащий. И только я успеваю набрать воздуха, чтобы ответить, как он вносит правки: — Не настоящее. Кодовое. А то говорят мне тут.

— Тишина.

Так меня нарекли на пункте определения. Одному богу известно, как новичкам,

проходящим испытания, подбирают кодовые имена. По качествам характера? Вполне возможно. Почти полгода назад я прошла испытания, но в летний набор меня не взяли, а за неделю до зимнего, как ни странно, на личную почту пришло письмо с дальнейшими инструкциями.

— Возраст?

— Восемнадцать.

— Научное направление?

— Гуманитарное.

— Спортивное направление?

— Ну... Атлетикой занималась... В учебном центре на плавание ходила.

Да уж, не очень-то убедительно. Если бы он меня заставил пробежать стометровку, нырнуть на четыре метра или перемножить в уме трехзначные числа, я бы не так волновалась. Всегда считала, что практика лучше теории. Лысый скептически хмыкает и чешет бритый затылок. Его жест не предвещает ничего хорошего.

— Ваше...

Резюме отклонено? Спасибо, супер, я домой. Готовиться к поступлению в самый обыкновенный вуз на самую обыкновенную специальность психолога. Уже вижу, как плетусь по утрам на лекции сонной мухой, загрязняю атмосферу стаканчиками кофе и своими “ядерными”, как выражается мама, духами. А потом влюбляюсь в обыкновенного парня и хожу на занудную работу. День сурка.

— ...отношение к смерти?

Смешные мысли о том, как пластиковые стаканчики и конспекты засыпают меня с головой, внезапно замирают на месте, как пришибленные. Я не ослышалась?

— Я... эээ... не сталкивалась. Не боюсь. Но не знаю, как это, — нагло вру и поэтому несу сумбурную чепуху, наверное, он ожидал услышать что-то философское. — В общем, не приходилось сталкиваться. Возможно, стоит принимать ее как неизбежное. Однажды... А пока мы живы, предпочитаю об этом не думать.

Делает какие-то пометки в полупустом документе. Резюме педантично набрано двенадцатым кеглем с минимальным интервалом. Эх, зря старалась, буквы растягивала.

— Поднимайтесь на второй этаж, комната двести четыре. Выдадут снаряжение, форму и брошюры на первое время. Час на обустройство, ровно в полдень отрядный сбор на стадионе.

Отрывистый голос принимающего звучит приятнее песен любимого Nozier. Я поспешно киваю, хватаю со стола папку с документами и исчезаю в соседнем коридоре. Меня приняли? Да ну, не может быть!

Прыгая по лестнице через две ступеньки, напеваю вполголоса и совершенно не забочусь, какая тут акустика. Раньше это сильно волновало, потому что мне медведь на ухо не просто наступил, а еще и потанцевал там, но сейчас печальные вокальные данные огорчали меньше всего. Меня приняли! Теперь только главное не вылететь!

На всех парусах распахиваю дверь. Из хозяйственного коридора отчетливо пахнет хлоркой и свежевystиранными вещами, значит, мне сюда. Взгляд скользит по коридору, но ни за что не цепляется: все герметичные двери-шлюзы такие одинаковые, пол под ногами чуть подсвечивается, на стене горит табло с температурой и временем. После моей комнаты, оставшейся в прошлой жизни, тут все удивительно и странно. Уютно, но совсем не домашнему.

Не успеваю насладиться уютом новых технологий, как невдалеке слышатся голоса, а потом из полутьмы выходит небольшая компания из пяти человек. Они оживленно что-то обсуждают, смеются, маленькая светловолосая девушка с глазами олененка шутливо толкает в плечо идущего с ней рядом мужчину в синей штормовке. Вспоминаю, что я их уже видела на спортивных испытаниях. Хочу уйти, но они меня замечают.

— О, новенькая! — один из служащих, похожий на лидера этой странной компании, подходит ближе. — Ну что, чья? Спорим на ночное дежурство!

— Моя, — девушка-оленок дружелюбно подмигивает мне, а у меня глаза, кажется, лезут из орбит.

— А может, моя?

— Я первый предложил, моя!

В смысле “моя”?! Глаза потихоньку перебираются в открытый космос. Прижимаюсь спиной к стене и тут же отлетаю, как от удара током — какая холодная! Еще и пищит недовольно, как будто это я виновата в коридорной вечной мерзлоте.

— Моя, — говорит наконец мужчина в синей штормовке, кажется, самый спокойный из всех, и обращается уже ко мне: — Не бойся, мы шутим. На распределении просто узнаешь, в чьем ты отряде.

Не сильно это утешает, однако из любой ситуации я пытаюсь извлекать практическую пользу. Так и сейчас, в надежде на то, что господа наставники помогут бедной потеряшке, кое-как выдавливаю:

— Да ладно... Все в порядке. А вы не подскажете, где двести четвертая?

Он молча делает шаг в сторону, его друг открывает передо мной дверь, и я оказываюсь в огромной гардеробной, которую кто-то забросил в матрицу. Десятки одинаковых одноцветных зеленых рубашек, коричневых штанов и черных джинсов, берцы разного размера, спортивные перчатки, сумки...

— Скажи кодовое имя и номер, — мои мысли прерывает все тот же простуженный голос с хрипотцой. И охота им со мной возиться!

Называю. В женском отделе под расписку девушка выдает мне два сменных форменных комплекта, простенькое постельное белье, тяжелую сумку, набитую чем-то так, что замок едва закрывается. Наверное, чтобы закрыть после моих самых аккуратных в мире сборов, на ней придется попрыгать.

Все так же севшим от волнения голосом благодарю незнакомцев, всю компанию сразу одним общим “спасибо”, и поспешно ретируюсь в жилой блок. Уже не рискую ни петь, ни пританцовывать, ни радоваться так активно: счастье любит тишину. Штукатурка на стенах, кажется, тоже.

Номер комнаты указан на моей сумке — триста девять. С того момента, как автобус, привезший нас на собеседование, заехал на территорию базы, мне все время кажется, что я очутилась в каком-то летнем лагере. Ребенком и подростком часто бывала на сменах, потом оказалось некогда, а сейчас — как будто ненадолго вернулись мои пятнадцать лет. Все это походило на большую игру, в которой мы были пока что пешками.

База и сама по себе отдаленно напоминает лагерь. Большой шестиэтажный корпус с одной полностью стеклянной стеной поделен на внутренние корпуса, среди которых есть жилые, технические и хозяйственные блоки. В коридорах — роботизированная система отопления и охлаждения, которая, кажется, перепутала зиму и лето, герметичные магнитные двери больше напоминают переходы на звездолете. Из огромных окон хорошо

просматриваются полигон и центральный двор: стайки новичков медленно тянутся в корпус. Правда, большую часть разворачивают обратно.

Дверь триста девятой распаивается, и на пороге возникает кудрявое создание в леггинсах, серой футболке и очаровательных домашних тапочках. Ногой она прижимает к полу мокрую тряпку, в одной руке у нее чашка кофе, в другой — четыре вешалки, один глаз накрашен, другой — нет. Пока мы меряемся любопытными взглядами, в комнате что-то с грохотом уведомляет о своем падении, и кудрявое создание оживает первым.

— Ой! Я сейчас все уберу! А ты — моя соседка, да? Проходи, располагайся! Я тут немножко порядок навожу, это так не всегда, ты не думай!

Как только переступаю порог, меня охватывает атмосфера пестрого и доброго праздника. В маленькой комнате все перевернуто вверх дном, но в этом есть свой шарм. На окне мигает такая же невротичная гирлянда, как внизу, подоконник завален книгами, яблоками и кленовыми листьями, одна кровать идеально ровно заправлена, на другой — царство первобытного хаоса. Из душевой высовывается встрепанная кудрявая голова:

— Я Сойка, — сообщает она, и я даже не сразу соображаю, что это ее кодовое имя. Конечно, было бы интереснее узнать, как ее зовут по-настоящему, но уже не первый раз я слышала, что на базе настоящими именами пользоваться не принято. Почему — понятно.

— Я Тишина. Можно Тиша, — отвечаю, с размаху плюхаясь на кровать. Та возмущенно скрипит, ясно давая понять, что вместо сетки у нее железные балки. — Ого! Какая твердая...

— Привыкай, тут немного спартанские условия, — Сойка, наконец, выныривает из душевой и предстает передо мной более-менее причесанная и с накрашенными глазами. — Подъем в шесть, построение, зарядка, завтрак в семь, дисциплинарный час, потом лекции и тренировки до шести. Обед, ужин и вечерний сбор — все по расписанию. Опоздаешь — штраф.

— Деньги?

— Да нет, это уже не штраф, а взятка какая-то, — хохочет Сойка, как будто мы о чем веселом говорим. — Дополнительная силовая, ночное дежурство или караул за периметром. По факту это считается наказанием, но некоторые на него нарочно напрашиваются. Особенно девочки.

— Это опасно? Или... почему наказание?

— Да, опасно. Убить могут на раз-два, — Сойка пожимает плечами, и я в который раз поражаюсь ее выдержке или непониманию происходящего. — Многим просто из чистого любопытства хочется, а кому-то... В общем, кто-то неровно дышит к наставникам, которые чаще всего туда ходят. Правда, обычно девочки получают ночное дежурство на кухне. Не знаю, как надо нахулиганить, чтобы получить реальный рейд. Только я тебя прошу, не надо вешаться наставникам на шею или, упаси тебя все кто там есть на небе, флиртовать. Мало кому из них нравится внимание, а поклонницы особенно.

— Если бы я знала кого-нибудь из них, я бы, может, подумала, — весело хмыкаю я и вываливаю на кровать содержимое спортивной сумки. Глаза разбегаются, но разбирать вещи сейчас уже некогда: надо принять душ с дороги, переодеться в форму и бежать на первый сбор. Надеюсь, Сойка меня не бросит хотя бы в первый день.

— Все так говорят, а потом бегают за ним штабелями, — усмехается моя кудрявая соседка, поправляя макияж перед зеркалом. Не понимаю, зачем краситься перед полным днем тренировок, но вслух не говорю. И боюсь, что мы с ней не уживемся: у меня хроническая аллергия на “красивых девочек” с обложки журнала, а Сойка, кажется, как раз

из таких.

— За ним? За кем?

Соседка прикусывает пухлую покрашенную губку — понимает, что проболталась. Тут же отворачивается, и на кровать из ее рюкзака сердито летят вещи.

— Да есть тут один такой... Его все девчонки взглядом провожают. Как по мне, ничего особенного, один пафос и лидерские замашки. А на тренировках у него вообще смерть... Да он даже не красивый.

Киваю с понимающим видом, хотя на самом деле ничего не понимаю, даже не могу сообразить, о ком она так нелестно говорит. Но сдаётся мне, что это ради кого-то она так старается.

Раскладываю на кровати форму. Кажется, скептическое хмыканье станет самым частым выражением мыслей здесь. Форма, разумеется, не особенно выглаженная, зато чистая и выглядит удобной. Зеленая рубашка, коричневые штаны, широкий кожаный ремень, португепя и черная поясная сумка с маленькой бутылкой воды внутри. На всем, кроме штанов — нашивки базы: белый смерч на черном фоне и скрещенные шпаги. Иронично.

Красотка-Сойка идет впереди, чтобы я не заблудилась, и не замолкает ни на секунду. Кажется, с ее кодовым именем ошиблись на две буквы. Не особенно вслушиваюсь в болтовню, искренне надеясь, что на организационных собраниях нам все разъяснят. Количество переходов, коридоров и лестниц сводит меня с ума, все двери выглядят одинаковыми, только разные цифры и буквы. Даже город выглядит не таким шаблонным... И как здесь не запутаться? Мне срочно нужна карта!

Спускаясь по одной из лестниц, мы наконец попадаем в шумный поток одетых в форму ребят, и он выносит нас на улицу, на широкий двор, залитый зимним солнцем. Там уже собрались наставники с высоко поднятыми вверх табличками. Близоруко шурюсь: номера и названия отрядов. Мы кое-как строимся, толпа оттирает меня от Сойки, и я с облегчением выдыхаю: слушать ее и дальше было бы просто невыносимо. По большей части ребята здесь молчаливые, как и я, любопытные и немного испуганные. Рядом со мной в бесконечной шеренге оказывается тот самый светловолосый и голубоглазый парень, которого я видела на собеседовании. Ему невероятно идет форма. Непринужденным жестом он откидывает назад густые волосы и, поймав мой взгляд, улыбается и подмигивает. Тоже мне, дамский угодник.

— Тишина, это ты? — шепотом спрашивает, наклонившись ко мне. Меня обдает ароматом его изысканного одеколona. Молча киваю. — А я тебя помню, мы вместе стрельбу сдавали. Я Север, — продолжает он и протягивает руку.

Помню-помню. Как я промахнулась и попала стрелой в его мишень, а он в ответ продырявил мою, и мы просто поменялись одинаковым количеством очков. Встряхиваю его ладонь чуть сильнее, чем он ожидал. Кодовое имя ему очень подходит, в отличие от Сойки. Он хочет сказать что-то еще, но один из наставников берет рупор, и все разговоры постепенно затихают.

Порыв ветра сбивает с говорящего капюшон, и я узнаю мужчину из приемной: лысый, хмурый, в белом свитере.

— Всем вновь прибывшим — добро пожаловать на базу Цитадели “Вихрь”, — вещает он в рупор, отчего ближайшие сосны покачиваются и роняют шапки снега. — Объявляю церемонию распределения открытой. Наставникам просьба озвучить составы отрядов.

Они выходят по очереди: мужчины и женщины, тридцати-сорока лет, все, как один, в красных или синих штормовках и снежных очках, сдвинутых на лоб. Рупор ходит по рукам, наставники объявляют кодовые имена своих подопечных и представляются сами. Кому-то хлопают вяло, кого-то встречают бурными овациями, например, тренеров по имени Мелисса и Фауст. Третьим к ним выходит наставник по имени Ветер, и я вдруг узнаю ту веселую троицу, с которой недавно столкнулась в коридоре: синие куртки, одинаковые значки младших отрядов...

Пока Мелисса, та самая девушка-оленок, объявляет свой состав, строй стоит почти смиренно, когда же рупор переходит к Фаусту и Ветру, все подаются вперед в надежде

услышать свое имя. Я напрягаюсь, но мне почти безразлично. Странно, что мое имя не называли до сих пор: строй заметно поредел.

— Варяг, Север, Сойка, Тишина, Часовщик, — эхом отдается в моей голове спокойный голос Ветра.

Моя кудрявая соседка срывается с места, светловолосый паренек и еще двое бодро шагают к наставнику, а я тихо радуюсь, что есть хоть кто-то знакомый в отряде. А еще тому, что черноволосому шутнику утерли нос, и он проспори́л ночное дежурство. Кажется, наш наставник тоже помнит про это, потому что, проходя мимо коллеги, незаметно отдает ему круглый белый жетон.

Отряды сбиваются в стайки и расходятся по разным дверям. Над каждой загорается флюоресцентная буква: мы идем ко входу под литерой R. Ветер ведет нас без лишних слов, одного его жеста достаточно, чтобы все пошли за ним и чуть не встали в строй, как первоклассники. Рядом с ним мы и ощущаем себя первоклассниками. Сойка упорно на меня не смотрит: обиделась, наверно, что я на общем построении от нее сбежала. Ну и пусть, меньше болтать будет. Снег оседает на ее подчеркнутые длинные реснички, а я люблю: мне никогда не стать такой изящной и красивой, как она. После недавней болезни мне не до внешности: волосы и брови растут как попало, голос изменился и заметно охрип, в общем, чувствую себя как огурчик. Не в смысле “хорошо”, а в смысле “зелененькая и в крапинку”. Пожалуй, дедушкины часы — единственная красивая вещица, которая соотносится со мной. Снимаю их только на тренировки, но... вряд ли симпатичные и любимые часики сделают меня красавицей. Даже думать смешно. Тихонько глажу циферблат под рукавом рубашки — он теплый, и мне всегда казалось, что стрелки на нем как живые. Как память. Последнее, что связывает меня с домом.

Но сейчас не время для ностальгии. Ветер бодро шагает впереди: ведет нас по лестницам на четвертый этаж, и попутно новички разглядывают корпус. Тут все выглядит новым и современным: высокие окна — почти до потолка, гладкий пол, выложенный ламинатом под дерево, белоснежные или темно-зеленые стены, длинные ленты приглушенных светодиодов над потолком, на стенах, в скромных рамках, фотографии жизни базы: тренировки, вечерние дела, отрядные сборы, улыбающиеся, веселые, задумчивые и сосредоточенные лица. На многих фотографиях я замечаю наставников: Мелисса, Ветер и Фауст. И другие, конечно, но мои глаза неизменно отыскивают этих троих. Север идет рядом со мной, и у него такой вид, будто он все время хочет что-то спросить и не решается.

— Ты местная или из области? Давно приехала? — наконец он со мной поравнялся, и вопросы сыплются как из рога изобилия. — А Сойка твоя соседка? Ой, не повезло...

Лучше бы она была твоей соседкой, мстительно думаю я. Вы бы с ней точно спелись, кто кого переболтает. Интересно, у нас все такие разговорчивые? Если да, то... бедный Ветер.

— Красивые часики, — Север подмигивает, заметив, как я одергиваю рукав. — Ты, видно, из города, раз купила. Я о таких только мечтал... раньше.

Он смущенно умолкает, понимая, что сболтнул лишнего насчет своей обеспеченности, но меня это не волнует. Никогда не выбираю друзей по достатку и школьным оценкам: и деньги, и баллы — это всего лишь цифры, а я, простите, убежденный гуманитарий.

— Я их не покупала, — вряд ли его это успокоит, но не хочется, чтобы он обо мне думал плохо. — Это дедушкин подарок. Наследство, так сказать.

— Он умер, да?

Молча киваю. К горлу подбирается комок. Неосознанно сжимаю запястье с циферблатом.

— Прости, — Север дружески берет меня за локоть. — Сожалею.

— Не бери в голову, — выдавливаю кое-как. — Уже восемь лет прошло.

Не говорю ему еще и про маму. Слишком больно, слишком тяжело вспоминать.

— А какую ты специальность хочешь? Ну, там, медик, инженер, техник, боец? Я вот на медика хочу, но боюсь, там сложно, — видя, что я расстроилась и не хочу об этом говорить, товарищ ловко меняет тему и снова включает режим бомбардировки вопросами.

— Про себя не знаю. Но если выберешь медика, иди в отдел реанимации.

— Это еще почему? — Север хлопает длинными белесыми ресницами, и от его пришибленного вида мне становится смешно.

— Потому что твоя болтовня мертвого поднимет!

Хохочем. Хорошо, что он не обидчивый.

Тем временем мы заходим в один из кабинетов. Ветер прикладывает ладонь к сенсору, в воздух поднимается крошечная голограмма, на которой он быстро набирает пароль. Загорается мягкий голубоватый свет, в помещении темно, а вместо потолка — звездное небо.

— Ух ты!

— Вот это да...

— Успеете налюбоваться, — одергивает наставник. — Садитесь.

Мы тихо, стараясь не шуметь, занимаем кресла-мешки, но все равно кто-то толкается, шипит на кого-то, кто-то ходит мне по ногам. Падаю в мягкие объятия кресла, запрокидываю голову и закрываю глаза. Звезды светятся даже сквозь сомкнутые веки.

— Тишина! — Ветер снова прикрикнул, и наконец становится тихо. Я улыбаюсь, как же хорошо наконец вытянуть ноги, но вдруг чувствую на себе пристальный колючий взгляд. От этого неуютно.

— Тишина, — повторяет наставник. Приподнимает одну бровь, глядя на меня. Я смотрю ему в глаза и вдруг понимаю, что это не призыв замолчать, а мое кодовое имя. Краснею. Второй раз за день перед ним позорюсь. — Если тебе хочется спать, можешь прилечь, но потом не обижайся, что чего-то не услышала.

Мне правда стыдно, еще и ребята хихикают в темноте. Но первый день — не время для обид, поэтому я напряженно улыбаюсь и сажусь с прямой спиной. Так спать меньше хочется. А Ветер касается голубой светящейся штуки у себя на запястье, и перед ним в воздухе возникает полупрозрачный дисплей.

— Это связной браслет, — поясняет он, листая слайды с какими-то цифрами и кодами. — Вам такой выдадут, когда первый раз пойдете в дежурство. Нужен для быстрой коммуникации с наставниками, командой, руководством. В нем маленькая база всех номеров и кодовых имен, если нужно с кем-то связаться, достаточно надеть браслет, активировать его и найти абонента.

Его пальцы скользят по эфемерному экрану, мы пытаемся запомнить простую последовательность, как вдруг браслет оживает, пиликает, и в голографическом окошке появляется лицо хрупкой девушки с короткими светлыми волосами. На ней синяя штормовка и такой же шеврон наставника.

— Мелисса, прием, — Ветер улыбается не дежурной улыбкой, а одними глазами, отчего суровое лицо сразу становится теплее и мягче. И тут я вспоминаю, что это с ним на

вступительных испытаниях мне пришлось демонстрировать боевые навыки, и он же мне невольно помог, подсказал верную технику.

— Прием, что у вас? — девушка на экране встревоженно вглядывается в темную комнату.

— Проверка связи. Не мучай новичков, — отвечает Ветер и, пока Мелисса на голограмме смеется, останавливает связь и говорит уже нам: — Вот так это работает. Подробнее научу, когда получите.

А потом он долго рассказывал о том, куда мы попали. Я и без того знала, что Цитадель “Вихрь” — это правительственное заведение, военно-политический отдел, и у нас база Лес. О том, что есть еще базы Море и Горы, догадаться нетрудно. Мы должны обеспечивать безопасность Цитадели, контролировать информационное поле и цензуру. Медики отвечают за здоровье всех бойцов и экологию окружающей среды, инженеры-техники — за оборудование и связь. Новички месяц учатся всему, а потом проходят церемонию распределения и выбирают одну специальность. По словам Ветра, здесь никто не решает за других, но в большинстве случаев ребята делали “правильный выбор”, а если не руководствовались советами Главы, то их карьера складывалась неудачно.

База обнесена забором, но за ее пределами опасности нет. Нас учат тому, что опасности нет нигде и ни в чем, главное — уметь трезво оценивать ситуацию и свои возможности, а также уметь решать проблемы быстро и без паники. Залог успеха — скорость и уверенность, а не количество знаний и не самая лучшая защита. Это первое правило бойцов Цитадели.

И еще, сжалившись над нашим любопытством, Ветер рассказывает, почему нельзя использовать настоящие имена. Цитадель просматривается и прослушивается за Гранью, и хотя транслируемый поток информации наши инженеры держат под контролем, нельзя допускать утечку, а имя и фамилия человека — первые данные, по которым можно отследить всю его жизнь. И последние данные, которые можно доверять.

Люди, живущие за Гранью, однажды сами захотели уйти. Им не нужен был уютный дом, они презирали физический и моральный комфорт, их жизнь была нацелена только на то, чтобы поставить себя выше других, и они научились этому. Научились захватывать города без боя и диктовать свои правила. Научились подчинять простых людей, глядя им в глаза. Это не признак высшей расы, нет, и даже не особые способности, о которых мы в детстве читали книжки — это особая сила и воля, чувство превосходства, которое они культивируют в детях с рождения. Они воспитывают и обучают этаких сверхсолдат, способных отключать чувства, но оставаться в сознании. “Нет зверя страшнее человека, который сам себя сделал зверем” — говорит Ветер, и мы невольно вжимаемся в кресла от звука его негромкого и спокойного голоса.

Чтобы отстоять свободу не подчиненных еще городов, братья-инженеры, Огонь и Лед, пятнадцать лет назад создали небольшую команду, отряд отчаянных, решившихся на отпор. Они были сильны, но их было мало. В первой же открытой стычке многие из первого состава погибли или навсегда покинули строй — мы видели их черно-белые гифографии в коридоре. Молодые, полные жизни и энтузиазма парни и девушки, они улыбались в объектив перед боевым выходом и не знали, что держат друг друга за руки в последний раз.

Командиры отряда стояли по центру. Длинноволосый тогда еще Огонь обнимал за плечи веснушчатую девчонку в клетчатой рубашке, Лед подмигивал в кадр и шутливо толкал брата в плечо: гифография — это вроде фото, только двигающегося. Из-за этого они казались живыми и настоящими... Братьям тогда повезло, но на всю оставшуюся жизнь они

покаялись, что больше не допустят подобного, поняли, что на одних амбициях тут не справиться. И так появилась Цитадель “Вихрь”. Сначала она была совсем крошечной, потому что тайной, но в секрете ее держали лишь на стадии разработки. Выжившие ребята стали первыми инструкторами. Они разработали программу, но их целью были не идеальные солдаты-захватчики, а сильные, смелые и отчаянные люди, которые готовы бороться за свободу и за все то, что у них есть. Поэтому за ними пошли десятки, сотни, тысячи. Цитадель стала правительственной организацией, потому что братьев поддержал Совет десяти и выделил средства на обустройство и содержание военно-оборонного комплекса. Были сформированы и другие базы, на юге — Море, где помимо обыкновенной боевой и психологической подготовки обучали работать на корабле и подводной лодке, на востоке — Горы, где новички практиковались в альпинизме и покорении вершин. Никто не знал, откуда придет новая опасность, но Лес был под ударом всегда. Подготовка новобранцев здесь самая серьезная, и многие, очень многие отсеиваются уже на первых этапах. Конечно, это не считается позором, и ребятам, продержавшимся на базе хотя бы месяц, открыты все дороги, но, узнав другую, неприглядную сторону, мало кто хочет все бросить и уйти.

В целом, несмотря на все запугивания и суровые установки, тут не так уж и плохо. Тренировки, лекции, теория и практика, среди наставников — химики и физики, биологи, инженеры, спортсмены да и просто хорошие люди. Ветер — суровый и замкнутый, но я чувствую, что мы с ним поладим, если не будем нарушать правила и мешать остальным работать. Главное в дружбе — поступай с человеком так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой.

— Напугал? — Ветер слегка приподнимает бровь, оглядывая притихших нас. — Да бросьте. Это жизнь. Завтра в восемь — спортзал в этом корпусе.

Вы когда-нибудь лупили грушу? Даже в перчатках это больно. Костяшки пальцев горят огнем, но снова и снова встречаются с твердой каучуковой поверхностью. Не знаю, какая неведомая сила заставила меня снова надеть их после перерыва-пятиминутки, но никто не обещал, что будет легко. Как там звучат законы Ньютона? Первый — “Не пнешь, не полетит”, второй — “Как пнешь, так и полетит”, третий — “Как пнешь, так и получишь”. Здесь лучше всего работает третий. Во всех смыслах...

Отвлекаюсь, смахивая выбившуюся из хвоста челку, грушей прилетает прямо по лицу. Успеваю увернуться, и твердая резина с размаху врезается в щеку, отчего перед глазами тут же начинают скакать зеленые человечки. Я сердито бью обидчицу правым с разворота, но в очередной раз забываю о третьем законе, и она бьет меня еще сильнее, на этот раз без промаха, не в бровь, а... в нос.

Взвываю не столько от боли, сколько от злости и обиды, и тихонечко отползаю в угол. Кровь капает из разбитого носа в такт моим шагам. Запрокидываю голову, прикладываю холодную флягу с водой. Это всего лишь третья тренировка, но мы занимаемся как будто третью неделю. Варяг и Север на ринге бодро валяют друг друга в песке, Часовщик в спарринге с Сойкой, но что-то у них не ладится: ах да, наш инженер-физик не только бережет руки, но и боится драться с девочкой. Сойка, бурно жестикулируя и встряхивая кудряшками, что-то ему втолковывает.

— Тиша!

Вздрагиваю. Ветер стоит за спиной — прямо как в первый день. Хмурый и насмешливый взгляд, руки скрещены на груди. Из поясного несессера он достает спиртовую салфетку.

— Смотрю, со снарядам у вас вышла ничья, — он разворачивает меня к себе, берет одной рукой за подбородок, другой — стирает кровавую дорожку. — Попробуешь со мной?

— Что? С вами?

— Дышишь нормально? — киваю. — Тогда быстро вытерла сопли и слезы, в стойку!

Шмыгаю носом, но встаю. Ноги в полуприседе, руки согнуты в локтях, левая чуть впереди. Ветер стоит спокойно и будто бы расслабленно, опираясь на одну ногу.

— Бей.

— Что, прямо так? Вы...

— Бей, я сказал! — наставник повышает голос: верный знак, что на этом моменте спор пора прекратить. Мне странно нападать на человека, который даже не собирается защищаться. Коротко замахиваюсь справа, неловко бью — и вдруг словно пронизывает ударом тока, а я обнаруживаю себя прижатой к широкой груди. Ветер заломил мне руку за спину и притянул к себе так, что я не смогла бы пошевелиться. Кусаю губу — больно все-таки, Ветер очень сильный.

— Не ныряй корпусом вперед и не вкладывай всю силу в замах, — тем временем он отпускает меня. — Он должен быть коротким и резким, а бить надо точно. Вот так, — прежде чем я успеваю что-то сообразить, он замахивается, и его кулак оказывается у меня под подбородком. Едва успеваю закрыться. — Давай еще раз.

Я пытаюсь его достать, он даже не защищается и без особых усилий то бросает на маты, то останавливает удар и перенаправляет его в сторону, а в последний раз и вовсе ловко

разворачивается и перебрасывает меня через колено. Болтаюсь на нем, как тряпка на заборе, и шурю от ярких светодиодов на потолке.

— Никогда не смотри, куда собираешься ударить. Опытный противник успеет заметить не только твою бьющую руку, но и взгляд, заранее направленный туда же. Поединок — это диалог, — он легко поднимает меня, ставит на ноги и вскользь осматривает. Вроде ничего, только земля кажется батутом. — Можно смотреть оппоненту в глаза, контактировать с ним через разные части тела, чаще всего руки. Наша борьба основана на принципах айкидо, где главной целью является не избить и покалечить соперника, а защитить и себя, и его. Направить силу в безопасное русло, — он берет меня за руку, и его широкая ладонь обхватывает мое костлявое запястье. — Как будешь освобождаться?

Услышав лекцию, ребята оставляют свои занятия и окружают нас: сердитая из-за неудачного спарринга Сойка, с ног до головы усыпанные песком Варяг и Север, вечно смущенный Часовщик в одних шортах. Мы с Ветром стоим на матах, и он держит меня, совсем не прилагая сил, но просто отнять руку я не могу. Дергаю кистью, пытаюсь высвободиться, вращаю зажатой рукой, стараюсь вытянуть ладонь из его захвата — без шансов. Дело даже не в том, что он крепче меня. Просто когда человек знает то, чего не знаешь ты, у тебя против него нет преимуществ.

— Не пытайся воздействовать на свою руку, ты же понимаешь, что я сильнее, — подсказывает он. — Найди, где у меня слабое место.

Наконец до меня доходит. Резко выворачиваю кисть по часовой стрелке и освобождаюсь: там, где у Ветра смыкались пальцы, разомкнуть их было легче всего. На коже остались красные следы от его захватов, но я не могу сдержать довольной улыбки и отползаю в стайку ребят. Кажется, наставник тоже доволен — по крайней мере, ругаться никто не собирается.

— Все молодцы. Через двадцать минут лекция в R-205.

Мы подбираем защиту, тренировочные ножи и перчатки и плетемся в сторону учебного корпуса. В другой день я бы летела бегом в душ и переодеваться, но сейчас мне не до того: спарринги с наставником измотали, как целая двухчасовая тренировка. Пытаюсь на ходу причесаться и кое-как вытереть лицо салфетками, как вдруг в плечо слегка толкают, и слева от меня возникает встрепанная кудрявая Сойка.

— Как тебе это удалось?

— Что удалось?

— Ветер встал с тобой в пару. Как?

— Не знаю, он сам предложил, — не могу сдержаться и закатываю глаза к потолку. Я думала, она спросит про какой-то особенно удачный прием, или... Сойкино увлечение, кажется, станет угрозой, если Ветер будет еще обращать на меня отдельное внимание. — Разве он не помогает всему отряду?

Сойка шурится и смотрит очень подозрительно, будто я с луны свалилась или заявила, что прилетела из прошлого.

— Он ни с кем не встает сам. Никогда, — тихо отвечает она. — Видно, ты ему... приглянулась.

— Не говори глупости, — я от такой мысли даже передергиваю плечами. — Он ведь наш учитель, да еще и старше лет на дцать.

— Он вообще к тебе очень странно относится, — вдруг выдает Сойка и поспешно ретируется, но у меня совершенно нет желания выяснять отношения, тем более из-за ее

Дверь тихо пищит и отъезжает в сторону, пропуская человека с третьей ступенью доступа. Он прячет пропуск в верхний карман форменной рубашки и быстро проходит. Гасит свет. Теперь в кабинете только подсвечивают голубоватым экраны биокомпьютеров.

Девушка, сидящая за одним из мониторов, разворачивается на крутящемся стуле, желая прогнать нежданного посетителя, но при его виде смущенно улыбается и накручивает на палец длинную светлую прядь. Мужчина протягивает ей стаканчик, от которого тянутся пар и приятный запах малины.

— Опять трапишь жетоны на чай, — с игривым упреком Мелисса откидывается на спинку стула и с наслаждением обхватывает горячий стакан ладонями. В тренерской холодно от компьютерных систем охлаждения.

Ветер молча гладит ее по плечу и садится на диван. Из темноты выглядывает Фауст с минибуком под мышкой. Его черные локоны и светлые глаза в темноте выглядят мистически.

— Привет, Ураган. Говорят, ты сегодня ломаешь лед, — подмигивает Фауст, падая на диван рядом с коллегой. Автоматизированные пружины возмущенно скрипят. — Ну давай, рассказывай, что там у тебя.

Ветер сжимает виски двумя пальцами, наклоняясь вперед, как от головной боли, и улыбается краем губ. Выходит неубедительно. Фауст кладет руку ему на плечо.

— Эй, успокойся. Мы все так делаем, все встаем в спарринги с подопечными, это нормально. Тем более я видел по камерам, у нее неплохо получается.

— Да не в этом дело, — вздыхает тренер. — Ты ее видел? Она так похожа на...

— Хватит!

Фауст сжимает его плечо, как клещами, и Ветер устало выдыхает, стараясь расслабиться, однако даже полумрак механизированного помещения не может скрыть его тревожной бледности.

— Хватит, — уже тише повторяет друг и коллега, хлопнув его по спине. — Я знаю, о чем ты думаешь. И прошу тебя, перестань. Не ищи в этой девочке свое прошлое. Она младше тебя на целую жизнь. Когда это случилось, она ходила пешком под стол и знать не знала о базе.

Пока Ветер сидит с закрытыми глазами, Фауст делает знак Мелиссе, и та, подхватив рюкзак и принесенный чай, исчезает. Друзья остаются одни, и тогда Фауст, открыв ящик компьютерного стола, достает черно-белую гифографию. Старую, потертую по углам, потрепанную жизнью. На середине ее — сгиб, излом между двумя людьми, улыбающимися и подмигивающими в камеру. Молодой парень с чуть вьющимися темными волосами, собранными в короткий хвост, и девушка в форме с очаровательной улыбкой и ямочкой на правой щеке. Между ними как будто ударила молния.

Крепкие сильные пальцы Ветра едва заметно дрожат, когда он касается гифографии, медленно, задумчиво водит вдоль силуэтов запечатленных. Черноволосый светлоглазый юноша тоже здесь — стоит, опираясь на автомат, и подставляет рожки другу. Десяток ребят с базы, и все такие молодые, беззаботные...

— Я скучаю по ней, — шепчет Ветер, прикрывая глаза и сворачивая гифку обратно. Фауст кладет руку ему на колено.

— Верю. Я тоже.

— Видишь, как Тиша на нее похожа?

— Это просто совпадение.

— Знаю, — он снова запускает пальцы в волосы и ерошит каштановые пряди. — К сожалению, так бывает. Ладно, забыли. Пойду отнесу инвентарь, пока мои на лекции.

Ветер поднимается, закидывает на плечо большую спортивную сумку с торчащими из нее перчатками, тямбарами и кеглями и быстро направляется в сторону склада, а Фауст, хмыкнув, прячет гифографию в стол и долго еще смотрит вслед коллеге. И понимает, что на самом деле никто ничего не забыл. И не забудет.

Пятнадцать лет назад он пришел на базу таким же новичком, как сегодняшние молодые ребята: тогда новичками были все. Братья-близнецы, инженеры-техники Огонь и Лед, знали, что делать, но не знали, как. Опыта не было ни у кого. Наставников тоже. Они все начинали сами.

К Фаусту тогда подошел молодой человек лет двадцати трех со смешливыми серыми глазами и гладко зачесанными в хвост русыми волосами. Бросил свою сумку рядом с его, чуть прищурившись, улыбнулся и коротко протянул руку:

— Ветер.

— Приятно. Фауст, — ответил он тогда. Они тряхнули друг другу руки, и с тех пор началась крепкая дружба. И тот самый случай, когда третий не лишний, и двое не соперничают за одну девушку, а становятся верными товарищами и друг другу, и ей.

Теперь они стали совсем другими. Прошло пятнадцать лет, и Ветер разучился улыбаться, а черные волосы Фауста тронул первый снег. Он уже не помнит, какая у друга улыбка: только спокойный и пронзительный взгляд серых глаз изредка немного теплеет. Старые шрамы зарастали и затягивались, из новых хлестала кровь, но и это проходило. У них на глазах сменилась целая эпоха, они сами воспитали не один выпуск, но самый первый и самый трудный оба запомнили навсегда. Тогда же Цитадель получила название: в честь той самой операции.

Спрятав гифографию, Фауст слышит, как напарник включает воду за стеной. Ну вот, опять душевая занята на ближайшие сорок минут. Через пятнадцать он не выдерживает:

— Господин утка! Люди вообще-то тоже с тренировки пришли!

— Да иду я, иду, — в голосе друга он не слышит того холода, и это успокаивает его намного лучше, чем перспектива свободного душа.

Вскоре Фауст понимает, что шорох мощных струй за стеной — это не ледяной душ, особенное успокоительное. Это снегопад. Уже третий кислотный снегопад за пару месяцев зимы... Метель, вьюга, настоящая буря. К бесконечному шороху примешиваются стоны и глухие завывания: стихия просится войти, но герметичные шлюзы и окна из гермостекла ее не пускают. Где-то внизу срабатывает сигнализация, затем еще одна, и еще, и еще, и вот уже воем наполняется весь корпус, и тревожная сирена заглушает стоны метели.

Световая сигнализация шаровой молнией скользит по стенам, активируя и тут же выключая все индикаторы. Уровень опасности, как и чаще всего, желтый: что ж, неудивительно.

Ветер вылетает из-за двери без свитера, с мокрыми волосами. Пока Фауст экстренно отключает все электронные системы и выдерживает шнуры, он активирует связной браслет.

— Гроза, прием. На связи отдел “R”. Запрашиваю химическую тревогу!

— Химическая тревога объявлена, — отвечает полумеханический голос Грозы, старшего менеджера отдела связи в Цитадели. — Предупреждение объявлено. Начать эвакуацию всех корпусов разрешаю.

— Когда люди считают, что они достигли высшей точки своего развития, они начинают искать новые и новые пути, возможности. И часто эти возможности переходят все границы моральных принципов, ведь мало кто думает о других, стремясь к всему самому лучшему для себя — и хорошо, если еще для своих близких, но в большинстве случаев...

Вой сирены химической тревоги перебивает лектора на полуслове и взрывает полусонную тишину в аудитории. Все, кто дремал на задних партах, вскакивают, как ужаленные, хватают рюкзаки, мечутся по рядам, опрокидывая стулья и мешая друг другу. Преподаватель, немолодой уже добродушный психолог, тщетно размахивает микрофоном: испуганных новичков практически невозможно утихомирить.

— Всем построиться по отрядам! Без паники! Ребята, главное — без паники! Двигайтесь строго за мной!

Проходя мимо огромного затемненного окна, я успеваю заметить разыгравшуюся метель: снег не просто белый, он фосфоресцирующий и кислотно искрящийся. Уличное освещение быстро гаснет у нас на глазах, хозяйственный двор и полигон погружаются в темноту, в корпусах тоже расплзается мрак, оставляя только приглушенные светодиодные дорожки. Преподаватель включает фонарь, но его, невысокого и довольно щуплого, плохо видно среди крепких широкоплечих парней, только белое пятно света скользит по стенам, а следом за нами ползут темнота и страх. У меня на руке холодеет посеребренный ободок часов. Непроизвольно бросаю взгляд на циферблат: стрелки остановились, только цифра 1 еще светится.

Разумеется, никакого “строго” не получается. Ребята напуганы и встревожены, сирены не умолкают, становятся лишь громче, и толпа новичков ломится во все закрытые двери, даже если черным по белому написано “Не входить” или “Третья ступень доступа” — туда могут попасть только наставники. Тревоги добавляет непрерывный писк шлюзов, то и дело открывающихся. Мы шумим, толкаемся, врезаемся друг в друга в темноте, мне уже оттоптали все ноги, и я давно не вижу соотрядников. Только пару раз мелькнули где-то неистово рыжие волосы Часовщика и Сойкины кудряшки. Профессор и вовсе пропал из виду, его скрыла толпа, только фонарь выхватывает из темноты одиноких “потеряшек”, жмущихся по стенам.

— Все за мной! С лестниц не спускаться! Вперед, не отставать!

На переходе мы мешаемся с другим, старшим потоком — второй или третий курс. Эти ребята двигаются почти организованно, без лишних движений и шума. А вот наши... Кто-то не слышит профессора и сбегает с лестницы: тройка ребят решает, что там путь короче.

— Остановитесь! Вернитесь! — профессор вдруг теряется, то ли бежать за ними, то ли вести дальше нас. Однако шлюз герметично захлопывается прямо перед носом у троих безалаберных новичков, и мы все вздыхаем с облегчением: все-таки хорошо, что на базе предусмотрены и такие случаи.

В суматохе меня едва не толкают на пол, кто-то случайно дергает за руку, и я чувствую легкий холодок на запястье, а потом шестым чувством слышу шорох на крыльце. Машинально хватаюсь за запястье. О нет!

У самой двери чьи-то сильные руки перехватывают и не пускают. Рвусь из стальной

хватки, пытаюсь разомкнуть цепкое кольцо — бесполезно.

— Часы! Мои часы!

— Назад! — кричит кто-то над самым ухом.

Наконец меня отталкивают: отлетаю к стене и вижу своего наставника. В защитной маске и перчатках, серьезный и бледный, он уже не смотрит на меня, машет напарнику и личной ключ-картой сам блокирует главный вход и ближайшее окно. А потом, когда охрана занимает свой пост у дверей, он вместе с коллегой исчезает в темноте.

Профессор приводит нас в бункер и предлагает ждать окончания тревоги. Здесь уже и многие другие, среди людей не так страшно, но мне все равно не по себе. Как же так, что сама природа делает с нами? Разве мы не защищаем ее?

В укрытии тихо. За мощными стенами бункера внешнего мира совсем не слышно, даже сирена словно бы примолкла. Возле шлюза — отсек дезинфекции, мы все по очереди проходим через него, получаем дозу антисептика и чистой воды, сильный вентилятор быстро приводит в порядок одежду и остужает разгоряченное от волнения лицо. В углу, рядом со мной, кто-то тихо всхлипывает, сжавшись и уткнувшись лицом в колени. Кто-то шумно спорит, кто-то проверяет вещи, но в основном все молчат, подавленные необъяснимой жестокостью и страшной бессмыслицей случившегося. Преподаватели, чьи лекции были сорваны, собрались у большого стола и вполголоса обсуждают происшествие, стараясь не оглядываться на нас. До нашего угла доносятся лишь обрывки приглушенного разговора:

— ...Так долго продолжаться не может!

— ...Четвертая жертва...

— ...Не успеем ничему обучить!

Хрупкая девчонка в форме поднимает голову и размазывает слезы по щекам. Я сажусь рядом и обнимаю ее, глажу по спине, чувствую, как она дрожит в моих неловких объятиях.

— Перестань. Слезами тут не поможешь. Видимо, здесь это нормально.

Цинично, но факт.

— Я понимаю, — всхлипывает она и утыкается мне носом в плечо. — Но все равно это так страшно...

Не знаю, что тут сказать. Просто утешаю ее и стараюсь не смотреть, как двое медиков осторожно спускают по лестнице носилки, от которых за километр пахнет спиртовой обработкой. Тяжело. Ошибка может стоить кому-то жизни. И хотя мне по-прежнему тревожно, я все-таки хочу узнать, что произошло. Поднимаюсь, иду за врачами, заглядываю одному через плечо и тут же отлетаю в сторону, с трудом сдержав крик. Тимур...

Старшие ребята, уже прошедшие инициацию и распределение в прошлом году, работают наравне с наставниками: помогают новичкам, замещают тренировки или уроки, дежурят на атаках. И погибают тоже наравне со взрослыми.

Время идет, но мы не знаем, как. Минуты стекают по глухим стенам тягучими каплями, словно издеваясь. Многие уже притихли, первая волна страха отступила, и моя знакомая незнакомка уже не плачет, а дремлет, прислонившись к моему плечу. Стараюсь не шевелиться, чтобы не потревожить ее, но тревога мучительно тянет внутри, пробираясь холодом под сердце и оставляя в груди пустоту. Наши наставники сейчас работают наверху вместе с экологами и биологами, устраняют последствия неожиданной катастрофы, которое, как я понимаю, не редкость в краях базы. Если это не первый раз, то у них наверняка есть

опыт, но...

Просто вспоминаю глаза Ветра. Его страшный, полубезумный взгляд в тот момент, когда он с трудом удержал меня на месте и отшвырнул от двери. Его стальную хватку и злой охрипший голос. "Назад!" — и резкий запах кислоты, и дым, и лицо Тимура — бледное, искаженное страхом и болью. А я так хотела найти его, поговорить, попросить вернуться домой, чтобы Даша и его родные больше не изводили себя... Из Цитадели просто так не возвращаются. Это становится понятно только сейчас. А он теперь не вернется никогда, даже если бы захотел.

Сейчас, когда в бункере становится тихо, снаружи доносятся глухие звуки стрельбы. Редкие короткие очереди чередуются с длинными, от каждого сухого треска едва не вздрагивают непробиваемые стены. Еще на предыдущих испытаниях нас научили ничему не удивляться и ничего не бояться, и теперь я боюсь признаться в самом обыкновенном страхе. И облегченно вздыхаю, когда подходят Север, Варяг и Сойка: все трое выглядят усталыми, но от одного вида живых и невредимых ребят мне сразу становится легче.

— Мы тебя потеряли, — Сойка садится рядом, приобнимая за плечи, как будто между нами никогда не искрило ни из-за тренировок, ни из-за беспорядка в комнате, ни из-за ее нескончаемой болтовни. Она смотрит с искренним беспокойством. — Когда того мальчишку... ну... когда он... мы долго звали тебя, но не нашли.

— Ты в порядке? — Север присаживается с другой стороны, отесняя от меня спящую незнакомку. Молча киваю. Я-то в порядке. А вот Тимур... И Даша — когда узнает правду, и его семья...

— Что за стрельба?

— Дежурные отстреливают дроны с химикатами, — Сойка тут живет дольше всех нас, она приехала еще в осенний набор, но подхватила простуду, и ей пришлось ждать очереди зимнего. — Беспилотники прилетают из-за Грани. Большинство база сбивает на подходе, но радары не всегда бывают точны, и часть все равно прорывается. Кислотный снегопад — еще не самое страшное, что может принести химическая атака. Посидим три дня в карантине, а потом все будет по-старому. Токсические выбросы куда опаснее. Если снег можно искусственно растопить, то газ ничем не разгонишь. После токсинов мы сидим в карантине месяц, за время моей практики такого еще не было.

Варяг молчит, но кивает в поддержку Сойке. Я вообще не помню, чтобы он сказал хоть слово. Оглядываюсь в поисках Часовщика — тот клюет носом над конспектом по программной инженерии. И только сейчас понимаю, по какому принципу формировались отряды: Варяг и Сойка — превосходные бойцы, Север — будущий медик, Часовщик — инженер-программист. Только вот при чем здесь я, да и вообще зачем на базе гуманитарии, пока непонятно.

Не успеваю толком предаться размышлениям о брэнности гуманитарных наук, как шлюз бункера громко пищит, пропуская отряд наставников. В защитных костюмах они выглядят как пришельцы — не могу сдержать кривоватой улыбки. По очереди скидывают в очиститель у входа комбинезоны, куртки, маски, выбрасывают перчатки и становятся похожи на людей. Я пытаюсь привстать и разглядеть в полумраке хоть что-нибудь, кроме силуэтов. Ветер подходит, как всегда, неожиданно. Он в одних брюках, а штормовку и рубашку держит под мышкой. От всей одежды сильно пахнет кислотой. Снова бросается в глаза страшный шрам, тянущийся через ребра, и я тихо опускаю голову, чтобы не разглядывать. Ненадолго задержавшись возле нас, Ветер вдруг молча бросает что-то мне на

колени и быстро уходит в отсек дезинфекции. А я не могу поверить глазам: он нашел мои часы.

Дождавшись отчета от младшего инструктора по безопасности, преподаватели собирают свои отряды и потоки и разводят всех обратно по аудиториям. Лекции, как оказалось, разрешают сдвинуть на час, и мы продолжаем, только понятно, что практически никому уже не до психологии человека в современных реалиях. Несомненно, это важно для того, чтобы понимать противника, изучать его намерения, тактику, различные паттерны поведения, но это дело по большей части относится к разведчикам и переговорщикам, то есть, дипломатам, поэтому из присутствующих здесь лекции по психологии мало кому пригодятся в деятельности. Я слушаю и записываю, чтобы отвлечься: если не буду думать ни о чем, то мысли неизменно будут возвращаться к Тимуру, лежащему на носилках, к кислотным пятнам на его одежде, в полнейшей тишине внутри меня снова будет эхом отдаваться одинокий крик боли и страха. Еще большее от того, что он был и моим другом тоже. Сжимаю виски ладонями и пытаюсь сосредоточиться на лекции. Хватит впечатлений на сегодня.

Часы мои снова оживают и едва слышно тикают секундной стрелкой. Все цифры подсвечиваются, как и обыкновенно — почему только единица тогда осталась гореть, непонятно. Чудеса техники, не иначе. Не могу не задуматься об их ценности, вспоминая, как Ветер сначала не позволил мне подобрать их, а потом принес сам. Не забыл в суматохе и всеобщей панике, обработал от кислотного снега и вернул. Пожалуй, теперь они будут вдвойне дороги — не только как память о прошлой жизни.

Во время обеда стоит странная подавленная тишина, только слышен негромкий стук посуды и электронный писк откидных стульев. В столовой успокаивающе пахнет чаем, кофе, свежеподжаренными тостами, но ни у кого нет сил ни есть особенно, ни обсуждать произошедшее, тем более что после перерыва старшие наставники собирают нас в общем зале — и все догадываются, о чем и о ком пойдет речь. Сойка рядом подкладывает себе добавки, а мне и кусок в горло не лезет: чудится, что все вокруг пахнет кислотой, и стоит прикоснуться, как ядовито-фосфорное свечение распространится по всей коже и задымится, как кислотный ожог.

— Ты чего не ешь?

— Не могу, — я отодвигаю тарелку, и она тут же проваливается в механический ящик для грязной посуды. — Мне нехорошо.

— Ужин нескоро, — Сойка вливает в себя вторую порцию апельсинового сока и тянется за второй булочкой. — А до него еще лекция и две тренировки. Ты свалишься!

Пожав плечами, по ее примеру набираю себе стаканчик сока, закрываю нос, делаю глоток. Ярко-желтый цвет тоже напоминает кислотные оттенки светящегося отравленного снега. Вскикиваю, едва не опрокинув стакан, пулей вылетаю из столовой. Нет, придется сегодня дожить до вечера голодной. Может, пройдет. С содроганием вспоминаю, как в бункере утешала плачущую девочку, а сейчас накрыло меня саму. Неужели так каждый раз? А каждый раз — это сколько? Можно ли привыкнуть к боли, к смерти, к тому, что люди убивают друг друга, даже не зная, на кого направлено оружие?

Наверняка те, кто отправлял эти кислотные дроны из-за Грани, понимали, что наставники и старшие, те, кто давно живет на базе, уже научены горьким опытом. Против кого тогда эти атаки? Против новичков, которые только недавно приехали и помешали людям только тем, что пришли служить в Цитадель? Неужели там, за Гранью, знали, что

жертвой отравленного снега станет мальчишка, вчерашний школьник, который просто хотел жить и работать?

Меня жутко тошнит от одной мысли о кислотном снегопаде. Не в первый раз жалею, что пришла на базу, но других вариантов найти близких и получить высшую ступень не было. Умываюсь холодной водой и смотрю в зеркало: припухшее бледное лицо, красные от слезы глаза и искусанные губы — видок у меня тот еще. Лысая три года назад после облучения, и то лучше была. Всхлипываю уже по инерции и умываюсь снова — хочется, чтобы вода смыла напоминание о едко пахнущем снеге, о беде, такой внезапной и от того еще более страшной.

Дверь-шлюз тихо пищит, пропуская кого-то, и я, глядя в зеркало, узнаю ту самую девушку, с которой Ветер разговаривал по видеосвязи. Невысокая и тоненькая, с короткими светлыми косичками, она совсем не похожа на остальных наставников, суровых и крепких. В ее голубых глазах — нежность.

— Ты из отряда Ветра, да? — она берет меня за руку, и от одного ее прикосновения становится теплее и спокойнее. — Тишина или Сойка?

— Тиша, — с трудом выдавливаю сквозь всхлипы. Отставить слезы!

— Тиша, — мягко повторяет тренер и подталкивает меня к выходу. — Пойдем. Ты опоздаешь на сбор.

— Чего я там не слышала? Опять будут говорить про...

— Будут говорить про безопасность, — терпеливо повторяет девушка, и я вдруг вспоминаю ее кодовое имя: Мелисса. — Поверь, нам всем очень жаль его, но вы должны понимать, что служба в Цитадели — это не только учеба и тренировки. Это не первая и далеко не последняя... — “смерть”, хотела сказать она, но, помолчав, добавила: — Ситуация. А если ты не узнаешь техники безопасности в таких случаях, следующая атака может стать последней и для тебя.

С этим не поспоришь. Молча киваю и даю себя увести.

База удивительно большая и удивительно хорошо замаскированная: как только ты получаешь ключ-карту для доступа, она преобразуется. Снаружи она выглядит как большой лесной коттедж, а внутри это огромное помещение нового времени, оборудованное роботизированными клинерами, дисплеями-помощниками, шлюзами, которые невозможно открыть просто так, системой лестниц-подсказок, которые сами выводят тебя в нужное место, если ты заблудился, и даже биокомпьютерами — о такой технике в столице даже не мечтают, это разработка наших инженеров специально для Цитадели. Очень полезная вещь: биокомпьютер настроен на определенное количество людей, его искусственный интеллект обучен воспринимать слова, команды одним прикосновением к сенсору, говорят, что он даже различает голоса и тепло рук разных хозяев. Интересно, есть ли у него любимчики?

Шучу внутри себя, но выходит совсем не смешно. Нас собрали в зале церемоний, самом большом и хорошо защищенном, не считая подземного бункера, помещении базы. Сюда можно входить только с наставником, потому что у зала третья ступень доступа и особая система контроля, а все дело в том, что именно из него ведет коридор в технический отдел базы. Так и сейчас: мы сидим в креслах-капсулах, все, как один в напряженном ожидании, а старшие наставники колдуют возле центрального биокомпьютера. Фауст прикладывает ладонь к сенсору, удерживая внимание искусственного интеллекта, Ветер и Мелисса настраивают звук и дисплей, еще двое тренеров, чьих имен я не помню, открыли вкладку с процентным калькулятором и, подключив реторту с собранным материалом кислотного снега, выводят на экран предполагаемую аналитику опасности.

Закончив с системными настройками, Мелисса нажимает зеленую кнопку на панели и поворачивает стрелку на первый режим. Кресла-капсулы тут же оживают, мы будто примагничиваемся к ним, и по телу разливается приятное тепло и покалывание, как в горячей ванной. Сперва вздрагиваю от неожиданности, но потом расслабляюсь и отдаюсь во власть машины: мысли плывут лениво и не держатся в голове, так хорошо и спокойно мне не было уже давно. Судя по лицам ребят, сидящих по обе стороны, — им тоже. Легкая вибрация расслабляет зажатые мышцы, встроенная система нагрева улучшает циркуляцию крови, и головная боль, и тошнота, и даже моя собственная тревога — все отступает, оставляя место ощущению легкости и покоя.

Последний раз я чувствовала то же самое в восемь лет. Мы с мамой и бабушкой праздновали Новый год за городом. До умопомрачения я каталась с горок, лепила снегороботов, бабушка обстреливал меня снежками — я была маленькая и такая счастливая, ничего вокруг не замечала, кроме всеобщего праздника и веселья, не видела, что дед все чаще останавливается, пытаюсь отдышаться и держась за сердце... А потом мы все вместе отогревались в доме под электроодеялами, пили чай-глинтвейн из маминых запасов, и тихая вибрация теплого пола и наших одеял успокаивала и согревала и взрослых, давно успевших забыть, что значит простая радость, и маленького взбалмошного ребенка, который мало что видел, кроме стен больницы и — иногда — учебного центра. В доме пахло ванилью, мандаринами и корицей, маминой выпечкой, бабушкиным мятным одеколоном, за окном падали крупные хлопья — не кислотного, настоящего снега, в который можно было прыгать, как в пуховую перину.

Капсулы неторопливо затихают и выключаются: что ж, хорошенького понемножку.

Однако даже после короткого сеанса я чувствую спокойствие и легкость, а еще в памяти до сих бродит запах Нового года и зыбкие воспоминания о домашнем тепле. Наверное, зыбкие не только потому, что давние, а еще и потому, что у меня их было мало. Пара недель летом, пара недель зимой, весной — вот и все.

Время возвращаться в реальность. В зале церемоний включают свет, огромный дисплей центрального биокомпьютера становится ярче, и мы видим схему помещений базы. По рядам новичков ползет приглушенное шуршание: “Ого! Вот это да...” — никто из нас и подумать не мог, что база такая огромная. Старшие ребята насмешливо оглядываются, а наставники звуком будильника на чьих-то часах призывают нас к тишине.

— Прежде чем начать очередной инструктаж и говорить о важном, я хочу сказать одно, — вперед выходит не старый еще, но уже седой тренер. Прикрепляет к воротнику свитера звукогенератор, и его голос многократно усиливается, эхом разносится под высокими сводами. — Погибший был членом моего отряда. За короткое время, что нам посчастливилось провести с ним, он показал себя способным учеником, храбрым и верным товарищем. Он совершил непоправимую ошибку, но это не делает его плохим человеком — к сожалению, в жизни случаются трагедии по простому недоразумению. Из-за спешки, неаккуратности, порой простого незнания ситуации. Впредь мы сделаем все, чтобы новички не повторили его ошибок. А сейчас почтим память товарища.

Все поднимаются, сложив руки за спиной и опустив голову. Оглядываясь на старших, я следую их примеру, и таймер тихо отсчитывает минуту молчания. Но сейчас думать об этом не так тяжело: возможно, все дело в необычном успокоительном, которое нам так великодушно предоставила Мелисса. А возможно, и в том, что приходит понимание: нельзя жить в настоящем, вечно оглядываясь на прошлое и сожалея об ошибках, которые уже невозможно изменить. Надо просто принять их...

— О технике безопасности во время химической и воздушной тревоги вам расскажет химэксперт Фауст, — старший наставник кивает коллеге, и Фауст поднимается на импровизированную кафедру. Ему и не нужен звукогенератор: все уже давно притихли и готовы слушать.

— Пятнадцать лет назад, когда история Цитадели “Вихрь” только началась, мы были уверены, что знаем все о наших противниках, ведь они когда-то выросли, учились и жили рядом с нами. Нам казалось, что это те же люди, что и мы, ведь не могли же они измениться до неузнаваемости за какой-нибудь год. Как оказалось — работая здесь и сейчас, никогда нельзя надеяться на память о прошлом. Люди за Гранью, или, как они сами себя называют, жители Системы, главного государства, неожиданно обошли нас и оставили в дураках. Неизвестно, где и как им удалось завербовать большое количество физиков, химиков и техников, но так или иначе, первое время половина наших отрядов погибала так же неожиданно и нелепо, как ваш товарищ — сегодня. Граждане изобретали все новые и новые способы нас уничтожить: воздушные обстрелы всей территории леса, которые не столько нанесли вред базе, сколько повлекли за собой лесные пожары; химические и термические атаки, одну из которых вы наблюдали сегодня утром; радиационную угрозу, которая десять лет назад вышла из-под контроля и коснулась не только Цитадели, но и жителей столицы.

Пока он говорит про радиационную атаку, невесело усмехаюсь и трогаю легкий пушок коротких волос, не так давно принявших относительно приличный вид. Смотрю на руки — тонкая кожа, сквозь которую видны вены, слегка узловатые пальцы, короткие ломкие ногти. Не глядя в зеркало, знаю, что в довершение образа прекрасной леди у меня тонкие

потрескавшиеся губы свечным герпесом, на щеках красные пятна аллергии на все подряд, несимметричные брови и короткие редкие ресницы. А еще хроническая неприязнь к замкнутым пространствам и стерильным помещениям — в больнице я провела больше времени, чем дома. Так вот кто во всем этом виноват...

— ...Прошло время, и мы научились отслеживать и по большей части отражать или предупреждать нападения из-за Грани. У нас есть сверхзвуковые системы противовоздушной обороны, мощные радары, которые пеленгуют посторонние сигналы и передают данные в техцентр, а мы высчитываем предполагаемую траекторию атаки и отстреливаем ее на подходе. Однако они догадываются о наших способностях и тоже развиваются. Если бы можно было перейти Грань и прикинуться жителем их государства, мы бы отправляли разведчиков, но самовольный переход Грани без специальных документов считается преступлением, поэтому мы не нарушаем их территории. Впрочем, то же самое они думают про нас, поэтому в тылу врага, так сказать, пока не работают ни они, ни мы.

— База ориентирована на защиту столицы и близлежащих регионов, — подхватывает инициативу Ветер, когда его коллега отходит глотнуть воды. — Все тренировки, все лекции, которые указаны необходимыми в адаптационной программе, нужны не только для того, чтобы определить вашу будущую специальность здесь, но и для того, чтобы обучить вас не бояться и не теряться в любой ситуации, справляться с любыми трудностями, уметь противостоять любым атакам, даже если это не в вашей компетенции. Вас учат сражаться, защищать себя и других, сортировать и анализировать информацию, оказывать медицинскую и психологическую помощь, разбираться в химикатах и лекарствах, управлять биокомпьютерами и электронными устройствами. И будьте уверены, что даже если вы определяете себя как бесполезного гуманитария или хотите служить на базе медиком и не понимаете, для чего вам многочасовые тренировки и лекции по социологии или программной инженерии, — вам пригодится все, чему мы учим, потому что программа разработана на нашем собственном опыте.

Жертвами химических атак чаще всего становятся те, кто паникует и слишком торопится. В спешке отключается способность здраво мыслить, а без нее мы не разумные люди, а стадо перепуганных животных, которые руководствуются лишь инстинктами. Вспомните, во время эвакуации вам ведь каждый лектор или тренер говорил держаться строем и четко за ним. И дело не в том, что мы хотим вымуштровать из вас идеальных солдат или роботов, а в том, что это для вашей же безопасности. Ребята пострадали потому, что посчитали себя умнее профессора и попытались сократить путь через улицу, но в панике они не сообразили, что именно на улицу выходить категорически нельзя. К счастью, двое из них отделались легким заражением и предстоящей неделей в карантине, но все равно приятного мало, и о самых страшных последствиях вы уже знаете.

Любая тревога сопровождается звуковым сигналом. Вот это — химическая, — он нажимает кнопку на динамике, и зал наполняется равномерным и однообразным тоскливым воем сирены. Вслед за ним последовали еще три: первый — чередование коротких и длинных звуков, как азбука Морзе, второй больше всего напоминает пожарную машину, а третий заставляет нас всех вздрогнуть: весь зал гудит от мощной и громкой вибрации, от которой дрожат стекла в прозрачных стенах. — Это артиллерийская, термическая и радиационная соответственно. К последнему сигналу нам приходилось прибегать только два раза, а остальные вы сможете услышать раз-другой в месяц. В любом случае, пока вы не прошли инициацию и не получили специальность, вам необходимо по сигналу собрать

несессер и спуститься в бункер. В большинстве случаев — самостоятельно или с чужой группой, потому что может так случиться, что ваш наставник окажется в числе дежурных. Мелисса, давай про состав сумки, — Ветер передает напарнице звукогенератор и спускается к Фаусту, который превратил стакан воды в ходячую шутку и пьет каждый раз, когда наставники произносят слово “атака”.

Мелисса поднимается на кафедру, и добрая сотня восхищенных взглядов скользит в ее сторону. Я тоже люблю. Они с Сойкой такие похожие и в то же время такие разные: Мелисса выглядит аккуратно и нежно даже без косметики, с собранными в косички волосами и обыкновенном спортивном комбинезоне, а Сойка каждое утро встает на час раньше, чтобы “привести себя в порядок”, и у меня кружится голова от ее сладких цветочных духов. Эх, не о том она думает...

Тем временем девушка прикрепляет к воротнику звукогенератор, похожий на старинный микрофон-петличку, и продолжает тему первой необходимости. От нее мы узнаем, что в несессере обязательно должны быть бинты, жгуты, спиртовые салфетки, обезболивающее и два шприца дексаметазы: один для себя, один для того парня, который опять забыл или потерял свои. Фляга с теплой водой, заряд для пистолета и нож из личного оружия, дополнительный аккумулятор от связного браслета, ключ-карта общего доступа на случай, если больше ни у кого не будет возможности открыть шлюз в бункере (практически невероятный случай, но теоретически возможный).

Вслед за Мелиссой на тему физической и психологической безопасности выступают наставники других отрядов, старших либо из соседних корпусов. Замечаю, что некоторые уже засыпают, но сенсорно чувствительные кресла-капсулы слегка встряхивают нерадивых слушателей и будят их, правда, ненадолго. Разумеется, из-за внештатной ситуации все наше сегодняшнее расписание сдвинулось, и на вечер остается только одна спаренная тренировка на три часа. После двухчасовой лекции, основанной на жизненном и боевом опыте наставников, социология нам уже ни к чему, и ее переносят на выходной день, а вечернее дело благополучно отменяется, и по рядам шелестит вздох облегчения: после сегодняшнего никому не хочется лицемерить и делать вид, что они заинтересованы отрядной игрой на сплочение или интеллектуальным квизом в сражении с биокомпьютерами.

Уставшие и еле живые после вечернего кросса, силовой и общей физической, мы вяло желаем друг другу спокойной ночи и расползаемся по комнатам. Мальчишки на прощание хлопают нас по плечу, говорят что-то вроде “вы это, обращайтесь, если что” и исчезают в телепорт-лифте: они живут втроем, а мы, как и все девочки — по двое. Сойка не глядя прикладывает ключ-карту к сенсору и взбалмошным ураганом влетает в комнату, снося мои вещи на своем пути:

— Чур, я первая в душ!

— Да не вопрос, — я расшнуровываю берцы и падаю на кровать. С удовольствием обнаруживаю, что нам наконец-то подключили исправленную систему отопления, и одеяла здесь тоже с подогревом. Еще одна моя личная память о прошлом...

“Дорогой дневник, сегодня я сошла с ума” — так и хочется написать, если бы было, на чем. После ремиссии я избавилась от всех напоминаний о больнице: старых наушников, белых вещей и бумажных блокнотов. Иногда лучше всего спасают от суровой реальности либо глубокий эскапизм, либо совершенное сумасшествие.

Мое присутствие здесь в принципе выглядит безумием. Полгода назад я и подумать не могла, что запишусь добровольцем на вступительные испытания, а потом приеду сюда и

неожиданно останусь. Я никогда не мечтала быть разведчицей или медиком. Не мечтала бегать по лесу со странным оружием и подчиняться командам человека, которого уважают и боятся. Но судьба не оставляет выбора ни мне, ни моим новым друзьям, которые тоже оказались в первых рядах защитников Цитадели. У многих за плечами своя история, и наверняка далеко не все пришли сюда просто потому, что им так захотелось служить на благо общества.

— Душ свободен, — Сойка сушит волосы пневматическим феном и кидает в мою сторону чистое полотенце. — Ты чего такая кислая?

— Чтоб тебе лимон в чай добавлять не пришлось, — вяло отшучиваюсь.

— Надоели твои подколы, — соседка морщит хорошенький носик и выключает фен. Кудряшки стоят пушистым облаком. — Ты вообще вечно всем недовольна. То груша спортивная тебя бьет, то еда в столовой не та, то жарко, то холодно... Знала же, что тут не курорт, зачем тогда поступала?

Чувствую, что Сойка заводится. Успокаивать ее бесполезно, да и нет ни сил, ни желания.

— Это не твое дело.

— Родине служат по призванию, а не по призыву!

— А я не служу родине!

— Эгоистка! — в меня снова что-то летит, но вдруг шлюз загорается, пропуская кого-то с высшим доступом, и расческа останавливается в воздухе, подхваченная рукой Ветра. Это было неожиданно, и даже красная от злости Сойка мгновенно затихает.

— Что за крики? — спокойно интересуется наставник, отдавая моей соседке потенциальное орудие убийства. — Вас слышно с первого этажа.

— Она сказала, что не хочет служить родине! — ябедничает Сойка. Когда-нибудь я закачу глаза так, что увижу свой мозг. Заодно и узнаю, осталось ли там хоть что-нибудь.

— Правильно сказала. Очень мало кто вступает в ряды новобранцев с желанием просто служить. У каждого свои причины, и мы защищаем не абстрактную родину, а то, что нам в ней дорого. Наши семьи, наших друзей, иногда даже просто память о чем-то. А если серьезно, Тиша?

Я пожимаю плечами. Не знаю, как объяснить, чтобы не показаться сентиментальной дурочкой. В Цитадели есть общий каталог всех когда-либо родившихся и погибших, однако в главный филиал имеют доступ лишь наставники либо служащие с высшей степенью доступа. Для этого надо пройти весь срок службы и иметь как минимум десять боевых выходов. А значит, для начала хотя бы поступить на первый курс. В этом каталоге среди сотен тысяч чужих имен я надеюсь найти имена родителей и дедушки. Если мама была со мной, хоть и не так долго, то отца я не знаю совсем, и почему-то думается, что семья станет ко мне ближе, если смогу прочитать и посмотреть их жизнь. И может быть, при случае отомстить за их смерть — если она была не просто волей судьбы и времени.

— Ладно, захочешь — расскажешь, — резюмирует Ветер. — А теперь в коридор обе. Двадцать отжиманий и два стакана воды.

Недовольный стон — единственное, в чем я солидарна с Сойкой. В пижамах и босиком выходим в коридор и отжимаемся, хотя после вечерней силовой земля не держит, а руки — тем более. Набираем из кулера пару стаканов и залпом пьем. Все-таки действенный метод: вся злость отступает, и остается только усталость.

— Ну что, угомонились? — наставник все это время стоял у двери, скрестив руки и

глядя на наши жалкие попытки отжаться. — Спокойной ночи, девочки. Не ссорьтесь.

*как будто можно забыть огонь?
как будто можно забыть
о том, что счастье хочет быть,
и горе хочет не быть?
Ольга Седакова*

Усталые руки нервно сжимают керамическую кружку, вены на предплечьях от напряжения кажутся темнее. По тесному и полностью механизированному кабинету скользит едва уловимый аромат капучино, как сигнальный маячок из далекого, теплого и уютного прошлого. Пересахаренный сублимированный кофе с разведенным сухим молоком — вот и все удовольствие. А раньше это было особенным наслаждением и любимым ритуалом: встать пораньше, поколдовать над причудливо расписанной туркой, снять горькую пену, добавить ваниль и корицу...

Руководитель корпуса морщится и устало трет переносицу. Переводит взгляд на подсвеченный красным монитор: бегущая строка отсчитывает последние минуты жизни улетевших за Грань дронов, там же отображается критический уровень их заряда, территория предполагаемого охвата. Эти маленькие жучки оказались весьма и весьма опасными: как минимум, их усовершенствованная версия способна загрязнить атмосферу токсичными выбросами на определенной территории, такой силы, что последствия могут быть сравнимы с радиационной катастрофой местного масштаба. На это и направлена их деятельность: они отправляются под видом дронов-разведчиков, чтобы граждане ни о чем не догадывались, а потом методично отравляют обозначенные в краткосрочной программе кубометры.

Центр новых химических технологий очень гордится этим изобретением: невидимого врага легче победить невидимыми средствами. Правда, у любой медали есть две стороны: область химического поражения неизвестна, дроны-жучки еще не способны передавать такую информацию. Они просто летают по периметру, прячась в густых ветвях, и распыляют в воздухе едкие кислотные диоксиды. В лабораториях химцентра уверены, что методов борьбы с таким загрязнением атмосферы лесные дикари еще не изобрели.

Герметичный шлюз кабинета тихонько попискивает, информируя хозяев о гостях без нужной ступени доступа. Наверняка кто-то из младших сотрудников с очередной неурядицей вне работы или просьбой отпустить пораньше, “у меня же ребенок”... Директор центра химических технологий раздосадованно ставит чашку на стол и идет открывать. А впусив посетителя, бледнеет и спешит активировать выдвижной стул и ему, и себе: если старший научный сотрудник, инженер-технолог АН-322 пришел сам, без тысячи требований, значит, случилось что-то из ряда вон.

- Они расстреляли почти все дроны, — без всякой предисловий коротко обрубают инженер-химик. — Сведения из центра разведки одиннадцать минут назад. И я сразу сюда.
- Процент поражения известен?
- Невозможно отследить, в корпус дрона встроены только геолокаторы. Аппарат слишком мал, там и без того маячки и провода еле вмещаются.
- То есть вы отправляете дроны в свободный полет? — от возмущения голос директора

становится похожим на змеиное шипение. Хотя кто помнит, какие звуки издают эти твари... В государстве давно уже нет никаких нежелательных субъектов, ни птиц, ни диких животных. — И нет возможности получить никакой обратной связи?

— Нет, почему, связь есть, — торопится АН-322, поправляя неуклюжие очки, заклеенные на дужке обмоткой мембраны. Директор снова морщится: все нормальные люди, если они, конечно, граждане, давно носят комфортные линзы, а этот старый чудак никак не избавится от неудобных стеклышек. — Они способны передавать программные коды, и из них можно извлечь сведения о территории распространения, проценте концентрации оксидов и спиртов, о возможных жертвах. Вот, например, сегодня пострадали трое: один убитый и двое зараженных.

Инженер смущается и, не зная, куда деть руки, то теревит очки, то приглаживает лысину, то скребет седые усы и бороду. А потом задумчиво берет со стола директора чашку и шумно отхлебывает обжигающий кофе.

— Зараженные — это не результат! — фыркает директор и, выхватывая у старшего сотрудника свою чашку, с грохотом ставит на стол. Та жалобно звякает, расплескивает безвкусный напиток, и крохотные роботы-очистители бесшумно скользят по белоснежной поверхности, круглыми виброщетками устраняя последствия. — Они, конечно, те еще неандертальцы, но мы уже поняли, что у них есть либо возможность дезинфекции, либо качественные средства защиты, иначе после третьей атаки базы уже не существовало бы.

— Вы уверены, что они... похожи на людей вне цивилизации? — осторожно интересуется АН-322. — Они не так глупы, раз нашли способ отбить атаки. А еще мы теперь знаем, что у них как минимум есть огнестрельное оружие.

— Сражаться с врагами, превосходящими в численности и силе, куда легче, чем прощупывать почву на заросшем болоте или жерле вулкана. Невидимый враг опасен тем, что мы ничего о нем не знаем. Пятнадцать лет назад это были беспомощные школьники с двумя пистолетами и целым ворохом бесполезных амбиций, а кто они сейчас, мы даже представить себе не можем. Да оставьте наконец очки в покое, я вам на День Единства линзы подарю!

Медленно, неловко, извиняющимся жестом АН-322 снимает очки и близоруко щурится. Только теперь директор замечает, что главный специалист уже немолод, и более того, его здоровье оставляет желать лучшего. Близорукость, одышка... Так и до смены дойдет, а менять мозг компании сейчас ни в коем случае нельзя. В крайнем случае — помощники, которые выполняют большую часть работы за старшего коллегу, но гордый АН ни на каких помощников не согласится. Честные граждане работают сами.

Честные граждане... Директор нервно усмехается, отпускает усталого измученного инженера. Он пришел в институт химических технологий не так давно, но уже успел заработать авторитет. Пятнадцать лет назад, когда все это только началось, такого ценного работника у института еще не было, но и десяти лет хватило, чтобы наверстать упущенное. Порой время измеряется совсем не так, как люди привыкают к нему.

Директор запирает дверь изнутри на код и устало опускается в кресло. Встроенный массажер твердым шариком катается вдоль напряженных плеч, но долгожданное расслабление так и не приходит. Директор уже не первый год живет одним клубком нервов, вечно напряженных и натянутых, как тетива лука. Иногда жить на пределе — это очень больно, но еще больнее понимать, что ты не первый, ты не лучший в своем деле. Жизнь — это замкнутый круг.

А этажом ниже, в отсеке компьютерных биотехнологий, АН-322 судорожно выворачивает наизнанку несессер и ищет капсулу с таблетками. И не находит.

Зато на встроенном в стену плазменном HD-мониторе мигает зеленый индикатор. Хозяин кабинета включает экран и видит голубовато-серый циферблат с тремя стрелками и тусклыми цифрами. Секундная стрелка с изящным наконечником дергается в конвульсиях и замирает рядом с отметкой 5, минутная и часовая не двигаются с места. Только цифра 1 приглушенно светится белым, а потом часы медленно тускнеют, и экран гаснет. Инженер рассеянно трет седые виски и вместо таблетки запивает горячим кофе леденец.

Прежде чем окончательно раствориться в черном зеркале всех пороков, секундная стрелка оживает и подползает к светящейся единице. Что-то больно колет и тянет под сердцем, но АН-322 не может ничего понять, как ни старается. Может быть, это что-то из того, что осталось за Гранью? Вот только... что? Разве была у него такая же жизнь по ту сторону?

— Учитель, что с вами? Вам нехорошо? — в кабинет заглядывает юная ассистентка, большеглазая стрекоза РИ-112. Старший инженер только молча отмахивается и залпом допивает горячий кофе. Так и не ожившие воспоминания рассеиваются горечью гораздо крепче напитка.

— погоди, раз пришла, — жестом он останавливает свою стажерку. — Сейчас я тебе активацию и блокировку дронов покажу.

РИ-112 быстро садится за монитор. Старший инженер, снисходительно хмыкая, качает головой: эту девушку уже сломала Система. Сломала еще в раннем детстве, и она выросла такой — слишком правильной, слишком послушной, слишком идеальной, не похожей на живого человека. Она беспрекословно исполняет все поручения, никогда не идет против правил, и если что-то не получается, бьется над одной задачей, пока не выйдет результат. Ее жизнь наверняка будет скучной: обучение в инфоцентре, а потом и работа там же — здесь АН-322 невесело вздыхает, вполне резонно полагая, что со временем именно она сменит его на посту главного биоинженера, — потом определенное Системой замужество, ребенок, который вырастет под чутким руководством Системы и станет новым гражданином-роботом.

РИ-112 усердно записывает все под его диктовку на карманный минибук: пока он диктует, система записи голоса фиксирует и выводит на экран все слова. Совсем обленилось младшее поколение, даже стилус в руках разучилось держать. То ли дело было раньше, когда и физической работы никто не гнушался.

Ненадолго умолкая, чтобы передохнуть, инженер АН-322 снова потирает переносицу. Тонкая красная нить, связывающая его с прошлым, безвозвратно ускользает, не дается в руки, только ехидно помахивает пушистым кончиком, как хвостом, и едва показав одно смутное воспоминание, исчезает, не давая опомниться и собраться с мыслями.

Десять лет назад он оказался в Системе: открыл глаза в медицинском центре, в капсуле жизнеобеспечения, совершенно без памяти и каких-либо чувств. Единственное, что ему удалось вспомнить — как люди в стерильных белых биокомбине зонах склоняются над ним, подключая его к капсуле, вертят регулятор на капельнице, постепенно увеличивая дозу лекарства, пока он, наконец, не приходит в себя. Все это очень странное воспоминание, напоминающее фильм, снятый неуклюжим режиссером, а оттого не похожий на реальность. После недолгой реабилитации он как безработный дееспособный гражданин прошел ускоренную инициацию, получил свой номер и отправился работать в инфоцентр —

головной офис Системы — инженером по химическим технологиям. Чем-то подобным он занимался до болезни, но кроме технических знаний и матчасти совсем ничего не помнил. Ни того, где родился и вырос, ни людей, которые помогали ему обрести эти знания, и даже того, была ли у него семья, или он так и прожил свои шесть десятков холостым и бездетным. Во всяком случае, супружеского браслета на левой руке не было — а значит, и женат он, скорее всего, не был.

Сперва ему казалось, что такая глубокая амнезия — следствие болезни, но вскоре он начинает понимать, что это очень странно: никаких воспоминаний о личной жизни нет, зато все знания остаются прежними и, вероятно, становятся только лучше. Он подозревает, что за время болезни кто-то услужливо подправил ему память. Вот только кто и зачем?

— Учитель, я закончила, — напоминает о своем присутствии стажерка ровным, механическим голосом, лишенным всяких эмоций. Он поспешно кивает:

— Да, да... вижу. Ты молодец, хорошо справилась. Теперь передай дрону-пилоту команду поменять траекторию на 180 градусов и отключить блок питания в системе распыления химикатов.

— Что это значит?

— Это значит, что нашим электронным солдатам пора возвращаться. Давай, — он мягко треплет ее по плечу и ощущает, как ее спина, и без того прямая, как линейка, напрягается еще сильнее. И поспешно убирает руку: современные компьютеризированные дети не привыкли к ласке. Им будет куда понятнее, если взрослый, желающий похвалить, обратит слова поощрения в какую-нибудь награду или достижение нового уровня. РИ-112, например, важно, чтобы руководитель повысил ей рейтинг среди прочих стажеров: тогда она сможет быть на шаг ближе к должностному повышению и окончанию стажировки.

Что ж, ему несложно, он запишет ей десяток-другой хороших баллов и оформит безукоризненную, как сама девушка, рекомендацию. Вот только жаль, что она не понимает добрых слов и совсем не чувствует теплоты — АН-322 прячет руки за спиной. Очередное смутное воспоминание лезет напрямик в душу: с кем-то он уже так делал, кого-то обнимал в благодарность за что-то тепло и ласково, и тот человек с готовностью принимал ласковое отношение. Кто же это был... Инженеру чудится, что одна зацепка, одно разгаданное воспоминание поможет ему вспомнить все и понять свою жизнь, оставшуюся за Гранью. Вот только воспоминания упорно дразнят и никогда не возвращаются. Уже добрый десяток лет инженер-химик АН-322 не знает и не понимает сам себя. Даже замкнутый за Гранью мир, даже государственная Система и весь сумасшедше огромный центр кажутся ему понятнее, чем собственная жизнь, больше похожая не на целостную картину, как у всех граждан, а на развалившийся по деталям пазл, у которого, к тому же, стерлись отдельные изображения.

Всей Системой правит президент, в прямом подчинении у него — коменданты гарнизонов, а у тех — директора центров: информационного, военного и центра разработки. В первом работает АН-322 и знает директора уже добрых десять лет. Идет время, и ничего не меняется. И, похоже, не изменится никогда. В подчинении у центров — государственная армия, прекрасно подготовленные, обмундированные и вооруженные бойцы, почти непобедимые, жаль только, практически совсем без интеллекта. Граждане находятся на том же уровне иерархии, что и солдаты, а ниже всех — маргиналы, бездомные, лишившиеся или так и не нашедшие свой класс и свое призвание в государстве. Система работает четко и слаженно, как один большой механизм, а тех, кто пытается ломать шестеренки и идти против нее, она ломает, пережевывает и выплевывает — либо в низшие слои общества, либо

за Грань, откуда уже нет возврата.

Прилежная отличница-стажерка РИ-112 давно ушла, получив свои рейтинговые баллы, и главный инженер инфоцентра засыпает перед монитором, на котором лениво моргает неровная траектория уцелевших дронов. Их совсем немного, всего пять, и летят они так, будто птицы, которым подстрелили по одному крылу. Их настройки сбиты, оборудование сломано, да и предустановленная траектория потеряна: АН готов поставить на то, что в центр вернутся только два из пяти. А может быть, и вовсе один. Очередная операция проходит практически безуспешно, и он понимает, что последующие подобные точно так же обречены на провал: люди за Гранью, обосновавшиеся на таинственной базе — не такие уж неандертальцы, какими выставляет их директор. Как минимум они научились отражать химические атаки и выжили после мощной радиационной — а это дорогого стоит.

Если бы только можно было переходить Грань...

Очередное утро начинается с дребезжания Сойкиного будильника. Нет, что бы там ни говорили на лекциях по физике, а самой большой силой притяжения на свете обладает моя подушка в семь утра. И что самое обидное, соседка спит и не слышит — вставать и выключать локальную сирену приходится мне.

Кое-как соскребаю себя с постели. На красном табло-дисплее горят цифры: без четверти восемь. Оказывается, несчастный будильник надрывался уже сорок минут, а мы спим, как убитые. Теперь понятно, почему каждая сирена тревоги сопровождается ощутимой вибрацией — некоторых особо уставших и пневмопушками не разбудишь. Что уж там какая-то... радиация.

Тренировка через пятнадцать минут, а мы еще толком не проснулись! Чует моя... кхм, душа, устроит нам Ветер и бурю, и ураган. Расталкиваю соседку, и пока она оккупирует ванную, я нагретым электроном летаю по комнате, втискиваюсь в форму, заправляю свою постель и, немного подумав, Сойкину — а мысленно записываю, что за это надо будет выпросить у нее вторую порцию сока, если будет вишневый. Все равно она его не пьет, а я обожаю. Расчесывать мне почти нечего, умоюсь по дороге салфетками. Поторапливаю мою сонную подругу, и вот уже через двенадцать минут мы вылетаем из жилого блока, сшибаем выползший из-за угла робот-пылесос, скатываемся на лестницах по перилам (Сойка еще успевает ворчать на меня за то, что не дала ей накраситься как следует) и влетаем в зал за две минуты после сигнала, уставшие заранее.

Мальчишки уже построились на кросс, а мы топчемся в шлюзе. Антисептик, не дождавшись, обрабатывает нас сам, встроенные в пол щетки быстро чистят подошвы, а наставник ничем не выражает своего недовольства. Дорого бы я дала за такую выдержку.

— Сверхурочное дежурство, — коротко говорит он совершенно спокойным и обыденным голосом, но мы переглядываемся и понимаем, что спорить бесполезно: сами виноваты. — В конец строя. Десять минут по периметру — бегом марш!

— Ты еще позже могла меня разбудить? — возмущенно шипит Сойка, стоит нам только поравняться.

— Ты еще крепче могла заснуть? — вторю я ей. Не вижу ничего катастрофического в сверхурочном дежурстве, кроме того, что мы опять ляжем позже всех. Что ж, надо переходить на солнечную энергию и заряжаться от дневного света. Наверное, на нашей базе возможно и такое.

День не задается с самого начала. Несмотря на то, что я изо всех сил стараюсь выполнять рекомендации наставника, спарринги у меня никак не ладятся: сначала Варяг, а потом и Север легко расправляются со мной на ринге. Песок путается в волосах и скрипит на зубах, колени и спина горят огнем от падений, а мальчишки только сочувственно вздыхают: поначалу они пытались поддаваться, но сначала я сама прошу их так не делать, а потом и Ветер подключается. “В сражении не место жалости, сейчас перед вами не однокурсница, а соперник, забудьте о том, что вчера помогали ей чинить рацию и настраивать оптический прицел. У войны короткая память” — вот и все, шутки кончились. Видимо, наставник тоже не в духе, и скорее всего, даже не из-за нашего опоздания.

Несмотря на общее “ненастроение”, это все-таки скорее исключение, чем правило. Отряд у нас в общем-то хороший, даже с Сойкой можно ужиться, если абстрагироваться от

ее беспрерывной болтовни и изредка кивать невпопад. Север — всегда бодрый и веселый парнишка, разрядит любую обстановку, даже сегодня нам от его шуток и подмигиваний становится немного легче. Часовщик — наш островок спокойствия, его не сильно огорчает даже перспектива ночного дежурства, он не выглядит ни напуганным, ни растерянным, как будто прожил на базе уже не один год. Мне нравится его уверенность в завтрашнем дне. И нравится, как он расспрашивает меня о дедушкиных часах — хотя это и болезненное воспоминание. Варяг... я до сих пор не понимаю его, не знаю, как лучше вести себя с ним, поэтому отношения у нас все еще настороженные. Варяг нелюдимый, но не мизантроп, никогда не поддерживает общее безудержное веселье, словами не бросается, говорит редко, но метко. И все же есть в нем некая надежность, приятное ощущение защищенности рядом с ним. Он — та самая каменная стена, но чтобы покорить эту стену, нужно не взять ее штурмом, а попытаться принять ее существование здесь и сейчас. У меня пока не выходит, впрочем, справедливости ради — Варягу я тоже неинтересна как девушка.

Да и кому я буду интересна, кроме медперсонала в больнице? Видели бы меня наши мальчишки года три назад — вообще бы разговаривать не стали. Спасибо, что прожила еще один день. И еще один. И еще.

Однако именно в спарринге с Варягом у меня получается лучше всего. Да, он все-таки жалеет, не бьет в полную силу и не кидает лицом в песок, как у них частенько бывает с Севером — но мне с ним по-настоящему интересно тренироваться, почти как с Ветром. Значит, правильно я догадалась, что он и Сойка — будущие работники боевого отдела.

Делаю все, как показывал наставник: обманчиво-расслабленная стойка, согнутые локти и колени, взгляд — в лицо оппоненту. У Варяга голубые глаза и грубоватые светлые черты — он действительно слегка похож на викинга. Сенсорный счетчик баллов на краю ринга пищит, пора начинать.

Варяг кружит по рингу, выжидает, пока я первой начну атаку, но такая позиция невыгодна: поняв мои действия, он сразу же возьмет ситуацию под контроль и направит поединок в русло, удобное для него. Поэтому я выполняю обманный маневр: бью в сторону, нарочно промахиваюсь, кувырком падаю ему под ноги и легкой подсечкой под колени пытаюсь сбить на песок. Однако Варяг гораздо сильнее и крепче, чем выглядит на первый взгляд: терять равновесие он даже не собирается, смотрит на меня сверху вниз чуть насмешливо. Прикладывает к сенсору ладонь, получает свои пять очков и помогает мне подняться.

— Не ушиблась?

Первый раз, когда он заговорил со мной. Даже теряюсь от неожиданности и забываю активировать робота-очистителя, чтобы тот выдул песок из волос, и осторожно опускаюсь на скамейку. Варяг присаживается на одно колено напротив:

— У тебя кровь.

И правда: леггинсы слегка разорваны, а на коленке ссадина. Видно, хорошо я пропахала песок. Не обращая внимания на мое странное молчание, Варяг вдруг достает из несессера спиртовую салфетку и осторожно стирает кровь с моей коленки и штанины, а потом другой салфеткой делает легкую временную перевязку быстрыми и уверенными движениями.

— Извини, не хотел, — коротко бросает он, поднимается и уходит. А я сижу и пораженно смотрю ему вслед: вот тебе и ледяная неприступная стена...

Конечно, не о том сейчас думать надо. А о ночном дежурстве, например, о котором в первый день Сойка сказала, что это опасно, потому что “убить могут на раз-два”. Я почему-

то совсем не ожидала, что оно может стать штрафной санкцией за банальное опоздание, однако с того дня, когда произошла трагедия из-за снегопада, мы все понимаем, что дисциплина в Цитадели — превыше всего.

Вечером, когда все лекции и тренировки проходят — проходят мимо меня, — наш отряд, встрепанный, взъерошенный и категорически недовольный жизнью, собирается в фойе первого этажа. Здесь база напоминает какой-то информационный центр, где три стены из четырех представляют из себя огромные компьютеры, с которых можно узнать любую необходимую информацию, если она в твоём доступе. Так, например, у нас, новичков, нет доступа вообще ни к чему. Когда пройдем распределение — чуть больше, чем через месяц — получим первую ступень. У большинства наставников — третья, почти самая высокая. Четвертая — только у руководства Цитадели или у бойцов-ветеранов, которые никогда не получали административных выговоров. Интересно, почему у Ветра до сих пор ее нет? Она действовала у того наставника, в чьем отряде тогда погиб парнишка, и теперь из-за этой нелепой катастрофы наставника разжаловали до третьей ступени, что в общем-то не критично.

Вот только мне нужна именно четвертая. Никаким другим способом нельзя получить доступ в архив Цитадели.

...Вскоре спускается Ветер в своей неизменной синей штормовке и полном вооружении. И только тогда нам становится страшно: не берусь говорить за других, но у меня под ногами покачивается пол, сердце совершает кульбит и показывает чудеса акробатики, а вдоль позвоночника скользит ощутимый холодок. Неосознанно касаюсь руки Варяга, стоящего рядом, и чувствую, что она такая же холодная, как у меня.

Варяг руку не отнимает, но я отдергиваю сама, когда возвращается способность мыслить.

Мы все порываемся идти к аварийному выходу, но Ветер останавливает одним движением. Целый день он как будто не в своей тарелке, и нам передается это скользкое, неприятное, липкое чувство тревоги. Даже Сойка, и та притихла, прячется за плечом у Часовщика. А еще я вдруг замечаю, что она не покрашена.

Пока мы топчемся в фойе в полном молчании, Ветер ключ-картой открывает один из шлюзов, и тот с едва слышным писком герметично захлопывается. Не сговариваясь, мы прилипаем к нему со всех сторон, вот только на стенах административного корпуса стоит качественная звукоизоляция. Недолго помучившись в неведении, Часовщик вдруг выуживает из внутреннего кармана куртки крохотный прибор, напоминающий капельку. На обратной стороне у него — три кнопки, красная, зеленая и белая. Парень нажимает сначала зеленую, потом белую, и устройство вдруг оживает, вибрирует.

— Это карманный усилитель звука, — шепотом поясняет Часовщик, донельзя довольный собой и своим изобретением. — Я в учебном центре подслушивал лекции у ребят постарше. Сам сделал.

Мы толкаемся у двери, пытаюсь встать поудобнее, а Часовщик пристраивает свою капельку к шлюзу, и мерно гудящая компьютерами тишина вдруг наполняется разговором. Голосов всего три, один женский, похоже, Мелиссы, другой принадлежит Ветру, а третий... возможно, я ошибаюсь, но похоже, что это тот самый лысый инженер из приемной комиссии.

— ...Девочки сами виноваты, им ничто не мешало прийти на тренировку вовремя, — говорит он. Настройки слегка сбиты, и голоса слышатся как будто из-под воды, но в целом

разборчиво. — Да, это серьезная мера, но лучше сейчас показать им, что расслабляться нельзя, чем потом рвать на себе волосы из-за того, что их нарушения дисциплины привели к непоправимым последствиям.

Кто бы говорил про волосы.

Однако ни Ветру, ни Мелиссе явно не до смеха.

— Послушайте, Капитан, мы пока вправе все отменить. Химическая атака дронов — это еще цветочки, вы сами знаете, что они никогда не ударяют один раз. Что, если именно сегодня ночью у них запланирован следующий?

— Будет им наукой, — коротко обрубает главный. Судя по всему, Капитан — его кодовое имя.

— Будьте благоразумны, оцените реальные риски и опасность, — подключается Мелисса. — Я, конечно, скорее медработник, чем тренер, но даже мне понятно, что новички плохо справятся с дежурством. Если кто-то из них... погибнет, — она выдерживает короткую нервную паузу, — то виноваты в этом будете вы. Вы готовы жить со столькими потерями на совести?

Ненадолго наушник замолкает. В тишине слышны тяжелые шаги подкованных железом сапог и шумное дыхание Капитана.

— У служащих Цитадели нет совести, — чеканит он сухо и холодно. — У них нет чувств и сентиментальности. У них есть боевые задачи, которые надо выполнять, даже если ценой чьей-то жизни, черт возьми!

Снова молчание. Я вижу, как у Часовщика дрожат пальцы, а Сойка бледнеет. Выходит, наша жизнь не ставится ни во что? В цену боевой задачи, причем далеко не самой важной? Что ж, громкие слова всегда говорятся на публику, а истина тщательно скрывается за герметичными шлюзами с аудиоизоляцией.

Они еще недолго спорят, но Капитан, руководитель базы, непреклонен. Он настаивает на том, что дежурство не должно быть заменено, даже в экстренном порядке, и хотя Ветер изо всех сил заступается, его решения уже ничто не может изменить. Нам очень стыдно, ведь если бы не наше опоздание, ему не пришлось бы оправдываться и просить у старшего замену. Хотя все равно это не приносит никаких результатов.

Шлюз открывается без писка, неожиданно, и мы едва успеваем отскочить. Наставники выходят мрачные, Мелисса едва кивает всему отряду и спешит уйти, а Ветер берет из рук Часовщика наушник-капельку. Поднимает ее к свету, прикладывает к связному браслету для активации — несмотря на то, что хозяин успел ее выключить, браслет наставника может включить все, что угодно, не имеющее особого доступа. Капелька вибрирует и включается.

— Хорошее изобретение, — констатирует Ветер. Бросает наушник на пол и наступает тяжелым сапогом. — Только не для тех целей.

У Часовщика лицо заливает бледность, он сжимает кулаки, однако сдерживается, ничего не говорит. Сойка цепляется за его рукав, но он угрюмо отмахивается и первым уходит к главному шлюзу. Нам ничего не остается, кроме как последовать за ним.

В лесу, окружающем базу, темно, сыро и холодно. Кислотный снег искусственно растопили роботы-очистители, в атмосфере опасности нет, но мы должны быть начеку: это действительно не последняя атака, и неизвестно, когда будет следующая. Мы идем цепочкой за наставником, под ногами хлюпает грязь и шуршит жухлая листва, сосны бросают под ноги пожелтевшие иголки. Сверху что-то мелко моросит: то ли дождь, то ли обыкновенный снег, порывы ветра скользким холодом пробираются под куртку и путают волосы — я прячу руки

в рукава и поднимаю воротник, но легче от этого не становится. От сырости пахнет геосмином и грибами, на сапоги моментально налипают комья грязи, и поднимать их все тяжелее. А база остается все дальше и дальше, и окна в ней не светятся даже ночью. Мне не по себе.

Не знаю, сколько мы уже идем, но на одной из дорожек Ветер останавливается и раздает нам связные браслеты. Что ж, хоть что-то интересное за сегодняшний день. Наставник приподнимает рукав куртки и показывает на своем:

— Это кнопка активации, дисплей при включении сразу глушите или прикрывайте лапами куртки — очень яркий, легко заметить в темноте. Работает как обыкновенный экран, не пугайтесь, что прозрачный — встроенные механизмы у него те же, что у сенсора. Для выхода на связь — цифры азбукой Морзе, каталог включается повторным нажатием на застежку. Ничего сложного. В случае обнаружения пустот включайте карманного робота для герметизации, в случае обнаружения подозрительных объектов — не ищите, как их обезвредить, сразу вызывайте меня или дождитесь, если вы впереди. Разделимся по трое, связь каждые тридцать минут. Варяг, Север, Часовщик — вы по траектории юго-юго-запад, девочки со мной. И еще, — добавляет он после недолгой паузы. — Не прикасайтесь к Грани без гермоперчаток. А лучше вообще не прикасайтесь.

От его указаний становится все тревожнее и тревожнее. Парни, серьезные и притихшие, кивают нам на прощание и растворяются в вязкой сырой темноте. Сойка нервно закусывает губу, я неуверенно беру ее за руку.

— Не волнуйся, все хорошо будет, — говорю ей, хотя сама абсолютно не уверена.

— Отставить разговоры! — рявкает Ветер. Ему даже не надо угрожать штрафом или чем-то еще: мы и так донельзя напуганы и понимаем, что если бы не наш промах, ничего бы не было.

Около четверти часа проходит в полном молчании. Мы с Сойкой ползаем по мокрой примерзшей грязи. Кто бы мог подумать, что в мире технологий и гаджетов нам придется искать их не особыми приборами, настроенными на ультразвук, металл, посторонний радиосигнал или что-то подобное, а просто вот так, по грязи и холоду, руками в тонких биолойкровых перчатках?

У меня от холода коченеют пальцы, у Сойки на щеках и подбородке грязные разводы. Однако, не успеваем мы начать ненавидеть это дежурство, как словно из ниоткуда беззвучно появляется Ветер. Достает из рюкзака большую термокружку, активирует мгновенный подогрев маленьким девайсом на брелке и отдает нам.

— Грейтесь. Нам до рассвета тут сидеть.

— Мы ничего не нашли, — рапортую я, пока Сойка пьет его волшебный чай.

— Я знаю, — вздыхает наставник. — Это нормально.

— Почему вы так просили отменить дежурство?

— Потому что мне дорого место на базе, но ваша жизнь дороже. Капитан так не считает.

— Говорят, с вами в рейды ходить безопаснее всего, — Сойка отдает кружку мне и лукаво улыбается. Ветер мгновенно мрачнеет.

— Нет. Никто не застрахован. Я достаточно опытный, но не всемогущий.

— У вас вроде бы нет четвертой степени? — продолжает допрашивать Сойка, абсолютно не замечая, что ему явно неприятен этот разговор.

— Была, — коротко отвечает Ветер. — Все, перерыв закончен. Сейчас мальчики выйдут

Я проверяю время: и правда, прошло без одной минуты полчаса. Но с циферблатом происходит что-то странное: он медленно мигает, то загорается на всю мощность, то тускнеет, стрелки дергаются в конвульсиях. Стучу по нему двумя пальцами, зажимаю ладонью — все бесполезно, часы сходят с ума. Настроив свой связной браслет и включив дисплей в ожидании сигнала, Ветер замечает мои метания.

— Тиша, не отвлекайся, внимание на связь.

— У меня, наверное, часы сломались, — смущенно шепчу в ответ, соображая остатками совести, что моя поломка не важнее первого отчета. Однако Ветер, вздохнув, протягивает руку:

— Дай посмотрю.

Холодом ремешок скользит по моему предплечью и ложится наставнику в ладонь. Поднеся его к единственному источнику света, Ветер хмурится, и я тревожно всматриваюсь то в его задумчивое лицо, то в молчащий связной дисплей: что-то мальчишки не торопятся с отчетом. Сойка тоже напряжена, как струна: понятное дело, волнуется за нашего рыжего.

— Тиша, они не сломались. Но я не уверен, могу ли сказать, что происходит, — Ветер садится ближе и показывает погасший циферблат. На нем все цифры поблекли, только двойка горит ровным белым светом. И тут я вспоминаю, что во время и — недолго — после химической атаки точно так же горела единица. Стрелки точно так же останавливались, циферблат темнел и тускнел, и отображалась только одна цифра. А теперь — следующая.

Делюсь своим наблюдением с наставником и Сойкой.

— Ты в курсе, что часы с бионическим механизмом? Они были когда-нибудь настроены на тебя? — Ветер задумчиво скребет заросший щетиной подбородок. — Может быть, кто-то когда-то их настраивал?

— Вообще-то они принадлежали моему дедушке, — снова сглатываю горький комок в горле. Когда-нибудь я смогу вспоминать о прошлом без слез, но точно не в ближайшее время. — Он был инженером, работал с химическими технологиями. Дома все было настроено под нас, — слезы так и напрашиваются, но я выдавливаю из себя улыбку. — Часы он подарил мне на день рождения десять лет назад. А потом его не стало, и больше с биотехнологиями я не сталкивалась. Кроме как в больнице.

— Они явно что-то отсчитывают. Только пока не могу понять, что именно...

Мы с Сойкой зябко кутаемся в штормовки. Мелкая противная морось усиливается, в лесу холодно, неудобно и по-настоящему тревожно: в крошечной темноте мы едва можем различить лица друг друга, но в чужом, незнакомом месте никогда не знаешь, что или кто стоит у тебя за спиной. И я понимаю: наставник прав, прав как всегда. Присутствие опытного человека — далеко не всегда залог успешной операции, в любой момент все может пойти по непредсказуемому сценарию, и нет людей с идеальным знанием — все могут ошибаться. И наставники тоже.

А еще мне не дает покоя мысль о том, что у Ветра была четвертая ступень доступа. Была раньше, но потом почему-то он ее лишился: вряд ли отказался сам. Закрадывается подозрение, что в его предыдущем отряде тоже кто-то погиб. И хотя это далеко не единственное серьезное событие, за которое могут разжаловать, мне заранее не по себе: все-таки он и правда не всемогущий. Или это было давно, и теперь у него гораздо больше

опыта?.. Отставить бояться! Страх — залог поражения.

Но бояться больше некогда: дисплей связанного браслета вдруг оживает, тихо пиликает, как рация, и в голубоватом отсвете голограммы появляются перепуганные глаза Севера:

— Ветер, прием! У нас ЧП!

Ветер мгновенно собирается. Термокружка и девайс подогрева молниеносно куда-то исчезают, его штормовка как-то сама собой застегивается, мы все вместе быстро встаем на ноги.

— Координаты? — сурово спрашивает наставник. Север на грани истерики выдает ему длинный набор цифр, и связь прерывается.

— Не отставать! — коротко приказывает Ветер, и мы бежим куда-то в полной темноте, спотыкаемся, ноги разъезжаются в грязи и ворохе мокрых листьев, снег с дождем хлещет как из пневматического душа. В какой-то момент я поскользнулся на листе и лечу носом в услужливо торчащий пень, но Сойка ловит меня за куртку. Не сговариваясь, мы беремся за руки и дальше бежим уже вдвоем. Вместе гораздо легче.

Не представляю, сколько времени проходит, а на часы боюсь даже смотреть: и циферблат, и ремешок так больно жгут запястье, что, боюсь, на их месте останутся следы ожога. Цифра 2 горит так ярко, что приглушить ее нет никакой возможности — она мощнее всяких фонарей.

За одним из поворотов нам навстречу вылетает высокая черная фигура, едва не пересчитав ближайшие деревья. Мы с Сойкой выдаем синхронный ультразвук, а Ветер, морщась, одним жестом заставляет все это прекратиться: перед нами стоит Варяг, все такой же молчаливый, но донельзя встревоженный и даже напуганный. Наверное, впервые на его холодном и замкнутом лице читаются эмоции: страх, сомнение, надежда.

— Что произошло? — Ветер включает на браслете режим карманного фонарика и быстро выхватывает из темноты отдельные части леса, которые никак не складываются в общую картину. Мы совершенно дезориентированы в пространстве.

— Часовщик коснулся Грани, — тихо отвечает Варяг. — Перчатки снял... Они там, — машет куда-то в сторону, — Север с ним...

Наставник молча кивает, не слушая больше, и мы все вместе подходим ближе. Зрелище не для слабонервных: Часовщик на холодной земле, почти раздетый, но он даже не лежит спокойно: его трясет, как будто выворачивает, он весь дрожит, цепляясь ногтями за мокрые листья и ближайшие корни, и не может сам это остановить. Его куртка и свитер превратились в обгорелое тряпье, гарью тянет сквозь тяжелый запах лесной сырости. В темноте и нашем общем молчании его лихорадка выглядит жутко: он не пытается ни кричать, ни звать на помощь, только сильно вздрагивает и глухо стонет от судорог. Насмерть перепуганный Север сидит на коленях рядом и держит его за плечи, но иногда и его сил не хватает, чтобы унять особенно крупную дрожь.

— Варяг, под колени возьми, — Ветер заходит с другой стороны, легко поднимает дрожащего парнишку, и они вдвоем переносят его дальше от Грани. Краем глаза я успеваю заметить, что неподалеку по прозрачной стене ползет длинная золотистая трещина, и по ней бесшумно ездят карманные роботы-герметизаторы. Интересно, чем они тут занимались...

Тем временем Ветер и Варяг укладывают Часовщика на землю, наставник подстилает свою штормовку. Мальчишку по-прежнему трясет, но он уже не в силах стонать, только мечется на распахнутой куртке, кусая и без того окровавленные губы. Сойка беззвучно всхлипывает, сцепив руки под подбородком — я не то что вижу, я всей кожей чувствую, как

ей страшно. Грань вспыхивает и светится все ярче, роботы едва справляются с герметизацией, трещина уже горит изломанной золотой линией.

— Тиша, дексаметазу давай, — командует Ветер. В полной темноте найти в несессере крошечную ампулу и шприц сродни чуду, но трещина мне слегка подсвечивает. — Север, внимательно, у нас каждая минута на счету.

Но Север трясется не хуже пострадавшего. Я не рискую отдавать ему ампулу, потому что у него дрожат руки, а по бледному лицу катятся слезы. Испуганный, заплаканный, перепачканный какой-то грязью, он выглядит жалко.

— Не могу... не могу... — повторяет шепотом, отшатнувшись и стараясь не смотреть на товарища. Ветер рывком хватает его за куртку и бьет перчаткой по щекам:

— Соберись! Отставить реветь!

Ошарашенный Север тихо хлопает носом, но и правда успокаивается. Я отдаю ему ампулу и шприц с длинной тонкой иглой, Ветер с силой прижимает Часовщика к земле и распрямляет его правую руку, хотя она еле двигается от судорог.

— Внутривенно. Медленно. Давай.

Север, закусив губу и смахнув упавшую на глаза челку, наклоняется и осторожно, но вполне точно вводит иглу в вену на сгибе локтя. Мы все светим ему индикаторами на браслетах, сзади активно помогает лопающаяся по швам Грань, а Часовщик вдруг вскрикивает, дергается в последний раз и замирает расслабленно, обмякнув и уронив голову на бок. Мы все дружно облегченно вздыхаем, Север робко улыбается и смахивает со лба капельки испарины. Сойка бросается к измученным мальчишкам, вспоминает про карманный аппарат жизнеподдержания, пытается прицепить его парню на руку, но наставник молча качает головой: уже не нужно. И тогда она несмело обнимает Часовщика, гладит его плечи, усыпанные веснушками, мокрые рыжие волосы. А я, случайно бросив взгляд на часы, замечаю, что циферблат снова посветлел и все цифры стали видны одинаково.

— Надо его в медчасть. Парни, ваше дежурство на сегодня все, — решает наставник. Сойка с надеждой заглядывает ему в лицо:

— Но кому-то надо побыть с ним?

— Мелисса превосходный санинструктор, она знает свою работу, с ним все будет хорошо, — Ветер делает вид, что не понимает намеков, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы хихикнуть. — Вы наказаны, если память мне не изменяет. И пока не забыл... Тиша, дай мне часы. Верну завтра, надо кое-что проверить. Варяг, маякни, как доберетесь до базы.

Парень молча кивает. Они с Севером берутся с носилками: связывают их из длинных палок и двух курток — и осторожно уходят. Вскоре их шаги и неразборчивый шепот растворяются в дождливой тишине, и только покачивающиеся кусты напоминают об их недавнем уходе. И светящийся разлом на Грани, конечно же.

Ветер присаживается рядом, надевает гермоперчатки и ощупывает прозрачную стену вокруг. Такое впечатление, что Часовщик нарочно ударил по ней кулаком или чем-то небольшим и тяжелым: трещины разбегаются от одной точки, которая искрится сильнее всего, а постепенно, ближе к краям, гаснут. Вот только у разломов нет краев: медленно, почти неуловимо, но они двигаются в разные стороны, увеличиваются и становятся ярче. Наставник собирает жучков-роботов, отключает их разом и прячет в сумку: трещину уже не остановить, здесь нужны либо роботы помощнее, либо... Я даже боюсь подумать, что "либо".

— Тиша, Сойка, подойдите. Наденьте перчатки и убедитесь, что они закрывают всю кисть до предплечья. Сойка? — Ветер жестом предлагает ей прикоснуться к Грани, но она проворно отскакивает в сторону. Боится, не хочет повторения сюжета. Ладно.

Протягиваю руку к трещине, медленно, осторожно. Ладонь даже сквозь гермоперчатку обдает сухим теплом, и, потянувшись в образовавшийся разлом, я ощупываю Грань с другой стороны. Оказывается, она совсем тонкая, как будто одно неловкое движение — и сломается, поэтому, только прикоснувшись к прозрачной стене, я тоже убираю руку и отхожу на почтительное расстояние. Собрав всех карманных герметизаторов, Ветер подбирает с земли какой-то изломанный механизм, напоминающий вагонетку с проводами и шестеренками. Задумчиво осматривает со всех сторон и на всякий случай убеждается, что все системы отключены..

— Никто не знает, когда и зачем появилась Грань, но пятнадцать лет назад через нее можно было беспрепятственно пройти, — он больше не рискует садиться на землю, и я представляю, как должно быть холодно в лесу без куртки. — Сейчас же ее используют как государственную границу без пунктов контроля. С тех пор, как Система — то государство, которое расположено за Гранью — активировало полную герметизацию, она закрылась для любых живых существ. Человек может пройти только в особом костюме, который закрывает все участки тела: в таком случае Грань, настроенная бионически, не почувствует живой организм и не попытается ему навредить. В противном случае она его просто убьет или сильно покалечит. Часовщику повезло, что он не смог просунуть руку сквозь Грань без перчатки, но трещины пошли не из-за него. Вот это любопытное устройство, — Ветер светит брашлетом на найденный сломанный механизм, — предполагаю, что это их разведчик. Тут есть система передвижения — гусеницы на радиоуправлении, есть встроенные сигнальники и две камеры, заднего и переднего обзора. Однако они просчитались в том, что настроили этот прибор на какого-то конкретного сотрудника: Грань считала его биоритм и сочла устройство за него. К слову, вот такие вещи можно найти во время прочеса приграничной территории.

— А трещины? — робко интересуется Сойка. — Они закроются?

— Вряд ли. Их уже очень много повсюду, каждое дежурство кто-нибудь на них наткнется, но у старших уже хватает опыта их не трогать. Устранить их невозможно, роботы-герметизаторы не справляются: не хватает мощности. Трещины появляются и на их стороне, и на нашей, и когда-нибудь их станет так много, что Грань не выдержит и рухнет. Тогда столкнутся два мира, которые когда-то были одним расколотым, и неизвестно, что случится: либо один из них поглотит и уничтожит другой, либо мы все-таки найдем способ добиться... более благополучного итога. Цитадель готова к переговорам, если они станут возможными, но мы не знаем, пойдут ли жители государства на такой шаг. Размахивать оружием проще, чем учиться договариваться и искать компромиссы, и порой конфликты заходят так далеко, что решить мирно их уже невозможно. Мы все надеемся, что масштаб катастрофы еще не настолько глобальный, чтобы на мирное решение не осталось шансов. В любой войне побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто мудрее.

Остаток ночи проходит кое-как. Из последней связи мы узнаем, что парни добрались до базы благополучно, пострадавший за всю дорогу так и не пришел в сознание, но его состояние относительно стабильно и жизни уже ничто не угрожает. Замечаю, как облегченно вздыхает и улыбается Сойка: да, не о том нам сейчас думать надо, но у них с Часовщиком явно не все так просто.

До рассвета мы больше ничего не находим. Вместе с Ветром бродим вдоль Грани и латаем особенно крупные искрящиеся золотом трещины: роботы-герметизаторы быстро теряют заряд, не успев закончить работу, и к пяти утра у нас уже не остается ни действующих роботов, ни полных зарядных устройств. Чай давно выпит, главная опасность устранена, обошлось даже без конфликтов — и, когда мы возвращаемся на базу, усталые и измученные, но довольные собой, Ветер вдруг приобнимает нас за плечи с двух сторон. Щекой чувствую, какой колючий и холодный у него свитер.

— Молодцы. Горжусь, — тихо говорит наставник, и весь оставшийся путь мы проходим в полном молчании, но этих двух слов достаточно для того, чтобы за спиной расправились большие крылья.

После ночного дежурства у нас законный недовыходной: первую половину дня мы имеем право спать. Тренировка и лекция по программной инженерии, увы, остаются без нашего внимания, мы с Сойкой едва доползаем до комнаты и, не раздеваясь, валимся на постель. Одеяло услужливо греет со всех сторон, приглушенный свет настраивает поспать, но после ночного приключения ко мне сон не идет. Завидую Сойке: она едва сняла сапоги и сразу же уснула, а я хоть и устала, уснуть не могу. Немного подождав, отключаю одеяло, переодеваюсь в чистое и тихо выскальзываю из шлюза. Не знаю, где здесь прячется медчасть, но методом пальца в небо обязательно куда-нибудь да приду.

Лазарет находится неподалеку от бункера и не сильно отличается от него: такие же мощные серые стены, огромный шлюз, закрывающийся вручную, длинные ленты приглушенных светодиодов по оштукатуренному потолку. Ровные ряды кроватей, отгороженные друг от друга ширмами, роботы-разносчики катаются с подносами еды и лекарств, балансируя ими на тонких ручках-пружинках, небольшие дисплеи на стенах отображают состояние пациентов. Иду вдоль рядов, вглядываясь в лица спящих, и почти в конце на глаза попадает яркое пятно рыжих волос Часовщика. Он уже не спит: сосредоточенно щурится на экран минибука и быстро-быстро строчит на клавиатуре. Окликаю его, а потом сажусь на край постели.

— Ты как?

Из вежливости он закрывает минибук, садится, чтобы не лежать перед девчонкой, и пытается приветливо улыбнуться. На его усталом бледном лице залегли тени, под глазами явственно обозначились синяки, но в целом он выглядит гораздо лучше, чем накануне.

— Да ничего. Мелисса говорит, пару дней, и вернусь.

— Не скучно? Хочешь, пару книжек скину?

— Не, не скучно, — он улыбается, и вместе с ним улыбаются все его сотни веснушек на рябоватом лице. — Я программу пишу, — экран минибука разворачивается ко мне, и я вижу длинный цветной код на неизвестном языке. Понимая, что я мало что смыслю в программировании, парень тут же поясняет: — Это для твоих часов. Надеюсь, я догадался, как они работают. Можно их подключить к операционной системе всей базы, они будут вроде как предупреждать о скорых ЧП.

— Не поняла...

— Химическая атака была первой опасностью, с которой ты столкнулась на базе. Тогда на циферблате горела единица, — терпеливо поясняет Часовщик. — Вчера ночью часы среагировали на трещины в Грани, которые могли навредить уже лично тебе, и предупредили еще раз. Тогда загорелась вторая цифра. И я предположил, что цифры загораются, когда приближается опасность. По порядку.

— Что же будет, когда загорится двенадцать? — боюсь даже предположить, и наш инженер-техник тоже неопределенно поводит плечами.

— Не знаю. Но программа полезная.

Мы еще немного обсуждаем ночной рейд: Часовщик рассказывает о множестве найденных разломов в Грани ближе к югу, я вспоминаю про нашу находку и обещаю разузнать подробности у Ветра, а вскоре мой жетон-пропуск пищит: десять положенных минут посещения прошло.

— Мне пора. Поправляйся, мы тебя ждем.

— Не волнуйтесь, все в норме, — Часовщик улыбается всеми своими веснушками. — Спасибо, что пришла.

Не глядя на сенсор, Ветер прикладывает ключ-карту и торопится пройти в тренерскую. Фауст и Мелисса уже на посту: неизменно пьют чай и гоняют карманного робота-очистителя по всему столу. Как только шлюз тихо шелестит, захлопываясь за спиной у коллеги, оба как-то затихают, напряжение в полутемном кабинете словно можно потрогать руками.

Ветер стаскивает свитер и устало прислоняется спиной к стене. Мелисса, оставив чашку, подходит и молча обнимает — его подбородок ложится аккуратно на ее светлую макушку. Ветер тихо гладит ее по спине, рассеянно глядя в пространство. Даже Фауст выглядит непривычно задумчивым: у его ехидной улыбочки сегодня выходной.

— Я предупреждал, — вздыхает Ветер. — Я же предупреждал.

— Кэп совершенно спятил от страха за базу и Грань, — шепчет Мелисса, мягко останавливая его руку и переплетая пальцы со своими. — Они совсем еще дети, мне очень жаль.

— С одной стороны, в чем-то он прав, а именно в смысле “все для безопасности”, — Фауст вдруг поднимается и отходит в сторону, нарочито небрежно сунув руки в карманы. — Вот только эта безопасность нам же самим выходит боком и требует жертв.

— Давайте пока оставим как есть, — вздыхает Мелисса. — С мальчиком все в порядке, я проверяла утром: жизненные показатели у него в норме, только небольшой жар. Будем решать проблемы по мере их появления.

Ветер залпом опрокидывает в себя чашку горячего травяного чая. Практически единственный не суррогатный напиток, собственный сбор, который он привез из прошлогодней экспедиции на Горную базу: мята, чабрец и ромашка, чудесная заварка, которую под любым предлогом выпрашивает у него каждый второй.

— Есть дело поинтереснее перемышания капитанских костей, — вытащив из сумки найденного робота-вездехода, Ветер выкладывает его на стол перед коллегами. — Мы нашли шпиона. Уже бесполезного, но все равно.

Фауст приносит увеличительное стекло и отвертки, и чайный столик моментально превращается в операционный. Все трое низко наклоняются, загоразивая друг другу свет. Ветер подключает провода к биокомпьютеру, и на экран выводится приветствие, а потом сигнал пропадает: вот и все, чего удастся добиться от поверженного разведчика. По причине теперь уже нулевого КПД и общей полезности Фауст предлагает разобрать его на запчасти.

— Тебе лишь бы разобрать кого-нибудь, — ворчит Мелисса, однако от источника света великодушно отодвигается. Старшие наставники увлеченно разворачивают корпус маленькой вагонетки на гусеницах: на столе перед ними уже царство радиотехнического хаоса. Они раскрутили устройство по винтикам, нашли две камеры переднего и заднего полукругового обзора, встроенные геолокатор и радиоантенну, противоударный амортизатор, автоматическую коробку передач в уменьшенной копии и...

— Ого, больно, — Ветер вдруг выпрямляется, морщится, как от резкого удара. Мелисса тут же вскакивает:

— Что такое?

— Да странно, как будто... — не договорив, из нагрудного кармана термокомбинезона он вынимает маленькие часы на серебристом металлическом ремешке: те вибрируют, как

будильник, и явно недовольно дергают всеми тремя стрелками. Фауст заглядывает напарнику через плечо:

— Это что?

— Это Тишины. Жгутся, говорю, больно, — Ветер берет часы перчаткой и кладет под увеличительное стекло, но, оказавшись рядом с ними, и полуразобранный механизм начинает вести себя странно: тянется к ремешку, как намагниченный. — Я хотел их проверить на бионастройки и переделать под нее, если что. Но теперь сомневаюсь...

Мелисса, не хуже старших мужчин разбирающаяся в химической инженерии, наклоняется над столом третьей.

— В часах и вашем трофее, похоже, одинаково настроенные биорежимы, — она задумчиво проводит пальцем по теплому ремешку. — Часы точно принадлежат лично Тише? Она... не нашла их, ни у кого не купила?

— Говорит, дед подарил, — вспоминает вдруг наставник. — Но ее дед умер десять лет назад. А развед-устройство явно новое. Да еще из-за Грани, не местное.

— И внутренний механизм отличается от часов, во всяком случае, система включения более усовершенствованная, — добавляет Фауст. — Слушай, Ветер, а можно настроить на умершего человека, если сохранились отдельные части его ДНК?

— Нет. Нужны живые нейронные связи. И даже если, то вряд ли кто-то будет сохранять ДНК рядового инженера.

— Я бы не сказала, что он был рядовым инженером, — Мелисса разворачивает к наставникам свой минибук, на котором по настоящим имени и фамилии Тишины она смогла пробить частичные доступные сведения о ее семье. Совсем крошечная доля информации, одни только имена и годы жизни, но все-таки лучше, чем ничего. — Васильев Андрей Никитич, год рождения две тысячи шестьдесят третий, год смерти две тысячи сто двенадцатый. Род деятельности — биофизик первой категории.

— Это не повод сохранять что-то. Это привилегия членов правительства, да и все равно воскрешать людей на основе их ДНК у нас пока не научились, — резюмирует Ветер, напряженно всматриваясь в стекло и вытаскивая пинцетом красный провод из коробки передач разведчика. — Погоди, Васильев? А еще кто?

— Мать — Богданова Наталья Андреевна, в девичестве, вероятно, Васильева. Год рождения две тысячи восемьдесят третий, год смерти две тысячи сто двадцать первый. Об отце и старшем брате сведения заархивированы, у меня нет доступа.

Ветер задумчиво расчесывает пальцами растрепанные русые пряди и, вглядываясь в маленький экран, надевает очки. По его всегда спокойному и бесстрастному лицу скользят хмурые тени.

— Так она сирота?

— Да, и похоже, не так давно.

— Ничего себе... А как ее зовут? Не говори, покажи. Мало ли...

Мелисса, осторожно оглядевшись (конечно, в базе нет никаких камер, но это лишь профессиональная привычка служащих), подвигает монитор к нему. Взгляд старшего наставника сперва ненадолго теплеет, а потом вдруг он резко отстраняется, одной рукой отталкиваясь от стола.

— Это точно все?

— Что — все?

— Больше у нее никого нет?

Мелисса напряженно всматривается в экран, но тот больше ничего не способен выдать. В этот день устали все, не только работники базы.

— Ну, дальних родственников система не отображает... Есть еще заархивированные, но я их не вижу.

Нервно постукивая пальцами по гладкому белому столу, Ветер сгребает груды проводов и винтиков, прячет в карман часы.

— Ладно... Это неважно. Давайте со шпионом разбираться.

Пойманный электронный девайс-диверсант обиделся на разбор по винтикам и больше не подает признаков жизни. Часы тоже притихли, вероятно, испугавшись подобной участи, и хотя вслух о них больше не вспоминают, у Ветра не выходит из головы странная схожесть механизмов. Может быть, это техническая ошибка, или просто кто-то взял знаменитые разработки инженера Васильева и использовал против его земли? Но кто, и откуда про них узнали за Гранью? Давно голова так не болела...

— Спать надо больше, — ехидничает Фауст.

— Что такое спать, — вяло отмахивается Ветер. — Грань трещит... У наших инициация скоро, а еще Новый год этот... Суррогат, а не праздник. Сами посудите, какой праздник в наших условиях.

— Самый обыкновенный, — Мелисса, услышав, прожигает его взглядом. — Они еще совсем дети, у них должны быть в жизни какие-то радости, кроме тренировок и лекций! Даже не вздумайте отменять!

— А ты пойдешь со мной на вечер, если я тебя приглашу? — Фауст снова влезает в диалог, эффектно откинув назад густые черные локоны и ловко подхватив Мелиссу под локоть. Санинструктор смеется:

— Пригласишь — подумаю!

— Ну так думай, — подмигивает Фауст.

— Ну так приглашай.

— А я что делаю?

— А ты спрашиваешь.

— Да ну тебя! Все медики такие зануды?

— С этого и надо было начинать, — улыбается Мелисса, и Фауст вместе с инструментами исчезает в подсобке. Все трое работали вместе практически с самого начала и никогда не ругались всерьез. Мелисса знала, что Фауст флиртует со всеми младшими сотрудницами чисто ради всеобщего ментального здоровья, поэтому особенно и не ожидала ничего серьезного. Однако, когда он уходит и шорох и грохот за стеной стихают, Ветер вдруг поднимает голову от своей радиотехники:

— А со мной пойдешь?

— Ты тоже спрашиваешь? — девушка, недовольно хмыкнув, смотрит на него неодобрительно: Ветру шутки не свойственны. Эх, научит его коллега плохому — мало не покажется.

Старший наставник молчит. Сосредоточенно хмурясь, ковыряет отверткой коробку передач, но его мысли витают далеко, потому что он раз за разом ошибается, вставляя пинцетом провод плюса в гнездо с минусом. Мелисса, сдвинув детали, поправляет его ошибку и осторожно присаживается на краешек стола:

— А как же твоя Юля?

Настоящее, не кодовое имя на базе звучит очень непривычно и странно. Но

безопасность личных данных важна только при жизни человека.

— Юли нет, — тихо отвечает Ветер и, опустив отвертку, со вздохом протирает очки рукавом рубашки. — Она всегда будет в моем сердце, но я не хочу вспоминать это раз за разом. Это была очень простая операция, проклятый случай, она умерла у нас на глазах. Еще и моя Тиша... Если бы не короткие волосы, она была бы ее маленькой копией.

— Ты застрял в собственном прошлом, — тихо перебивает Мелисса и аккуратно, боясь обжечься, кладет руку ему на плечо. Ветер невольно вздрагивает, но не отталкивает ее. — Оставь его там. Живи дальше. Поблагодари ее за все, что было, и живи спокойно. Так трудно смотреть изо дня в день, как ты мучаешься.

— Я не мучаюсь. Но и забыть не могу.

— Я вижу, — с горечью вздыхает Мелисса. — Улыбаться перестал, виски поседели. Знаешь, мне правда очень жаль, и я не вправе лезть в личное, но прошло столько лет, а ты до сих пор мысленно с ней. Отпусти ее. Вам обоим от этого плохо.

— Ты что, веришь, что она жива?

— Конечно нет, — санинструктор медленно и ласково проводит рукой по форменной рубашке, чувствуя, как сжаты и напряжены его плечи. — Но я верю, что она смотрит на тебя. Наверняка она бы хотела, чтобы ты был счастлив. Счастлив даже без нее. Мы — не половинки друг друга. Каждый человек — это целый паззл, и иногда они идеально складываются, а иногда детали теряются. Да, у тебя больше не будет такой картинки, но будет другая.

Он снимает очки и вытирает двумя пальцами совершенно сухие глаза. В полной тишине слышно лишь негромкое тиканье часов. Она, вздохнув, поднимается и отворачивается к окну, водит пальцем по тонким линиям жалюзи.

— Это значит “нет”? — долетает в спину вопрос друга и коллеги после недолгой тягостной паузы.

— Это значит... Не знаю, — отчаянно шепчет она, сжимая виски двумя пальцами. — Просто не хочу, чтобы ты всю жизнь искал Юле замену. Я подумаю, хорошо?

Ветер молча кивает, и Мелисса уходит в свой блок. А у старшего наставника еще одна трудная задача, и он до боли в глазах вглядывается в бликующее увеличительное стекло, положив под него рядом два механизма: от часов и от электронного шпиона. Все, как он и предполагал: механизмы очень похожи с поправкой на предназначение устройств, только без микроскопа нельзя проанализировать нуклеотиды из его биотехнологической части. Впрочем, и этого на первый раз достаточно: если разработки инженера Васильева известны за Гранью, значит, в том, новом государстве как минимум знают об уровне развития их технологий. Вряд ли более высоком, чем у них самих.

Без часов я как без рук. После нашего ночного рейда они остались у Ветра: он взял их проверить на бионастройки и поменять при необходимости. Сомневаюсь, конечно, что это действительно необходимо: десять лет я их носила без особых настроек, и все было хорошо. Хотя на базе все и всегда идет не по плану: в этом мы уже имели честь убедиться.

На целый день наставники куда-то пропадают, только один раз я встречаю в медицинском отделе Мелиссу и ее коллегу Скалу, наставницу восьмого отряда. Скала, крепкая и спортивная розовощекая девушка, полная противоположность Мелиссы, занимается с одним из самых старших отрядов, и ребята с ней практически на равных: шутят, спорят, все сразу на “ты”. Обе наставницы издали машут мне рукой (забыв, что у нее нет третьей руки, Скала моментально рассыпает капсулы с лекарством) и быстро исчезают в лаборатории. Я сегодня хожу как неприкаянная: в выходной Часовщик с Сойкой куда-то умчались, Варяг пошел тренироваться, Север записался на дополнительную лекцию по медицинской помощи, и даже после обеда его что-то не видно.

После случая в лесу у Грани Север как будто сторонится нас. Ему стыдно за то, что он раскис, не сумел совладать с собой, не смог взять себя в руки и сделать, что должно. Ветер и Мелисса уже разговаривали с ним: пытались объяснить, что ничего страшного не произошло, ведь и наставник, и остальные ребята оказались рядом и взяли ситуацию под контроль, но парня это лишь огорчало еще сильнее: что, если такое случится без старших? Что, если и второй раз он не справится? “Наша цель — научить вас, передать опыт и вести за руку до тех пор, пока вы не будете готовы” — так сказала Мелисса, но Севера это не успокоило. “А когда мы будем точно готовы? Где гарантия, что завтра я не сорвусь так же, как вчера?”

Гарантия твоей смелости — ты сам. Тот стальной стержень, который держит нашу спину прямой, а глаза — открытыми. Та сила, которая в минуту опасности не позволяет сдаться, оступиться, упасть. И пока эта сила не укоренится в сердце, пока не укрепится внутренний стержень, наставники обещают быть рядом.

Со дня моего прихода на базу многое изменилось. Нет, разумеется, ни я, ни ребята еще не успели повзрослеть, но что-то в каждом из нас сломалось, а теперь строилось заново, только совсем по-другому. Может быть, после той ночи, когда Тимур погиб по такой глупой неосторожности. Может быть, после ночного рейда, который сплотил нас и сдружил, и несмотря на то, что формально считался наказанием, его конец стал нам настоящей наградой, — нельзя сказать однозначно. Здесь, на базе, время идет по-другому: мы взрослеем быстрее.

А еще... Мне стыдно в этом признаваться, но пока другие становятся сильнее, я слабею. Едва переболевший организм не ожидал жестких физических нагрузок и схода с диеты — такой подставы с моей стороны. После кое-как пережитой на таблетках и здоровом сне осени я чувствую себя гораздо хуже, несмотря на то, что благодаря спорту и постоянному движению моя фигура перестала напоминать шарик на ножках. Все чаще ловлю себя на том, что между спаррингами, между подходами на силовых останавливаюсь, чтобы отдохнуть. В медицинском отделе боюсь даже взвешиваться: вес снова куда-то уходит, и это уже не очень хорошо.

Ночью меня будит боль. Сперва резкая и колющая, она постепенно становится долгой,

тупой и нудной, но не уходит. Цепляюсь за края постели, как за поручни, но взмокшие пальцы скользят по холодным железным трубам, и одеяло, нагретое сильнее, чем обычно, не помогает. Раньше помогали таблетки, но после ремиссии я про них благополучно забыла и оставила дома. А здесь, на базе, просить нельзя: никто не должен знать, что осталось в моем прошлом. Однако вскоре терпеть становится невыносимо; уткнувшись в подушку, кричу шепотом, задыхаясь и до предела натягивая связки, надеюсь одной болью заглушить, выбить другую. В глазах темнеет, воздух кончается. Немного отдышавшись, кричу снова — хорошо, что не слышно, и что Сойка спит крепко. Правда, утром ее не добудиться, но сейчас меня это волнует меньше всего.

Под грудью завязывается крошечный узел. Затягиваясь все туже и туже, он растет внутри меня, становится больше, шире, крепче. Такой, что невозможно распустить силой мысли, как я иногда делала в больнице. Впрочем, отвыкнув от боли, всегда ждешь ее гораздо более сильной, чем она есть на самом деле... Приступы не повторялись почти год. Мне было так хорошо без вас, ну вот кто вас звал?!

Кое-как доползаю до одежды, согнувшись пополам, но понимаю, что если сейчас же это не прекратится, то никаких сил больше не будет. Я не резерв с жидким азотом, не железная. О том, что у стен в жилом отсеке есть глаза и уши, не думаю — босиком и в пижаме выскакиваю из комнаты, останавливаясь каждые пять шагов, добегаю до телепорта и трясущимися руками вдавливаю в стену четвертую кнопку.

Мальчишки спят с открытым шлюзом: и Варяг, и Север — любители арктических температур, а Часовщику приходится как-то с этим мириться: например, по ночам утаскивать у них одеяла. Но сейчас причина их ночных сквозняков мне только на руку. Не помню, каким образом добираюсь до их шлюза, узел внутри разросся до масштабов моей личной вселенной, и я чувствую, как он завязывает изнутри все органы и кости заодно. Благо, что Север, наш будущий медик, спит с краю. Трясу его за плечо, повторяя кодовое имя, и когда сил уже совсем не остается, он вдруг открывает глаза, вскакивает.

— Тишка! Ты чего?

Его даже не удивляет то, что я вообще здесь посреди ночи. Его больше удивляет, почему я скорчилась на полу, прижимая обе ладони к груди.

— Анальгетик, срочно, — шепчу кое-как, давясь воздухом от боли. Мои легкие вот-вот превратятся в огненный шар. — Любой...

Севера ветром (или их невыносимым сквозняком) сдувает с постели, он выворачивает наизнанку несессер, не спрашивая, зачем я пришла, ведь у меня есть свои обезболивающие, или в крайнем случае можно было вызвать медиков. Но дело в том, что мои личные таблетки тут не помогут, а звать медиков — все равно что подписать себе приговор. Позорное увольнение с базы и снова больничные стены. Лучше умереть от боли, чем от сумасшествия или тоски.

Конечно же, мальчишки просыпаются. Увидев меня на полу, Часовщик тут же захлопывает дверь и тащит все одеяла ко мне, Варяг сгребает в охапку и переносит на постель: я уже не могу даже кричать, только тихий стон срывается с губ. Север набирает дозу парацетамола, Варяг, осторожно взяв мою руку, поднимает рукав пижамы. Это я потом уже вспоминаю, что у Севера совсем не дрожали пальцы, его движения были быстрыми и уверенными, совсем не как тогда, в лесу... Игла касается вены, внутри все ломается и нестерпимо жжется. Чувствую, что текут слезы. Сразу после введения лекарства никогда не становится легче, но Варяг крепко обнимает меня, прижимает к себе, молча гладит по

голове. Я цепляюсь за него, как за страховку на высоте, и плачу — впервые за полгода.

Парни сидят рядом, напряженные, как никогда: Север долго и задумчиво щелкает по опустевшему шприцу, Часовщик вертит в руке ключ-карту от шлюза и смотрит на нас. Я тихонько отстраняюсь от Варяга, но он не сразу меня отпускает.

— Ты что... Ты живая?

— Относительно, — хрипло шепчу и улыбаюсь.

— Относительно чего? — Север садится напротив и протягивает мне флягу с водой. — Тиша, ты нас так напугала!

— Относительно себя пять минут назад...

— Очень смешно, — бурчит наш практикующий медик. Несмотря на хроническую неприязнь к врачам, прямо сейчас я готова расцеловать его, заодно и Варяга с Часовщиком, просто так, за поддержку. — Тиш, а почему сюда? Почему не в медблок? Я вообще не понял, как ты дошла в таком состоянии, не проще было нажать кнопку вызова и потерпеть минуту, чем тащиться через телепорт и коридор?

Я качаю головой, падает на глаза взмокшая челка. Варяг снова обнимает меня за плечи и поудобнее укутывает одеялом. Немного подумав, смотрю на всю троицу по очереди:

— Вы секреты хранить умеете?

Они торопливо кивают с максимально серьезным видом. Смотреть на Часовщика даже забавно: вместе с ним и улыбаются, и хмурятся, и пугаются все сотни его разнокалиберных веснушек.

И я рассказываю. Сначала нехотя, неловко подбирая слова и смущаясь, а потом уже ничего не скрываю, не перепрыгиваю с пятого на десятое. Обо всем по порядку: о том, как мой старший брат, бывший работник радиотехнического института, погиб от смертельной дозы облучения: филиал их офиса находился за городом, и на весь регион не успели поставить защитный купол, а когда все-таки поставили и приняли меры, по большей части было уже поздно... О том, как мама убивалась и не находила себе места, а дедушка, инженер-биофизик, несмотря на то, что давно ушел на пенсию, продолжал заниматься научными исследованиями и искать лекарство от практически неизлечимой болезни. О том, как нашли зараженные клетки у меня самой. О неделях и месяцах, проведенных в больнице, в научно-исследовательском центре, в стерильной палате, куда с трудом пускали даже маму и дедушку. О том, что такая боль приходила почти каждую ночь, только тогда я к ней привыкала и умела с ней справляться, а сейчас она пришла снова, и к этому нельзя было подготовиться. О том, что я пришла на базу не столько для того, чтобы просто служить, сколько для того, чтобы найти здесь свое прошлое. Прошое моей семьи, моих близких... Если однажды получу четвертую ступень, то смогу узнать про них все, то, чего они не успели или не смогли рассказать мне сразу. А еще, может быть, сумею найти и закончить дедушкины разработки: лекарство существует, просто еще не до конца выведена формула.

— Лекарство от лучевой болезни? — голубые глаза Севера светятся надеждой. — Ты серьезно? Это же... мечта всего человечества!

— Поэтому вылететь с базы мне никак нельзя, — вздыхаю, отводя взгляд. — Даже если придется терпеть вот такое. Вы... можете мне помочь?

Не успевают они ответить, как за стеной слышатся шаги и чье-то тихое покашливание. Варяг и Часовщик, не сговариваясь, сталкивают меня в проем между кроватей и забрасывают сверху одеялами и подушками, а Север поспешно вырубает свет, и все трое мгновенно ложатся, создают иллюзию самых примерных новичков.

Шлюз, так предусмотрительно заблокированный Часовщиком, пищит и отъезжает в сторону. Кто-то щелкает пультом, и со своего вынужденного поста наблюдения я вижу, как парни, все трое, делают вид, что недовольно щурятся от ярких светодиодов. Север даже переигрывает: зевает и трет глаза обеими руками, Варяг сонно кутается в одеяло.

— Что за разговоры? — хмуро интересуется густой бас незнакомого наставника. Не здорово, конечно, что они все имеют право зайти в любую комнату... Но что поделаешь, таковы правила техники безопасности. — Вы время видели?

Часовщик отключил все будильники: он всегда встает идеально в шесть, поэтому у ребят либо свои браслеты, либо поднимающий всех вовремя сосед.

— Не-а, — зевает Север и в общем-то говорит правду. Заметив отключенное табло на стене, наставник без лишних расспросов включает его обратно. Какой же у него терпкий одеколон, и как только ребята выносят! Нет больше никакого терпения. Изо всех сил зажимаю рот и нос ладонями, но не могу удержаться и сдавленно чихаю.

Снизу вижу, как Варяг торопливо прикрывает нос рукой и нарочно громко сморкается.

— Они еще сидят со включенным кондиционером, — сердито замечает наставник, и все три маленьких люка в стене тоже герметично захлопываются. Север ворчит недовольно и неразборчиво. — Спать всем.

И с этими словами он резко выключает свет и уходит, а парни хохочут так, что у меня самой колет в боку от их безудержного веселья. Даже Варяг, и тот смеется — не в голос, как Часовщик и Север, но так заразительно и искренне, что я тоже не выдерживаю. Часовщик отодвигает постель, Варяг извлекает меня из-под груды одеял и подушек.

— Ты мастер конспирации, конечно, — сквозь приступ хохота выдает Север. — Могла еще громче чихнуть?

— Вы тут, я смотрю, вообще не убираетесь, — возмущаюсь: без особых оснований, только чтобы позлить чистюлю-медика. — От пыли задохнуться можно! И от этого одеколону тоже...

— Где ты пыль нашла? Ну где?

Север в полном азарте лезет в мое недавнее укрытие и ползает по полу, путаясь в одеялах, показывает нам абсолютно чистую ладонь, как будто мы что-то видим в темноте. Но уже смешно и без того, и мы нарочно отвечаем, что рука у него грязная.

— Не буду больше дежурить, — делано обижается он. — Ладно, Тишка, давай возвращайся, а то я больше по административке ходить не хочу!

Я встаю и только сейчас понимаю, что пол был холодным, и бегать по нему босиком второй раз не здорово, особенно теперь, когда мне надо хотя бы чуть-чуть побережться. Благодарю всех ребят сразу и ретируюсь. Без лишних слов Варяг вдруг поднимается и выходит вслед за мной.

В коридоре, ведущем к телепорту, мы совершенно одни. Шлюзы, тщательно заблокированные на ночь, тускло подсвечиваются голубым на комнатах мальчиков и красным на комнатах девочек — по разные стороны коридора. Вдоль пола изредка пробегает искра по светодиодной дорожке: раньше она меня пугала, а теперь я знаю: просто проверка общих настроек, на всякий случай — поиск нежелательных, чужеродных объектов. Конечно, больше просто формальность, но необходимая мера.

Я иду медленно, невольно боясь повторения приступа от любого неосторожного движения. Плитка на полу холодит босые ноги, и ледяные прикосновения мурашками проскальзывают вдоль всего тела. Неожиданно Варяг останавливается и молча поднимает

меня на руки. Испуганно цепляюсь за его плечи, как тогда, в комнате — но сейчас совсем не больно. Так мы доходим до лифта, за долю секунды спускаемся на третий этаж, и Варяг спокойно и без единой эмоции доносит меня до комнаты. Как хорошо, что тогда не захлопнулась дверь...

У самого шлюза он осторожно ставит меня на ноги и убирает взъерошенную челку с лица, будто бы ненароком касаясь щеки. Я хочу поблагодарить его еще раз, но не успеваю.

— Тиша, я хотел... в общем... Понимаю, что не вовремя... Ты пойдешь со мной на Новый год? — вдруг выпаливает он шепотом, глядя прямо в глаза. И я мысленно хлопаю себя по лбу: вот нашел момент!

Но мое сердце думать головой отказывается. Они совсем потеряли соединение друг с другом.

— Пойду, — отвечаю и, едва кивнув, прячусь за дверь. Снаружи слышно, как Варяг постояв еще немного, уходит.

Забираюсь на постель, но сон не идет. До утра еще далеко, и я лежу и считаю воображаемые звезды. Каждая из них гораздо ближе, чем видится: главное в нужный момент не опустить руку.

Утром беды ничего не предвещает. Сильная доза анальгетика привела меня в чувства, и я встаю даже раньше Сойки — ладно, будем считать, что два часа сна до вечера будет достаточно. Шутки про переход на солнечную энергию уже кажутся не такими уж и шутками. На самое утро у нас запланирована тренировка: сначала в зале, потом на улице — по ориентированию, да и день сегодня хороший, последний перед Новым годом. Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь, поэтому я хочу забыть о ночном приступе и повеселиться, как тогда, десять лет назад.

Я помню тот день до мельчайших деталей. Тридцать первого декабря после радиационной катастрофы позади осталось полгода — самого тяжелого года для нашей семьи. Брат погиб летом, ему было всего семнадцать, и он даже не работал полноценно, а проходил стажировку. Осенью обнаружили последствия облучения и у меня, и у бабушки: мне поставили диагноз, а деду все это дало осложнения на сердце. Мне было восемь, но уже тогда врачи дали понять, насколько все серьезно: я не вылезала из больниц, и только на одну неделю отпустили под страшную клятву родных, что они будут очень сильно меня беречь. За городом, на природе, где воздух чище, где снег белее и мягче, а звезды — ярче и ниже, жизнь и свобода ощущались совершенно по-другому. Почти впервые за полгода мама улыбалась, украшала пушистую елку и варила глинтвейн, дед дурачился и играл в снежки со мной, как будто забыл о возрасте. Ночью под бой часов он загадал вывести формулу лекарства, мама, как обычно, пожелала нам всем здоровья, и я сама не знаю кого просила, чтобы папа вернулся, а брату Олегу там было хорошо. Несмотря на то, что первая часть моего желания так и не сбылась тогда, я искренне надеялась, что сбылась хотя бы вторая. “Не все сразу” — сказала тогда мама, и я до сих пор надеюсь, верю, люблю.

Тот Новый год был пронизан теплой и нежной грустью, и наверное, поэтому следующий год тоже не задался. Моя болезнь осложнилась, мама потеряла работу в школе из-за механизации обучения, летом не стало бабушки, а следующий январь я встречала в больнице совсем одна: из-за тяжелых последствий домой не отпустили.

И поэтому мне снова так хочется праздника, добра и тепла в самую холодную и снежную ночь, простой, наивной детской радости в восемнадцать лет. С грустью думаю: Олежке сейчас могло быть двадцать семь. Кто-нибудь может подать мне знак, исполнилась десять лет назад наивная просьба маленькой девочки или нет?!

На гермостекло с другой стороны прилетает снежинка. Большая, белая, без светящихся лучей — настоящая. Прилипаю носом к стеклу: никогда не видела таких красивых! А лучистая снежинка, повисев немного прямо напротив моих глаз, вдруг срывается, подхваченная метелью, и исчезает среди миллионов других.

Да, я верю в сказки! И пусть в этом больном, несчастном, рассыпающемся на куски мире нет места чудесам, у меня они всегда останутся! Прикоснувшись ладонью к тому месту, где была снежинка, крепко сжимаю губы, чтобы не заплакать, и смотрю вдаль, в белое море безмолвного вихря. И мне хочется верить, что это и правда весточка от моего старшего брата.

Не скучай. У меня все хорошо. Знаешь, здесь тоже есть снег и солнце. Только тебя нет. И никого из вас нет.

Мы могли бы сказать друг другу одно и то же, но больше никогда не заговорим и даже

не увидимся.

...Тренировка помогает мне отвлечься. Разумеется, из-за метели ориентирование на улице отменяется, и наставники обещают “познакомить нас поближе с корпусом”, развесив контрольные пункты по плану всей базы, а пока что всем заниматься и не киснуть по пустякам — на этом невольно ловлю на себе пристальный взгляд самого старшего наставника, недавно разжалованного до третьей ступени Прометея.

Квест им и правда удастся на славу: на базе, такой маленькой и обыкновенной снаружи и такой огромной и запутанной внутри, можно по-настоящему заблудиться. Предусмотрительные наставники определяют маршрут так, чтобы команды по пять человек не могли пересекаться, подсказывать друг другу, проходить в шлюзы с более высокой степенью доступа, чем нам пока что можно, совать любопытный нос в закрытые отделы. И мы бегаем, как заведенные: с этажа на этаж, из отдела в отдел, из телепорта вверх-вниз по лестницам, ищем подсказки, шифры, едва-едва укладываемся в указанный тайминг и собираем кодовое слово. У нашей команды получается "Рассвет" — ну что ж, неплохо. Я познакомилась с ребятами из других отрядов: они все старше и опытнее, но общаться между отрядами никто не запрещает, помощь новичкам даже поощряется. И все бы хорошо, только меня угнетают мысли о том, что впереди еще одна тренировка... на целых четыре часа. Как прикажете дожить хотя бы до обеда...

Не могу не заметить, что и в зале у меня получается не так уж и плохо, да и все ребята стали гораздо крепче, смелее. Парни постепенно учатся разделять личное и служебное, мы с Сойкой и другими девушками учимся давать отпор тем, кто заведомо сильнее и опытнее. Тренировка уже не тянется бесконечно, три часа с небольшим перерывом пролетают, как один, и ближе к самому концу я даже не чувствую свинцовой усталости, как бывало раньше: если дадут недолгий отдых, я смогу собраться на вечер и даже не уснуть на середине. Хочу дождаться боя часов и снова загадать желание. Уже другое.

По дороге в очередной раз среди десятков других натываюсь на черно-белую гифографию, где в объектив смотрят совсем молодой Ветер и незнакомая девушка в форме: он целует ее в щеку и машет в кадр, она смущенно улыбается и треплет его волосы. Девушка так странно похожа на меня, только постарше лет на пять. Конечно, я бы и не заметила этого сходства, если бы каждый второй первокурсник не счел своим долгом пошутить на тему “а когда вы с ним сфотографироваться успели”, но сейчас хочу понять все раз и навсегда. Вынимаю гифку из рамки и прячу в несессер. Я верну, правда. Только уж очень хочется поговорить с наставником.

Из зеркала в комнате на меня смотрит заметно постройневшая девчонка. За целый прошедший месяц даже мне, хроническому скептику, заметны изменения: вместо пухлых щек обозначились нечеткие скулы, ямочка на подбородке исчезла, фигура подтянулась и выправилась так, что не стыдно и платье надеть. Волосы отросли, после болезни стали даже гуще и темнее. Невольно улыбаюсь: интересно, пригласил ли кто-нибудь меня на вечер, если бы я была такая же лысая, как три года назад?

Осторожно рисую короткие черные стрелки и подкрашиваю ресницы — вроде бы у нее точно так же. Глаза сразу становятся еще темнее, и мне жутко неудобно, слишком привыкла жить без косметики, да и на базе это ни к чему. Спустя пару минут сзади пищит дверь. Я разрешаю доступ, и в полумрак комнаты заходит Ветер. Неожиданно. А я-то собиралась его поискать и придумать благовидный предлог для откровенного разговора...

— Ого, да ты, оказывается, девочка, — шутит он, взглянув на мои стрелки и

присвистнув. — Не надо, тебе идет, — добавляет, когда замечает, что я потянулась их стереть. — Готовишься к вечеру?

Смущенно улыбаюсь и киваю. Давно я не собиралась к праздникам так тщательно. Можно сказать, вообще не собиралась: последний мой праздник был в детстве, новогодняя елка дома с мамой и дедушкой. Но это совсем не то.

— Кто тебя пригласил, если не секрет?

— Варяг.

— Я так и знал, — кивает Ветер. — Ну, как настрой, что думаешь?

Казалось бы, куда смущаться еще сильнее?

— Не знаю, — отложив кисточку, я устало опускаюсь на постель и развожу руками. Что-то в его голосе и жестах заставляет меня довериться, открыться, говорить искренне. — Честно говоря, я боюсь и... поначалу хотела отказаться.

Ветер садится рядом. Невольно напрягаюсь и замираю с прямой спиной. Чувствую тонкий запах хвои и крепкого чая.

— Почему?

— Знаете, никогда не думала, что я красивая. Нравятся другим обычно красивые, вроде Сойки, а я что? Ну, так... А еще... Я совсем не умею танцевать вальс.

Ветер вдруг улыбается одними глазами. От такого взгляда мне всегда становится теплее, даже если системы кондиционирования опять путают юг и север.

— Дело не во внешней красоте, а в том, какая у тебя душа. Не бывает некрасивых людей, бывают те, кто не умеет красотой делиться. То, что у тебя внутри, то, что ты хранишь в сердце, намного важнее, чем то, как ты выглядишь... А вальс — не беда. Можешь потренироваться на мне.

Он поднимается и протягивает руку. Пол плывет под ногами, как тогда, в первый день, но мне не страшно — скорее, весело и волнительно до дрожи в коленках. Однако я не сразу принимаю его предложение: неуверенно и несмело смотрю ему в глаза и нахожу в очередной раз теплоту и спокойствие.

— Слушайте... Почему вам не все равно?

Ветер непонимающе хмурится. И я тороплюсь пояснить:

— Вы относитесь ко мне так хорошо, как будто я ваш близкий человек. Но мы знакомы очень мало. Знаете, меня никто так не понимал и не поддерживал раньше, — в носу вдруг начинает щипать, голос предательски дрожит, и я прерываюсь, краснея. Ветер почти ласково кладет ладонь мне на плечо.

— Я просто вижу, что тебе это необходимо. Если бы мы не строили наши отношения на дружбе и доверии, мы бы никогда не стали товарищами. Это неважно, что я старше и опытнее — моя задача научить вас, но в то же время вы чему-то учите меня. И мне не должно быть все равно, потому что мы с вами одна команда. С каждым из вас и конкретно с тобой.

Как бы хотелось, чтобы мой отец был таким же, как мой наставник... Но отца у меня нет. Я его не знаю и, по правде говоря, сомневаюсь, стоит ли рисковать жизнью ради незнакомого человека. Стоит ли пытаться искать о нем сведения или его самого, если всю жизнь я была ему неинтересна?

Предаваться раздумьям на тему семейных ценностей некогда, да и не особенно хочется. Широкая крепкая ладонь Ветра уверенно опускается мне на пояс, другой рукой он берет мою похолодевшую руку и выпрямляет в сторону. Шепотом считает: раз, два, три. Двигается

неожиданно плавно и грациозно и увлекает за собой меня, не обращая внимания на то, что я путаюсь в ногах — и своих, и его заодно, и больше топчусь по его ботинкам, чем шагаю сама. Никогда бы не подумала, что он умеет так танцевать: на тренировках, на службе он настоящий железный человек, в жизни — спокойный и суровый, а танец — это такие чувства, которые никак не соотносятся с холодом.

Ветер ненамного выше меня, и танцевать с ним очень хорошо. Спустя несколько неуклюжих кругов по комнате и неловких падений я примерно чувствую ритм и двигаюсь в такт, поворачиваюсь вместе с ним, верчусь под его рукой — и прикрываю глаза. Раньше таким образом я вызывала воспоминания из детского прошлого, но таких моментов там точно нет, пускай будет новый. Новый, странно-нежный, неловкий и не похожий ни на что.

Очевидно, заметив мою задумчивость и рассеянность, Ветер вдруг подхватывает меня, взяв за талию, и кружит — испуганно вскрикиваю от неожиданности, но отчего-то есть уверенность, что он не уронит, не оступится, не сделает мне больно. Может быть, это неправильно, что я так доверяю совершенно чужому человеку. Может быть, это неправильно, что подсознательно я ищу в нем близкого, родственную душу. Может быть, он просто заботливый и вежливый и не придает такого значения словам и поступкам, но именно из-за этого я к нему так привязалась: он дал мне почувствовать себя нужной, почувствовать себя на своем месте и в безопасности. За короткое время он стал моим учителем и другом, а это дорогого стоит, особенно для меня, ведь я трудно схожусь с людьми и очень мало кому могу доверять безоговорочно. Любые отношения, вовсе не обязательно романтические, строятся годами, но мы с ним как будто знаем друг друга всю жизнь.

— А можно еще разочек?

Он усмехается краем губ — улыбки, как всегда, не выходит. Снова поднимает меня и кружится в другую сторону, пока очертания комнаты не начинают мелькать перед глазами, а потом останавливается и спрашивает:

— И кто мне говорил, что не умеет танцевать? Главное довериться. Партнер ведет, а ты просто его чувствуешь. Ладно, собирайся, — с этими словами он бросает куртку через плечо и направляется к двери, но... Если он уйдет сейчас, мы так ничего и не узнаем.

— Ветер! Пойдите, — с трудом сдерживаю дрожь в голосе. — Есть один вопрос.

— Сейчас?

Молча киваю. От волнения не могу расстегнуть несессер, долго вожусь с простейшей защелкой. Ветер, пожав плечами, снова садится на постель. Наконец помятая гифография мягко ложится мне в ладонь, и я ее разворачиваю.

— Кто эта девушка? И когда это было?

Наставник хмурится, вглядываясь в потрепанную черно-белую гифку. Его практически невозможно вывести на эмоции, но невеселый, потерянный взгляд невольно выдает их все. Он медленно опускает руки на колени и отстраненно смотрит в полумрак комнаты. Я уже и не жду, что он заговорит. Отругает меня за любопытство — да, скажет, что это не мое дело — да, но ответит честно?..

— Давно, — произносит он наконец. Его усталый хриловатый голос как будто ломается, но ничто больше не выдает эмоций. Время — плохой доктор, оно дает лишь обезболивающие и жаропонижающие вместо того, чтобы по-настоящему справиться с болезнью. — Это моя бывшая напарница и... жена.

— Вы были женаты? — честно признаться, удивляюсь. Ветер всегда казался мне

одиночкой. Хорошим человеком, но не созданным для семьи: слишком часто рискующим собой и работающим на такой должности, которая отрицает почти все привычно-человеческое.

— Да. Недолго. Знаешь, сколько мне лет?

— Тридцать? Тридцать один? — старше он не выглядит, хотя в волосах кое-где уже серебрится седина.

— Тридцать восемь. А ей сейчас было бы на два года меньше. Мы познакомились в университете, на ее втором курсе. Я учился на программной инженерии, она — на социальной психологии, часто пересекались на спортивных мероприятиях и слетах. Как-то так закрутилось, начали встречаться, потом все, как у людей. Что для тебя любовь?

От неожиданности вопроса я даже зависаю, не сразу соображаю, что ответить. Наверное, он ожидал каких-то умных фраз, но на большее я не способна.

— Любовь? — вспоминаю время, проведенное с мамой, братом, бабушкой. Горячий земляничный чай и глинтвейн, вязаный свитер и пушистые белые варежки, мамины пироги, бабушкины книги... Нет, не то. Любовь бывает всякой, но это не то. Отчаянно прогоняю воспоминание о том, как Варяг вчера обнимал меня, когда я плакала и скулила от боли. Как донес меня на руках до комнаты, а потом пригласил на вечер. Как после неудачного спарринга перевязал разбитую коленку.

— Ну... Любовь — забота, — выдаю первую ассоциацию. — Тепло. Свобода. Не знаю.

— Согласен, — кивает Ветер. — Для меня еще “доверие”, хотя это и так подразумевается. Мы с ней знали, что если будет надо, пойдем служить оба. Тогда же я познакомился с Фаустом и Прометеем, и мы вчетвером пришли на базу, когда Огонь и Лед только начали эту затею. Грань тогда была еще крепка, и мы не верили в худшее. Но никто не верил в нас. Прошел год, тогда же на Грани появились первые трещины, случилась радиационная атака. Наш отряд пошел в ночную смену закрывать трещины герметизаторами: мы надеялись, что ночью под прикрытием темноты и с хорошей конспирацией справимся легко. Только не подумали, что если в Грани есть трещины, то в эти трещины можно легко что-нибудь просунуть. Например, бластеры или баллоны со взрывчаткой. Мы ликвидировали все автоматизированные бластерные установки, собирались пройти дальше и проверить, на сколько нам хватит герметизаторов и нужно ли сходить на базу за запасными. Хотели отправить девочек, а сами думали подежурить у Грани. Отошли уже достаточно далеко, как у нее развязался шнурок. Я наклонился завязать, а она говорит, мол, не надо, иди, я догоню. Никто даже подумать не мог, что эти... граждане догадаются закинуть в трещину гранату. У нее под ногами взорвалась земля. Я мог быть рядом с ней, но она как будто нарочно прогнала. Меня тогда только задело осколками. Тот шрам, который тебя пугает, да, он оттуда. Знаешь, сначала я долго жалел, что это случилось не со мной или не с нами обоими, но теперь понимаю, что должен жить хотя бы ради нее. Идти к той цели, к которой она бы шла.

— И отомстить?

Я сижу рядом, но мне так холодно еще не было никогда. Хочу коснуться руки наставника, но не смею, и только сочувственно заглядываю ему в лицо. Он поразительно спокоен.

— Нет. Мстить тут некому и незачем. Того, кто это сделал, мы не найдем, а если бы и нашли, смерть за смерть — этим человека не вернешь. Цитадель называется “Вихрь” в память о той операции — вот и все.

Комок подбирается к горлу и давит всей тяжестью. Боюсь расплакаться, с трудом сдерживаюсь и осторожно все-таки беру наставника за руку. На мгновение он крепко сжимает мою ладонь, а потом отпускает и поднимается уходить. У самого шлюза вдруг оборачивается:

— Пожалуйста, не обсуждай это ни с кем.

И тут я совсем теряюсь. Конечно, даже не собиралась о нем сплетничать, спросила только из собственного неумного любопытства и подумать не могла, что наставник действительно расскажет правду. Он доверяет мне больше других ребят, смогу ли я оправдать его доверие?

— Вы мне такое рассказали, спасибо... Я никому, честное слово, — от волнения путаюсь в словах и тут же думаю, что это как-то нечестно. Откровение за откровение — так будет правильно, хоть и немного против законов Цитадели. И шепотом добавляю самую ценную информацию, которая у меня есть: — А... меня зовут Сеня. Ксения.

— Я знаю, — серьезно кивает Ветер. Неожиданно взъерошивает ладонью мои волосы. И, помолчав немного, добавляет: — Не бери в голову. Слышишь? Жить надо сегодня. А прошлое — это урок.

Когда Ветер уходит, мне уже что-то совсем не до праздника. Такая тяжелая, грустная история. Жалко погибшую много лет назад девушку, жалко наставника, который потерял любовь и так и не нашел снова — но больше всего жалко этот мир, который сломался. Зачем вся эта иллюзия радости и счастья, когда люди умирают ни за что, когда боевые задачи и операции становятся важнее жизни, когда поговорка про то, что смерть не разлучит любящих, не работает?

Зачем Ветер так заботится обо мне, если не хочет напоминать себе о погибшей любви? Почему он не против, чтобы я знала о его прошлом? Что скрывается за счастливыми и безмятежными улыбками на каждой гифографии? Люди обнимаются, подмигивают, улыбаются в кадр, но если знать, что случилось с ними потом — счастье приобретает черно-белые оттенки горечи. Может быть, поэтому гифки не цветные?..

Готовиться к вечеру больше нет настроения. Ветер ни в чем не виноват, наоборот, я благодарна ему за честность и доверие, это все мои домыслы и несчастная фантазия. Да, наш наставник строгий, суровый, скупой на слова и не умеет улыбаться, но это не делает его хуже. Да, база несовершенна и не всегда полностью безопасна, но это не обесценивает ее работу. Спиртовой салфеткой стираю стрелки и косметику, руками привожу в беспорядок аккуратно уложенные волосы и собираю их в короткий хвост, вместо узкого серебряного браслета цепляю на запястье неизменные часы. Я не хочу быть похожей на ту девушку, не хочу повторить ее судьбу. И не хочу быть неизбежным воспоминанием для наставника.

Зимой, особенно в лесу, темнеет рано. Мягкие снежные сумерки опускаются на землю, окутывают непроглядной темнотой каждую сосну, синей дымкой скользят вдоль герметично запечатанных окон. Где-то там, вдалеке, прячась среди густых снежных ветвей, замерли, как приклеенные, большие колючие звезды. Они так близко, протяни руку — и коснешься. Но дикая, чужая красота уже совсем не манит: все гораздо прозаичнее, звезды в миллионах световых лет от нас, и они вовсе не праздничные украшения, а небесные тела, вблизи совершенно не такие красивые, какими кажутся с земли. Снаружи снова идет кислотный снег: я вижу, как он светится химически-белым, как легкий дымок тянется от обожженной кислотой хвои. Но химическая атака на этот раз не объявляется: дроны из-за Грани здесь ни при чем, просто воздух отравлен настолько, что простые, дежурные очистители уже не справляются с поддержанием целостного озонового слоя. Оксиды и испарения все равно проникают сюда, отравляют осадки, землю, деревья... и неосторожных, неопытных в этом людей.

Хотя бы сейчас стараюсь об этом не думать. Проверяю окно: да, так и есть, заблокировано, как и все шлюзы, ведущие на выход. Даже на Новый Год у нас нет того снега из детства, привычных зимних игр и шумной праздничной суеты: на базе все расписано по минутам, кабинеты украшены весьма посредственно и типично, от самого вечера вряд ли следует ожидать чего-то большего, чем всеобщего поздравления и, может быть, каких-то новых суррогатных вкусняшек на ужин.

Кто-то нажимает на кнопку вызова с обратной стороны шлюза. Вряд ли Сойка: та и сама открыть способна, и привыкла врываться без стука. Наверное, Варяг. В последний раз обернувшись к зеркалу и не найдя там той симпатичной девушки, которой накануне сделал

комплимент наставник, ехидно подмигиваю отражению и выхожу в коридор. И правда: Варяг уже ждет меня, прислонившись плечом к стене с подогревом. Все-таки в коридорах прохладно, а он в одной рубашке — белоснежной, тщательно выглаженной, с закатанными рукавами и шевроном Цитадели над нагрудным карманом. Кодовое имя ему тоже очень подходит, не только из-за его удивительного таланта к единоборствам и стрельбе: во всем его облике есть что-то северное, тонкое и в то же время сильное, светлое и таинственное, как будто не из нашего двадцать второго века.

От него пахнет одеколоном: хвойные нотки с чем-то терпким, отдаленно напоминающим вишню, и от этого тонкого запаха, ненавязчивого, но до боли знакомого, у меня начинает щипать в носу, и я старательно смахиваю слезы украдкой: он слишком сильно напоминает мне брата. И пусть мальчишки внешне не похожи, все равно что-то в этом есть. И даже когда я робко беру своего спутника под руку, его твердость, уверенность и поистине северное спокойствие снова напоминают мне характер Олега.

— Чуть не забыл, — Варяг вдруг отнимает руку и, покопавшись в несессере, достает и протягивает мне небольшую черную коробочку с мигающим индикатором на краю крышки. — Вот. Это тебе. С наступающим. Я придумал, а Часовщик сделал.

Осторожно принимаю подарок — коробочка ложится в ладонь, как влитая, и греет с первого прикосновения. Индикатор приветственно подмигивает, крышка беззвучно отъезжает в сторону и открывает мне две черные электронные капельки, похожие на старую модель беспроводных наушников из прошлого века. Только системы подключения у них нет, да и для обычных наушников слишком маленькие.

— Это вроде связного браслета, только не для всех, — поясняет Варяг. — Они, как и твои часы, настраиваются на биоритм владельца. Когда ты подключишься первый раз, они с тобой как бы познакомятся. Потом не смогут принадлежать никому другому. Это связь... между нами. Тайная, ее нельзя запеленговать и отследить. Потому что в ней не используется ничего, кроме мыслей.

Я вынимаю один наушник и примеряю. Наверное, у меня слишком странный вид, потому что Варяг отыскивает в кармане брюк свое устройство и тоже вставляет в ухо одну капельку.

— Нажимай на нее, — его голос слышится будто бы у меня в голове. — А теперь подумай, что хотела сказать.

— Прием, — говорю и тут же краснею от собственной глупости. Ничего поинтереснее не придумала! Варяг что-то подкручивает в своем устройстве и терпеливо повторяет:

— Не говори. Подумай.

Легко сказать! Все это похоже на старый анекдот, когда тебе говорят “не думай про белого слона”, и с этой самой минуты ты не можешь больше ни о чем думать, кроме этого белого слона. Он отплясывает джигу у тебя в голове, трубит разные песенки, хлопает ушами и становится единственной мыслью, которая у тебя осталась...

Варяг покатывается со смеху. Вокруг его прищуренных светлых глаз разбегаются лучики морщинок, на щеке обозначается ямочка.

— Что?

— Хватит думать про белого слона, — наконец выдает он, отсмеявшись. — Давай словами.

Но и теперь, когда белый слон с позором изгнан из моей головы, не получается думать ни о чем серьезном. Только о том, что мне нравится, как Варяг смеется. За месяц курса на

базе я слышу его смех лишь второй раз, но этого достаточно, чтобы навсегда его запомнить. Мне нравится, как он ерошит идеально приглаженные волосы левой рукой — совсем как мой брат. Нравится, как он щурится, читая инструкции и конспекты, нравится, как он пишет — аккуратными ровными строчками, нравится его внутренний генератор идей: с креативностью у нас у всех не очень хорошо, мы больше исполнители, а как что-нибудь придумать, так это к нему...

— Ты мне тоже очень нравишься, — вдруг говорит Варяг серьезно и очень тихо.

Срываю наушник-капельку и дрожащими пальцами пытаюсь засунуть его обратно в гнездо. Наверно, я покраснела: и щеки, и уши горят, как облитые кипятком, а сердце стучит шумно и совсем не тревожно.

— Не смей читать мои мысли!

— Я не...

— Ты нарочно, да? — чувствую, что уже не могу остановиться, но из последних сил держу себя в руках. — Тебе это смешно?

— Тиша, я совсем не хотел над тобой смеяться. Я не виноват, что у тебя такое творится в голове. Это устройство поможет нам оставаться вместе, даже если мы будем за сотни километров друг от друга. Его внутренняя система регистрирует твое биополе и передает мысли второму устройству. Если связные браслеты сломаются или ими нельзя будет пользоваться, если кто-то их отнимет или захочет отследить переговоры каждого служащего Цитадели, это хорошая альтернатива, — он резко обрывает фразу и умолкает, переводя дух: понимаю, что так много говорить ему непривычно, да и он вовсе не собирался выяснять со мной отношения. Хотел как лучше, а получилось, как всегда...

— Ладно, прости, — я снова примирительно беру его за руку и чувствую, как его ладонь смягчается и теплеет, а он сам расслабляется. Слегка сжимает мои холодные пальцы. — Впредь буду думать осторожнее. Спасибо тебе, это очень мило, — а сама опять смущаюсь, не знаю, куда деть взгляд и отчаянно пытаюсь согнать смущенный румянец с лица.

Всегда суровая, мрачная база сегодня заметно преображается. Вокруг обыкновенных часов-табло на стенах горят цветные гирлянды, окна и шлюзы украшены сосновыми ветвями, красными и зелеными лентами, даже светодиоды на полу и потолке подмигивают, проскальзывая разноцветными искорками взад-вперед. До Нового Года еще три часа, и серебристый ремешок вновь обжигает запястье раскаленным прикосновением. Может быть, это, как всегда, от волнения? Глубоко дышу, пытаюсь успокоиться: сегодня праздник, сегодня не время переживать, бояться, злиться. Повторяю это про себя, как мантру, но боюсь, что помогает слабо.

В главной зале все изменилось до неузнаваемости. Гирлянды, шары, длинные столы, сдвинутые к стенам и, как положено на фуршете, уставленные всевозможными тарелками, блюдами и вазочками, высокие хрупкие бокалы на изящных витых ножках, искрящиеся блестки на плотно закрытых жалюзи, а посреди зала — елка! Настоящая, огромная — метра в три высотой, припорошенная искусственным снегом, окутанная золотым облаком крохотных огоньков, разукрашенная шарами, карамельками, компьютеризированными фигурками львят, собак, лошадей, снежинок и птиц. Вместо привычного запаха резины и очистителей в главной зале сладко и терпко пахнет хвоей, мандаринами, корицей и чем-то неуловимо знакомым из детства. Подбегаю к елке и, не смущаясь, зарываюсь носом в густые колючие лапы: красота!

Вскоре нас окружают остальные ребята, которые уже успели познакомиться со стайкой

старшекурсников. Сойка, как обычно, цепляется за рукав зеленой клетчатой рубашки Часовщика, а тот смущенно улыбается, краснея вместе со всеми веснушками, и протягивает другим свободную руку для знакомства. Некоторые ребята даже в масках: кто-то раскрасил лицо аквагримом, кто-то откопал на складе настоящую карнавальную, а какой-то парень в белом костюме спрятался за шлемом виртуальной реальности и никому не отказывает в теплых объятиях робота. Часовщик и Сойка нарядились в похожем стиле: он — в зеленой клетчатой рубашке, она — в изумрудном платье до колен с шахматным поясом. Ее буйные кудри подхвачены шпильками с двух сторон, и от привычной вредности и склочности не осталось и следа: она очаровательно улыбается, смеется, приседает в насмешливых реверансах. Надо же, люди еще помнят, что это такое...

Наставники разбрелись по всему залу, но что-то знакомых я не могу найти. Фауст, как всегда, занят по самые уши, сидит за аппаратурой и огромными колонками и постукивает флешкой в такт каким-то битам. Прометей, седой тренер в прямоугольных очках, собрал вокруг себя стайку любопытных и специально для них разбирает большой экологический график на мониторе одного из биокomпьютеров. Младший санинструктор, Скала, тоже нашла себе компанию старшекурсников: стоят впятером, разглядывают елку и подливают друг другу шампанское.

Мы с Варягом чувствуем себя неловко, как будто оба здесь лишние. Оба трудно сходимся с людьми, оба не очень жалуем большие компании, оба предпочитаем проводить время в одиночестве или в небольшом, тесном кругу. Но с общим праздником надо считаться. Тем более, я ведь сама хотела повеселиться — напоследок, попрощаться с детством, и без того давно убежавшим.

Неожиданно кто-то сзади обнимает за плечи холодными ладошками: оборачиваюсь и вижу светловолосую девочку из другого отряда, с которой не совсем познакомилась в тот день, когда случилась первая химическая атака. Это у нее тогда в отряде погиб Тимур, они были одноклассниками. Но я почему-то не успела — или не догадалась? — хотя бы спросить ее имя. Сегодня она очень мила: в простых узких джинсах и белой водолазке, повесила на шею пару рядов пушистой мишуры, надела перчатки в виде кошачьих лап и вставила в волосы жемчужные шпильки, очевидно, позаимствованные у кого-то из наставниц.

— Привет! С Новым годом, — я снимаю с руки одну из плетеных фенечек, красную с узелками, под цвет ее помады. Часы снова обжигают, как только браслет растается с запястьем, но, вероятно, это просто от волнения. — Это тебе. На удачу.

— Спасибо, — девочка улыбается и тоже заливается краской: как все светловолосые, она легко краснеет. — Кстати, меня зовут Ма... Аврора. А тебя Тишина, я слышала. Про вас вся база говорила...

Варяг тихо присвистнул у меня за спиной, а я, наверное, не перестану сегодня удивляться.

— После вашего ночного рейда с наставником, — поясняет Аврора. Она чуть не проговорила, скорее всего, по-настоящему ее зовут Маша или Марина. — Вами все восхищались. Конечно, понятно, что это мера санкции, но все равно... Вы уже получили один боевой выход и вернулись невредимыми. Ну, почти.

— Разве боевой выход...

— Засчитывается и первокурсникам, если они совершают вылазку, превышающую их опыт, — поясняет невесть откуда взявшийся Север. Он тоже сегодня выглядит сногшибательно, в белоснежном костюме и с белыми волосами, собранными в

растрепанный хвост. — Обычно очень мало кто в первый же месяц ухитряется получить ночное дежурство, но нас угораздило из-за вас с Сойкой. Впрочем, все обошлось, а мы стали на шаг ближе к высшей ступени.

Разговоры про высшую ступень меня немного смущают: наверняка ребятам ни о чем не известно, но все-таки хочется, чтобы это осталось тайной. Моим личным секретом, о котором я буду переживать в одиночестве.

Внезапно нас прерывает музыка: раньше она играла тихо, фоном для общих разговоров, пока Фауст настраивал подходящий плейлист, а теперь вдруг полилась из всех динамиков, как будто в залу незаметно вошел симфонический оркестр. Мне особенно приятно, что это не рэп, не всем известные песни с пустым набором слов, а что-то отдаленное похожее на классику. Конечно, я и рок люблю, но здесь, где все такие нарядные, смущенные, восторженные в ожидании чего-то нового, большого и светлого, для тяжелой и грустной музыки места нет. А вот для такой, звонкой, нежной, звенящей переливами, как хрусталем и осколками льда, — самое время. И все бы хорошо, если бы мои часы не ожили снова. Циферблат вздрагивает на запястье и показывают цифру 4. Опять! Ну что может случиться прямо в новогоднюю ночь?! Разве что потолок в общем зале обрушится!

— Можем начинать? — шелестит по рядам шепот. — Уже можно?

Я поспешно одергиваю рукав, чтобы не смотреть на часы каждые тридцать секунд, но забыть о них невозможно: они снова нагреваются и будто бы плотнее прижимаются к руке. Шлюз напротив елки — самый главный — распахивается, створки разъезжаются в стороны, и весь зал замирает, обернувшись ко входу, среди ребят и наставников снова струится изумленный шепот.

— Ничего себе...

— А я так и знал!

— Красивая какая...

Эти фразы назойливо вертятся и среди моих мыслей, и глядя на пришедших, я даже забываю о том, что собиралась сказать кому-нибудь из старших программистов про снова ожившие часы. Ветер и Мелисса немного опоздали и теперь появились на глазах у всех: нарядные, эффектные, неожиданно счастливые. И я могу поклясться, что хотя у Ветра и нет улыбки, его всегда спокойные серые глаза светятся тихой и теплой радостью. Поймав мой взгляд, он незаметно подмигивает, а потом бережно и в то же время уверенно берет под руку свою спутницу, и они вместе входят в круг. Его рука — у нее на талии, ее хрупкая ладонь — у него на плече, однако и теперь, на празднике, они не забывают о службе: у него проводной наушник подключен к связной коробке, связной браслет светится на запястье, у нее к ремню платья пристегнута карманная рация. Но даже невзирая на это, они смотрят друг на друга с такой нежностью, что всем вокруг от этого становится теплее.

Незнакомая мелодия сменяется знакомой: это уже классика, неизвестно откуда взявшаяся на базе, да еще и в плейлисте рокера-любителя Фауста. Играет вальс композитора Свиридова, в детстве мне мама часто включала его, особенно зимой. На глаза предательски наворачиваются слезы от таких тревожных, пронзительных и в то же время нежных и светлых нот. Как будто настоящая метель ворвалась в залу и подхватила, закружила всех, насквозь пронизанная темнотой, серебром снежинок и далеких колючих звезд. Не успеваю опомниться, как Варяг, по примеру старших, кладет руку мне на пояс, притягивает к себе и делает первый шаг. Мы кружимся, ускоряемся, круг вертится все быстрее, у меня перед глазами мелькают пестрые платья девушек, яркие огоньки гирлянд и шары на елке, белые

рубашки мальчишек и наставников напоминают снег, а вальс все быстрее, быстрее... И в темноте чудится, что даже снег за окнами летит вертикально вверх, не желая портить нам праздник кислотой, даже если мы сейчас об этом не узнаем.

Мое сердце бьется в такт вальсу. Я быстро устала, но никто и не думает останавливаться. Мне все это нравится: легкое головокружение, сладковато-терпкий аромат одеколona, напоминающий о беззаботном детстве, запах мандаринов, корицы и хвои, отражение елки в герметичных окнах, музыка из далекого прошлого на базе, которая больше напоминает будущее... И то, что голубые глаза Варяга так близко, что он говорит мне что-то шепотом и сперва улыбается, а потом встревоженно заглядывает в лицо. И даже то, что пол уходит из-под ног, как в невесомости, и я как будто лечу, только не отпускает жжение на левом запястье, переходящее в резкую боль.

Вальс кружит, как настоящая метель, музыка все громче, только вокруг темно и я уже ничего не вижу. Или это весь зал слился в одну темноту, стал одной черной пустотой? Черные круги перед глазами — это лесная зимняя ночь, тихая и беззвездная? Но почему так резко сердце ухает куда-то вниз, и боль разрывает уже не только запястье, а пронизывает вдоль позвоночника, совсем как тогда, раньше? И почему нежные переливы вальса превращаются в одно сплошное гудение, больше похожее на вой сирены?

— Тиша! Тишина!

Вздрагиваю от собственного имени и, прижав холодные ладони к пылающим щекам, медленно осматриваюсь. Оказывается, круг уже разбился, и почему-то все столпились вокруг меня, наперебой предлагая воду, салфетки и таблетки от головокружения. Теряю опору под ногами, но кто-то бережно поддерживает под руки, и, разогнав темноту в глазах, я отрицательно качаю головой в ответ на все предложения помощи.

— Спускайтесь в бункер, — один из наставников, имени которого мы не помним, ключ-картой открывает шлюз, и пестрый нарядный ручеек ребят поспешно вытекает из зала. Музыка больше нет, но тихо не стало: наоборот, во всех коридорах надывается сирена. — Дежурные — Сокол и Буря! Нужно проверить Грань!

Старшие уходят, оставив нас с чужими наставниками, дежурными по корпусу, и те отводят нас в безопасное помещение. Вокруг только мощные серые стены бункера и заблокированный подсвеченный шлюз. Где-то наверху страшно воеет сирена, но ни шагов, ни голосов, ни выстрелов — больше ничего.

— Ты в порядке? — тут же рядом оказывается Север со своим неизменным медицинским несессером. В стороне сидят Варяг и Аврора, встревоженные не меньше его. — Это... снова?

Кажется, я знаю, что “это”. На всякий случай кивнув, вдруг понимаю, что часов на руке больше нет — вместо них осталось лишь легкое жжение и непреодолимая слабость.

— Где... Ветер? — голос слышится хриплым, будто не своим.

— Там с Гранью ЧП, — Север помогает мне сесть на пол и подстилает чей-то свернутый пиджак. — Они пошли разбираться. Он сказал, что придет, тогда поговорим.

— Поговорим?.. О чем?

Сердце снова совершает кульбит и колотится где-то в горле, но на этот раз не от волнения, а от неподдельного страха. Что такое произошло?

— О тебе, — Север хмурится и прячет взгляд. Краем глаза вижу, как Варяг и Аврора тоже опускают голову, отворачиваясь. — Тебе стало плохо посреди зала. Ты чуть не упала, Варяг поддержал. Естественно, Ветер спросил, бывало ли такое раньше.

— И... что ты сказал? — спрашиваю, но не знаю, зачем. Каким будет ответ, уже догадываюсь, и от этого сердце замирает, дрожит, даже боль отступает перед страхом предстоящего объяснения.

— Рассказал все, — едва слышно отвечает Север и, рывком отвернувшись, зябко кутается в куртку. А я потерянно смотрю в потолок, глотаю слезы и даже не чувствую, как Варяг осторожно гладит мои растрепанные пряди. Это совсем другая боль, и словами такую не объяснить. Что-то натянулось до предела, как струна, и со звоном разорвалось. И от этой боли, такой тоскливой и безнадежной, я не могу даже дышать — получается только молча плакать, но она не выходит со слезами, сидит колючим обрывком в груди и впивается все сильнее. Я ожидала удара в спину от кого угодно, только не от него. Только не от них.

В инфоцентре настал долгожданный выходной: директор второй раз за год с чувством выполненного долга покидает свое кресло и возвращается в пустую квартиру. Конечно, там никто не ждет, кроме робокошки и шести компьютеров, но за последние два месяца директор особенно сильно устает и хочет если не вернуться в теплый уютный дом, то хотя бы ненадолго отвлечься от работы.

Квартира, заблокированная на шлюз, милостиво пропускает внутрь, когда срабатывают сенсорный сканер и фейсконтроль, и директора с порога окутывают мягкое тепло, запах сандала и ванили. Распылитель постарался, жаль только, что все это — очередная суррогатная смесь, а не выпечка, например, или не настоящие веточки восточного дерева. Сменив спортивный гермокомбинезон на домашние брюки и флисовую рубашку, директор устало опускается в кресло-капсулу, отдает команду голосовому помощнику:

— Кларисса, включи четвертый канал и активируй режим антистресса!

— Будет сделано, — моментально отзывается безэмоциональный женский голос из встроенных в стену динамиков. Телевизор напротив включается на нужном канале, кресло-капсула теплеет и принимается мягко вибрировать, то усиливая, то ослабляя работу, в зависимости от ощущений директора. Бесшумно подкатившись из темноты коридора на своих амортизированных колесах, робокошка с разбегу въезжает в кресло-капсулу и устраивается на директорском животе. Подмигивает всеми четырьмя глазами, подергивает хвостом и тоже вибрирует — мурлычет, значит, от удовольствия. Рассеянно глядя прохладный металл, директор смотрит на экран: там показывают очередные достижения ребят из главного учебного центра. Команда мальчишек и девчонок лет пятнадцати проектирует новых роботов-герметизаторов, которые смогут не только закрывать трещины на Грани, но и полностью устранять повреждения, не оставляя золотистых швов. А также они за счет увеличения размера и количества возможных датчиков во много раз мощнее, то есть они способны закрывать гораздо большие разломы, чем нынешние роботы общепринятого стандарта. Директор скептически хмыкает, не сдержавшись: взрослые матерые инженеры годами не могут придумать, как укрепить Грань и уберечь ее от поломок, а тут детишки из девятого класса изобретают всего лишь коробочку размером побольше. Один из них, скорее всего, непосредственный автор проекта, полноватый паренек в забавных фиолетовых линзах, бойко вещает на камеру:

— За счет расширения внутреннего пространства робота мы сможем улучшить его механизм так, чтобы туда помещались не только локальные герметизаторы, но и геолокаторы, и счетчики расстояния: таким образом роботы смогут действовать самостоятельно, проверять стену и по мере необходимости закрывать трещины и прочие повреждения. Мы считаем, что это намного эффективнее, нежели человеческое дежурство...

— Кларисса, смени канал на первый, — командует директор. Тошно видеть, как малыши-школьники ловко обыгрывают инженеров с зашоренным взглядом, а ведь всего лишь надо расширить коробку, а не ломать голову, изобретая велосипед и пытаясь пристроить новые датчики и функции в слишком тесном пространстве. Про себя директор замечает, что в этот учебный центр надо бы заехать после работы, пообщаться с командой юных изобретателей и привезти разработки в технический отдел инфоцентра: там уж сотрудники наверняка разберутся.

По первому каналу молодая и искусственно встревоженная информантка вещает последние политические события. Президент поехал с проверкой в западные регионы: там Грань крепче, потому что не находится под вечным ударом баз Цитадели. Проверка принесла неутешительные результаты: на самом деле Грань уже не так устойчива, как предполагалось еще месяц назад. Даже независимо от человеческого фактора на ней появляются трещины, разломы и пустоты, и далеко не все роботы с ними справляются. В некоторых местах, правда, отдаленных от столицы, но все равно потенциально опасных, Грань так и не закрылась, особенно крупные трещины остались, и никто из инженеров пока не может придумать, что с ними делать и как бороться.

Когда Грань только поставили и протянули на сотни километров, все были уверены в ее полной безопасности. Никто и подумать не мог, что в разломах будет виноват не только человек с той стороны: природа также со временем стала вносить свой вклад, бури и ураганы пробивали стену, в приморских городах шторм и волны крушили тонкую материю, в горах страшные лавины и камнепады заставляли Грань дрогнуть и прогнуться. Ничто не вечно, а ведь так хорошо все начиналось...

Задумавшись, директор и не замечает, как кукольно накрашенная информантка перескакивает с одного на другое, и вот уже вместо вечно моложавого лица президента и толпы его охранников камера на дронах-передатчиках показывает заснеженный лес. Недавно выпали кислотные осадки: снег где-то неестественно белый, где-то желтоватый, отдельные деревья дымятся, скорчив обожженные кислотой ветви. А по неразличимым тропинкам неровными рядами двигаются люди: на их касках и шапках горят фонари, все они облачены в непроницаемые гермокостюмы и в них слегка похожи на пришельцев. Кто-то руками в перчатках ощупывает прозрачную стену: она искрится, пульсирует, трещины ползут уже хаотично, как будто кто-то долго и упорно бил по Грани чем-то тяжелым. Недавняя разведка со стороны Системы, очевидно, не пошла ей на пользу, хоть и принесла достаточно интересные сведения: Грань трещит по швам, и этого не избежать и тем более не скрыть.

— Трещины и разломы в Грани с каждым днем все заметнее, они расширяются и становятся основанием для новых повреждений, — механическим безэмоциональным голосом рассказывает информантка, и хотя на ее лице нарисованы тревога и волнение, очевидно, что ей совершенно все равно и на Грань, и на происходящее в целом: вполне возможно, что она даже не понимает толком, о чем говорит, просто заучив предложенный журналистами текст. — Несмотря на то, что у Системы не выстроены мирные дипломатические отношения с Цитаделью, служащие баз Цитадели также, как и мы, заинтересованы в сохранении прочности Грани. Отряды добровольцев, вооружившись карманными герметизаторами, анализируют масштаб повреждений...

Директор, приподнявшись в кресле, броском пульта отключает на полуслове равнодушную информантку. С обиженным механическим мяуканьем робокошка сваливается с хозяйских колен, приземляется, как положено всем котам, на четыре колеса и, поняв, что в доме сейчас не до нее, бесшумно укатывается на подзарядку.

— Кларисса, соедини меня с АН-322!

— Соединяю, — мгновенно отзывается не менее равнодушная голосовая помощница. В динамике над капсулой слышны длинные гудки, а потом сквозь них пробивается усталый хрипловатый голос старшего инженера:

— АН-322 на связи.

— Директор инфоцентра на связи, — обозначает абонент. — У нас выдалось весьма подходящее время для новой атаки.

— Вы с ума сошли? — простецки любопытствует инженер. — Новый год на дворе! Все дежурные заняты, у остальных законных выходной.

— Я никогда не отдыхаю! У нас с вами нет законных выходных, Системой не положено! Вы слушали последние новости с первого канала?

— Нет, — недовольно ворчит АН. — У меня и без того дел по горло. А что там?

— Подождут ваши дела. У нас с Гранью ЧП. Трещит по швам со всех сторон, даже там где люди не особенно присутствуют. Получается, в этом не только Система и Цитадель виноваты. Но сейчас не об этом, а о том, что с лесной базы Цитадели вышли несколько отрядов, вроде бы пять или шесть по восемь человек. У них там вроде как свое дежурство, они проверяют Грань и пытаются закрыть трещины. Бесплезная работа, в общем-то, но нам на руку.

— Почему?

— Соображайте, АН! Артиллерийских атак у нас давно не было! Они залезли в свок невидимую скорлупу и там сидели полгода, не высывались особенно, а тут такая большая группа. В канун этого их суррогатного праздника никто и не подозревает об атаке. Редкая возможность.

— Химическую атаку отбить они сумели, — парирует инженер.

— Химическая атака была почти месяц назад! И то — почти бесполезная, когда они сидели в своем здании. Сегодня атака может быть поинтереснее. Не спорьте с начальством!

— Я понял, — с тяжким вздохом отзывается АН-322. — Будет сделано.

— Пяти расчетов, думаю, на сегодня достаточно, — уже гораздо спокойнее добавляет директор. — Связь кончаю.

— С наступающим вас, — успевае пиликнуть динамик, прежде чем Кларисса останавливает связной канал. Директор ничего не отвечает, только нажимает кнопку вызова кухонного робота и передает запрос на чашку кофе и три свежих бутерброда.

АН-322 так и не ушел домой: когда общая смена заканчивается, он закрывает свой шлюз на личную ключ-карту и остается в кабинете, только на этот раз уже не с директорским заданием. Его интересует с недавних пор повторяющееся явление: изредка, примерно раз в две недели, на всех четырех экранах его компьютерного кабинета появляется большое изображение часов. На нем три тонкие черные стрелки дергаются, как прошитые током, цифры тускнеют, и остается только одна: сначала это была единица, светящаяся во всю мощность хорошего фонарика, затем двойка, не так давно, а сегодня с утра — четверка.

Она то появляется, то исчезает, но скринить изображение циферблата инженер не рискует: все сохраненные файлы на компьютере инфоцентра могут быть просмотрены директором, а он отчего-то думает, что эти часы — это что-то личное, такое, о чем всему инфоцентру знать необязательно. Впрочем, он и сам пока не может сообразить, что это такое. Циферблат с разными мигающими цифрами, которые появляется в совершенно непредсказуемое время, а потом исчезает столь же внезапно — настоящая загадка техники. И пусть он сам больше знаком с принципами работы нейросети, чем с новыми технологиями, внедренными только в Системе, разобраться с таинственным циферблатом он считает своим долгом. Так и сейчас: четверка снова назойливо горит перед глазами, куда не повернись, на всех четырех широкоформатных экранах.

Странный сегодня выдался денек: в канун Нового года не ощущается совсем никакого

праздника, пожалуй, даже наоборот. Директор хочет, чтобы инженер-биотехник как его первый заместитель передал в центр обороны приказ о выступлении с десантной атакой: насчет артиллерии, конечно, сказано громко, но и механизированные ракеты, и хорошо обученные стрелки могут нанести базе Цитадели ощутимый урон. Однако АН-322 на время даже забывает о переданном ему распоряжении и, решившись на риск, делает скриншот всех четырех экранов.

А пока циферблаты не исчезли, он подходит к одному из них, недолго подумав, прикладывает ладонь к экранному сенсору. Вздрыгнув в последний раз, стрелки вдруг замирают на месте, и цифры начинают светиться совсем по-другому: надрывно пульсирующая четверка тускнеет, остальные становятся ярче, равняясь на нее. А потом экраны медленно гаснут, и на них снова появляются разные изображения, оставленные до странной цифровой аномалии: схема локальной нейросети инфоцентра, уровень температуры, влажности, давления и радиации в кабинете и две разных трансляции с дронов-разведчиков.

На одной из них четко видно, как двигаются пять точек вдоль поблескивающей Грани: на первый взгляд совершенно хаотично, но если приглядеться, то можно угадать узор змейки: стандартный способ передвижения разведчиков, путающих следы. Три точки покрупнее, две поменьше — вероятно, мужчины и женщины. Жаль, что дроны не способны запеленговать оружие: лазер и радиация давно запрещены, а обыкновенное огнестрельное датчиками не считывается.

Двигаясь медленно вдоль разрушающейся Грани, каждый из пяти человек прикладывает что-то к прозрачной стене и запускает. На экранах видно, как части стены вздрагивают и вибрируют, а по ним вдоль трещин и разломов скользят крохотные красные точки — всего лишь роботы-герметизаторы. Вскоре второй дрон, поднявшись немного выше, охватывает более широкое пространство и показывает еще три таких же отряда: в одном также пять человек, в двух других — по шесть, и все они такими же запутанными дорожками подходят к Грани с разных точек, тщетно пытаясь закрыть громадные трещины...

Связной браслет пиликает на запястье: сообщение от директора. Вот не спится человеку в новогоднюю ночь и единственный выходной!

“Вы передали сигнал в оборонный центр?”

Вот черт.

“Передаю”, — набирает АН-322, а затем, набрав приказ от лица директора, копирует его, направляет на горячую линию оборонного центра и отключает связь. Никак не дадут поработать в личном вакууме.

* * *

Под ногами хрустит и искрится первый новогодний снежок. В гермосапогах по такому ходить безопасно, но ноги мерзнут за первые же пять минут и отказываются двигаться быстрее. Впрочем, как и руки, и все тело: даже специальная резина, как бы ни была плотна и хороша для биологической безопасности, несколько не спасает от холода. Единственное, что грело ровно до этого момента — раскаленные часы в нагрудном кармане, но вскоре и это жгучее покалывание вдруг прекращается.

— Ты чего? — оборачивается Мелисса, такая забавная в огромном, не по размеру,

гермокостюме.

— Сейчас, — отмахивается Ветер, замерзшими пальцами в неуклюжей перчатке пытаюсь расстегнуть верхнюю молнию. — Идите, я догоню.

Слева услужливо подсвечивает трескающаяся Грань, но старшему наставнику сейчас не до роботов-герметизаторов: от маленькой трещины уже ничего не случится, стоит только вспомнить, какие огромные разрывы прячутся по направлению юго-востока. Ветер достает часы, которые уронила Тиша еще в общем зале, и, щурясь, вглядывается в циферблат. Только что часы вели себя максимально странно, и он не ошибся в том, что они отсчитывают катастрофы, вот только сейчас снова погасли, и единственное, что он успел запомнить — что довольно долго горела цифра 4.

Так некстати снова вспоминается Тишка и случай в общем зале. Ветер сразу понял: вряд ли у нее так сильно закружилась голова после танца, что прямо посреди зала ей стало плохо и пошла кровь носом. Здесь наверняка что-то со здоровьем, вот только что? Все справки, которые она предоставила — идеальны, придраться не к чему. Достаточно хорошая физическая подготовка, выносливость, сила — все как надо. Только эти приступы непонятно откуда: то на тренировке ни с того ни с сего пойдет кровь, то недавний случай с болью неизвестного происхождения, о которой рассказал Север, из-за которого они за один раз использовали полный шприц концентрированного анальгетика. И вот теперь — внезапная слабость после совсем недолгой физической активности. Не будь подобных жалоб и случаев раньше, он бы подумал, что у нее плохо с вестибулярным аппаратом, но...

Ветер догадывается, что это за симптомы, и с каждым разом прогонять настойчивую мысль становится все труднее: она слишком достоверна, чтобы не быть правдой. Слишком неоспоримы доказательства. А еще возраст Тиши и ее рассказ: про ремиссию информация наверняка не совсем точная. Либо девочка сама не знает, либо скрывает намеренно. Но зачем? Неужели не понимает, что здоровье, особенно теперь — это не шутки? Без должного лечения наступит возможный рецидив — конечно, если это то, о чем думают Ветер и Мелисса, — и тогда недель в лазарете ей не отделаться.

Об этом они еще успеют поговорить. А сейчас — Грань: рядом с ней часы ведут себя странно, как будто механизм успокаивается, только если у него есть такая способность. Все наставники, знакомые с нейрофизиологией и биотехнологиями, отрицают возможность того, что Грань и эти странные часы запрограммированы на одного и того же человека — как минимум потому, что Грань не может быть настроена на одного сотрудника, какими бы полномочиями он не обладал, в одиночку за ней не уследить.

Неожиданно за спиной раздается хруст снега. В полной тишине он слышится неестественно громким. Ветер, одной рукой пряча механизм, другой срывает с пояса оружие и направляет его в темноту, но кроме золотистых искр на Грани, вокруг ничего не видно. Определить на слух, где именно хрустит снег, невозможно: шаги слышно с трех сторон. Освободившейся рукой Ветер нашаривает кнопку карманной рации: связной браслет слишком далеко, под тремя слоями одежды.

— Фауст, прием. В тридцати метрах вооруженный отряд.

— Что, здесь? — сквозь шумы и помехи пробивается голос напарника.

— За Гранью, — Ветер выключает фонарь, и в темноте за прозрачной стеной становится различимым неясное движение. — Вернитесь назад. Маякните второму и третьему, боюсь, нас одних недостаточно.

— Понял, связь кончаю, — торопливо отзывается Фауст. Рация трещит и снова

замолкает. Сорвав предохранитель с пистолета, Ветер медленно отступает, пока не упирается спиной в шершавый ствол. Грань невыгодно светит ему прямо в лицо.

Из-за нее глухо, словно из-под воды, доносятся неразборчивые голоса, а потом снежное безмолвие разрывает первый выстрел.

Пуля щелкает в ствол совсем рядом: Ветер видит, как от влажной черной коры разлетаются щепки. Собственные заряды надо бы побережь: в магазине всего пятнадцать патронов, не так много, чтобы расстреливать их налево и направо. Прижавшись спиной к дереву, он щурится в темноту, целится, поднимая оружие — щелчок. Отдача. Мимо.

Где же Фауст? Не могли они так далеко уйти!

Уже четырех патронов нет. В кого-то он все-таки попал: на одного или двух десантников стало меньше. Вот они, уже совсем близко: в черных защитных костюмах, с металлическими щитками на груди, плечах, бедрах и коленях, в больших шлемах с наушниками и торчащими из них проводами, каждый вооружен хорошей винтовкой, на поясах — пистолеты, дополнительные магазины, на расстоянии двадцати метров можно даже разглядеть, как поблескивают в темноте клинки на случай маловероятного рукопашного боя. Они, наверное, и не рассчитывали, что смогут оказаться за Гранью с другой стороны — со стороны своих врагов.

А тем временем от выстрелов, долетающих до цели, Грань сверкает все ярче и ярче, трещины разбегаются лучиками, как от электрических разрядов. В нескольких метрах от самой стены ощущается жар и наэлектризованный воздух: дышать становится труднее, гермокостюм заметно накаляется, прикоснуться к нему невозможно — ударит током. Осторожно обходя дерево кругом, Ветер нащупывает рацию на поясе. Жуткие помехи и треск не дают воспринимать голос на той стороне, но вскоре сквозь шумы становится слышен голос напарника:

— Ветер, прием! Мы в полукольце, не вырваться! Ты один?

— Иду к вам! Координаты?

— С ума сошел! Все тут ляжем!

— Всех не убьют. Жду координаты.

Обрывая связь кнопкой выключения, Ветер кое-как стягивает защитную перчатку, поднимает рукава один за другим: гермокостюм, штормовка, рубашка... Связной браслет ярко мигает синим: сообщение от Фауста. Набор цифр — топографическая ориентировка.

Недалеко: всего в двухстах метров от его локации. Увязая и путаясь в снегу, он бежит к ним, петляя, путая следы, прячась за не такими уж и широкими стволами деревьев. В лесу светло, как днем: каждая трещина на Грани сверкает ярче обычного, флюоресцентные ломаные линии слепят глаза, если подойти слишком близко, в нескольких шагах от прозрачной стены доносится глухое потрескивание, как будто искрит неисправная проводка. По ту сторону Грани — зона отчуждения, десантники в защитных костюмах против огня и радиации ничего не слышат и не видят, кроме движущихся разрозненных целей. Простреливают местность вдоль и поперек. Пули, вгрызаясь в прозрачную плоть Грани, оставляют на ней золотистые ожоги, плюющиеся искрами, которые в скором времени тоже расплзаются изломанными трещинами.

Изредка отстреливаясь от подходящих слишком близко, Ветер поскользывается в глубоком вязком снегу, съезжает по обледеневшему склону оврага. Пригибается, низко надвинув маску из гермопластика, минует открытую местность, рискуя быть замеченным, и, протянув руку в сторону, в полутьме находит руку напарника. Фауст ругается нехорошими словами — Ветер обходится одной лишь молчаливой усмешкой.

Здесь, над оврагом, кажется, что Грань вот-вот рухнет. Огромный разлом в несколько человеческих ростов сияет, как сотни заряженных фонарей, не дает толком всмотреться вперед, и рядом с Гранью долго находиться невозможно, а в нескольких шагах назад — холодная сырая темнота. Короткие редкие вспышки выстрелов не освещают, но только выдают местоположение стрелков. Пули далеко не всегда долетают до цели.

Пятнадцать лет назад все было примерно так же. Конечно, уже не школьники, но все еще молодые неопытные ребята с горсткой пистолетов и парой-тройкой магазинов на каждого — вот и все защитники Цитадели, с огромными амбициями и совершенно несущественными навыками. Сегодня, когда Цитадель и ее базы добились таких успехов, разработали столько новых технологий, снова приходится защищаться кое-как, первым попавшимся под руку оружием, в неподготовленной обстановке. Точно так же, только много лет назад, только не в этом месте, только с другим человеком по левую руку...

Как-то раз они спорили о Государстве. “Нет смысла строить старое на его же собственных обломках, — сказала тогда Юля. — Будущее — как птица феникс, оно встает из пепла прошлого”. И теперь, глядя на то, как рушится Грань, которая когда-то казалась самым крепким сооружением эры, как рушатся оба государства, поглощенные войной, Ветер все чаще думал, что она была права. Нет смысла пытаться восстановить Грань, залечить ее раны, нанесенные самим человеком: проще и лучше поставить новую или избавиться от нее совсем. Нет смысла удерживать угасающее Государство, которое больше не способно функционировать на благо общества: лучше начать сначала, не повторяя ошибок.

Грань вспыхивает все ярче и ярче. Уже можно заметить невооруженным глазом, как разлом ползет вверх, вниз и в разные стороны, как искры от трещины сыплются на снег и исчезают, растапливая крохотные ямы в грязных сугробах. Отряды десантников за стеной останавливаются как будто в нерешительности, словно не знают, стоит или не стоит рисковать, переходить границу через образовавшийся проем? В него преспокойно прошел бы человек, да и не один, судя по скорости расширения...

— Всем, кто не подошел к Грани, вернуться на базу! Повторяю: всем, не достигшим Грани, срочно вернуться на базу! — в беспроводном наушнике слышится приглушенный и сдавленный помехами голос Скалы. Вот уж кто из девчонок никогда не ударится в панику и всех построит по местам. Согласно отчету, приходящему в мессенджер на связанном браслете, три отряда из пяти повернули обратно. Второй тоже попал в полукольцо и отстреливается дальше по западной траектории.

Образовавшийся проем уже не искрит так сильно, но всем ясно: десантники, очевидно присланные из Системы, на этот раз Грань не перейдут. Не осмелятся, не преодолеют. Не догадаются, что в их-то экипировке такой свободный разлом будет достаточно безопасным. Но град пуль снова прошивает звонкий морозный воздух.

— На землю! Всем на землю!

Ветер командует и боковым зрением замечает, как по очереди падают Скала, Фауст, Прометей. Падают так естественно и не наигранно, как будто по-настоящему... Старший наставник отчаянно прогоняет эту мысль и навязчивую картинку. Кое-где на снегу виднеются темные пятна: комья земли? Или кровь?

За ярким сиянием разлома никто не замечает, как один из десантников, скорее всего, командир ближнего отряда, все-таки прорывается сквозь сверкающую и наэлектризованную завесу. Комбинезон, каска и щитки дымятся, но он бросается врукопашную с единственным соперником, который не успел по команде упасть и изобразить мертвого. Невысокая хрупкая

фигурка в защитном гермокостюме держится хорошо, но ей явно не хватает роста, веса, ловкости. Ветер в три шага оказывается рядом. Оттолкнув ее, принимает удар на себя, отводит его в сторону. В короткой схватке выбивает оружие из рук десантника, но сквозь шум и грохот не слышит крик сзади. Короткий удар резко прошивает насквозь левую руку, рукав наполняется чем-то горячим и липким. Сапоги вязнут в снегу, а тот вдруг медленно уходит прочь из-под ног.

Уже лежа на холодной земле, Ветер успевает дернуть пистолет из кобуры и выстрелить снизу три раза, прежде чем затвор глухо щелкает, оповещая об опустевшем магазине. Мелкие и острые льдинки больно впиваются в щеку, перед глазами плывут цветные круги, намокшая одежда быстро тяжелеет на морозе. Кое-как перевернувшись на бок, он поджимает раненую руку под себя, чтобы остановить кровь. Холод и боль медленно отступают, оставляя место тяжелой и давящей пустоте. Мир качается и меркнет.

Но сейчас нельзя, ни в коем случае! Мысленно отхлестав себя по щекам, Ветер кое-как поднимается, тут же валится плечом на ближайшее дерево и с трудом удерживает равновесие.

— Эй! Ураган! Живой, нет? — где-то совсем рядом слышится встревоженный голос напарника. У Фауста превосходная маскировка: его черные кудри, черный костюм и отсутствие фонаря обеспечивают ему почти полное слияние с ночным лесом. Удивительно, но Грань искрит по-прежнему, а десантный отряд исчез, точно сквозь землю провалился.

— Где они? — вместо ответа — риторический вопрос. Не могли же они так быстро исчезнуть, в самом деле.

— Да черт их знает. Уши, опять залягут. Они-то думали, мы уже все покойники, а ты их командира пристрелил. Сам-то как?

Незаметно Ветер ощупывает свой левый рукав, и хотя герметичный комбинезон практически полностью блокирует все ощущения, рука отзывается болью на каждое движение. Он сжимает зубы:

— Ничего. Нормально. Как она?..

— Жива, не беспокойся. Круто ты ее прикрыл, мы не видели, чтоб ты так бегал, — Фауст несколько натянуто смеется. — Дмитрию Петровичу того... досталось. Он не получил твоей команды лечь, не успел переключить рацию с режима говорения на режим слушания.

Было холодно — стало жарко. Кодовые имена забыты, звания, ступени — забыто все, кроме понимания, что нужно спасти, защитить других. Любой ценой, пусть даже ценой собственной жизни. А Системе сейчас наверняка не до отслеживания каких-то единичных биографий...

Взъерошив взмокшие волосы и прижав ладонь к горячему лбу, Ветер тревожно оглядывается:

— Где он?

— Девчонки с ним. Тяжело. Надо бы возвращаться. Вот тебе и с новым две тысячи сто двадцать вторым...

Фауст поправляет насквозь вымокшую и перепачканную шпормовку, но вдруг на плечо ложится тяжелая ладонь Ветра:

— Стой, погоди. Смотри...

Лучше бы не смотрел. По обе стороны от пылающего золотом разлома Грань медленно рушится, растворяясь в звенящем ночном безмолвии.

ЭВ холодном ярком свете теперь уже точно видно, что снег обгажен пятнами крови. Прометей лежит на спине, запрокинув голову и разбросав руки — снег путается в его седых волосах и тает, оставляя их мокрыми. На синей штормовке быстро расплзаются два тёмных пятна: одно — на рукаве, другое — под самым нагрудным карманом. От Грани светло, как в пожаре, даже дополнительных фонарей не требуется, и лицо раненого в рыжеватых отблесках выглядит бледным и осунувшимся. Он сжимает зубы, чтобы не стонать, по белым вискам ползут крупные капли испарины. Девушки вместе делают перевязку: Скала торопливо рвет и смачивает антисептиком стерильный бинт, роется в несессере в поисках жгута, а Мелисса, разрезав окровавленный гермокостюм и потемневшую, промокшую одежду, медленно, но уверенно обрабатывает и перевязывает раны. Ее пальцы липкие и темные от крови — на сумке, на одежде остаются следы.

— Он жив? — Ветер опускается на колени рядом, не может отыскать пульс на запястье раненого.

— Да. Много крови потерял. С обеих сторон ударило, — Скала и Мелисса меняются местами, и становится понятно, что одной перевязкой тут не обойтись. Штормовка Прометея намочила и отяжелела от крови. — Надо его срочно в тепло! Ребят, вы донесете?

Ветер и Фауст, не отвечая, молча связывают куртки и две длинные кривые ветки носилками. Прометей приходит в себя, глухой стон срывается с его обветренных губ, он пытается откреститься от помощи, но сам не может даже стоять: от боли и потери крови он слишком слаб.

— Воды...

В ответ на вопросительный взгляд Фауста санинструктор Скала качает головой. Намочив остатки бинта водой из фляги, Фауст прикладывает его к сухим губам коллеги.

— Девочки, бегите вперед и объявите всеобщую срочную эвакуацию. Общий сбор в фойе главного корпуса через двадцать минут. С собой все... Все, что помещается в рюкзак на семьдесят пять литров.

Скала уже убегает в мерцающую темноту, Фауст подтягивает репшнуры на носилках, проверяя прочность узлов, а Мелисса ненадолго задерживается.

— Спасибо, — шелестит ее тихий срывающийся голос. Ветер поднимает маску, смотрит на напарницу долгим взглядом, а потом вдруг наклоняется и целует в холодные губы, не говоря ни слова. Короткое прикосновение обжигает, как огонь, и тем сильнее чувствуется колючий морозный воздух, когда он отстраняется и уходит вместе с товарищем, подхватив носилки с другой стороны — правой рукой. Левую, неестественно согнув, прижимает к груди, и Мелисса, слишком поздно соображая с медицинской точки зрения, уже не рискует его остановить, окликнуть. Ей нужно бежать вперед. А все остальное — после.

* * *

Тягостное молчание, обступившее стены бункера со всех сторон, становится все ощутимее, как будто давит на нас. Волнение незаметно передается всем, и все чувствуют себя не в своей тарелке: бродят из угла в угол, тщетно пытаются оживить связные браслеты

— у кого они уже есть, разговаривают едва слышным шепотом. Мне так плохо, почти как тогда, ночью, но на этот раз я пытаюсь удержать себя в руках, справиться с этой болью. Она никогда не приходит сразу и не накрывает целиком: скорее, накатывает, огромными раскаленными волнами, цунами, которые затопят мой личный маленький мир. В стороне от ребят незаметно давлуюсь таблетками, через полчаса, когда становится совсем нестерпимо и в груди набухает уже знакомый узел — сама себе вкалываю анальгетик. И ругаюсь за слабость: нельзя дать понять организму, что он настолько зависим от лекарств!

Варяг уже не один раз пытается ко мне подойти и заговорить, но у меня нет ни сил, ни желания разговаривать. Как-то так вышло, что ни он, ни Часовщик, хотя они давно уже закадычные друзья, не смогли остановить Севера, уговорить его промолчать насчет моего состояния. Конечно, понимаю, что врать наставнику — последнее дело, но если меня сейчас с позором выкинут с базы, когда до инициации остается всего неделя... Я, конечно, переживу. И в институт поступлю на следующий год, и на работу устраюсь — сперва какой-нибудь бариста или официанткой, а там и по специальности, если повезет. Но смысл всего пропадет надолго, и если раньше было ради чего цепляться за жизнь, выкарабкиваться из больниц, то теперь не будет. Я не найду биографии своих родных, не смогу закончить дедушкины разработки, не смогу прочитать мамины книги, не узнаю, каким был мой отец. Не найду людей, которые, вероятно, последние из моих близких.

Я не вправе обвинять Севера и мальчишек в предательстве. Он поступил, как должен поступить любой медработник, а Варяг и Часовщик не знали его мыслей, не могли вовремя остановить и придумать правдоподобную легенду. Пусть моя ложь останется только моей, и если Ветер спросит напрямую, я не стану отпираться: теперь уже будь что будет.

Но где же они?.. Прошло два часа, а наставников все нет. С нами остались другие, но их мы едва знаем по кодовым именам: Беркут, Заря, Комиссар и еще шестеро. Так нелепо все это выглядит — и мы, и они, красивые, наряженные по случаю новогоднего вечера, сидим в бункере с голыми серыми стенами и огромным шлюзом, ждем хоть каких-нибудь новостей сверху. А новостей по-прежнему нет.

У стены холодно: в очередной раз ругаю себя за то, что не догадалась взять с собой из комнаты что-то теплое. Кто бы мог подумать, что придется встречать Новый год именно так! Мысли о холоде и боли чередуются друг с другом, как будто внутри меня что-то рушится, с грохотом проламывая себе дорогу сквозь кожу и кости, выворачивает наизнанку, пробивая насквозь и оставляя за собой только болезненную гулкую пустоту.

Чьи-то теплые руки обнимают сзади за плечи — нервно вздрагиваю, пытаюсь стряхнуть непрошенные объятия, но они становятся только нежнее и крепче. Затылком чувствую такое же теплое тихое дыхание и тонкий аромат хвои и моря. Прижимаюсь лбом к обхватившим меня рукам:

— За что?..

— Тиша, ну хватит, — шепчет Варяг, садясь рядом, и я, неловко приткнувшись к нему, кладу голову ему на плечо. Он тут же делится со мной пиджаком — становится намного теплее. — Не стоило затевать эпопею со справками. Рано или поздно все тайное станет явным. Будет лучше...

Сбрасываю его руку прежде, чем успеваю подумать о сказанном.

— Лучше что? Лучше кому? Я доверилась вам, а вы!..

— Детский сад, — констатирует сзади знакомый голос. От неожиданности я шлепаюсь на место. Наставники приходят, как всегда, неожиданно: а может быть, это я за своими

нервами не заметила, как запищал и открылся шлюз на главном входе. — Тишина, ты ведешь себя как маленькая. Хочешь казаться лучше, чем ты есть, и совершенно не думаешь о последствиях.

Но это не наставники. У нас за спиной стоит Капитан — руководитель базы, лысый инженер-механик, без бровей и ресниц напоминающий пришельца. Над его внешностью подшучивает чуть ли не каждый второй, но сейчас никому не до шуток. Его холодные зеленые глаза смотрят так, что мне уже самой хочется превратиться в пыль, не дожидаясь, пока его взгляд меня испепелит.

— Я не представляю, как тебе удалось обвести вокруг пальца все руководство базы, но с таким диагнозом просто нельзя служить. В любой момент болезнь может начать прогрессировать, и в таких условиях, когда ты недостаточно сильна и морально, и физически, она одержит над тобой верх. Я не хочу тебя пугать, ты и сама не хуже знаешь, что это такое. Но тем не менее поступаешь очень безалаберно и безответственно. За один только обман руководства мы имеем право вышвырнуть тебя с базы без разговоров!

Мне нечего ответить. Он прав. К горлу подбирается комок, слезы обжигают глаза, и я с большим трудом удерживаюсь от того, чтобы не расплакаться прямо здесь. В его голосе звучат такие стальные нотки, что в насквозь промерзшем бункере становится еще холоднее.

— Если бы на пунктах приема сидели не такие молодые разгильдяи, недосмотра могло и не быть. Ты подставляешь не только себя, а всю команду. Отряды формировались по принципу ваших психологических и физических возможностей, чтобы пять человек вместе с наставником составляли некоего человека идеального. А ты — слабое звено. Ваш человек — уже наполовину инвалид.

“Слабое звено”! Задыхаюсь от возмущения. Инвалидом меня называть еще не пробовали — и неважно, что он употребил это слово по отношению к нашему маленькому отряду, я его не могу не воспринимать на свой счет, потому что все это якобы из-за меня. Из-за моей болезни. Или... безалаберности? Но я же как лучше хотела!

Так и говорю Капитану, сделав предварительно глубокий вдох, но от предательской дрожи в голосе это не спасает. Он сканирует меня холодным и насмешливым взглядом.

— Ты бессовестная, — его равнодушный, почти механический голос звучит как удары молота по наковальне. — Безответственная. Эгоистка. Ребенок. Ты еще не в состоянии понять, что Цитадель — это не игрушки. Пути назад нет. Права на ошибку нет. Права на счастливый случай нет. Таким отрядникам на базе не место. Ты потянешь вниз, погубишь не только свою команду, но и тех, кто возьмется вам помогать. Тащить вас грузом. Ты этого хочешь?

Сил сдерживаться больше нет: слезы все-таки брызнули из глаз, и теперь они сползают по щекам, обжигая горячими дорожками. Невольно обхватываю себя за плечи обеими руками. Зябко, холодно, страшно. Не хватает смелости еще раз посмотреть ему в лицо.

— Но ведь вы сами говорили, что у бойцов Цитадели нет совести, — усмехаюсь криво, давась всхлипами. Плевать, если он узнает, что мы подслушивали.

— Вы еще не бойцы Цитадели, — его усмешка куда резче моей. — Вы — дети, которым показали новую игру. Слабые, беспомощные слепые котята, которые при первой возможности наломают таких дров, что взрослым и не снилось. За мной.

Тревога уже закончилась: шлюз в бункере снова разблокирован, а значит, скоро вернутся наставники. Несмотря на то, что я действительно постоянно хочу казаться сильнее, взрослее, чем на самом деле, именно сейчас мне хочется свернуться, спрятаться и разрешить

себе слабость. Стыдно признаться, но мне действительно не хватает сил дотерпеть это до конца с тем же достоинством, с каким я собиралась держаться пятнадцать минут назад.

Цепкая рука Капитана держит мое плечо, вырваться и сбежать нет шансов, да и бессмысленно: я уже давно поняла, что от судьбы не убежишь. Пусть даже эта судьба приходит так неожиданно, в лице руководителя базы, которого я вижу от силы второй раз в жизни. Мы проходим все коридоры, поднимаемся из бункера в лифте-телепорте, и все такое знакомое и уже ставшее близким становится враждебным и чужим, как будто теперь даже стены и сенсорные экраны настроены против меня. Зябко ежась от холода и, честно признаться, страха, иду вперед, не оглядываясь по сторонам, упрямо сжимая губы и отрешенно считая черные шестигранники на полу.

Кабинет начальника базы куда аскетичнее, чем мы предполагали, во всяком случае, золотых кресел и бархатных диванов у него не наблюдается. Одну стену, слева от двери, занимает огромный экран с безграничным пространством, вместо лампочек в потолок встроены дорожки светодиодов, на полу и мебели — система подогрева, окна-шлюзы закрыты спущенными жалюзи. На столе царит идеальный порядок и все еще дымитесь кружка кофе, как будто хозяин вышел на пять минут.

Капитан сдвигает в сторону все девайсы, не снимая их с подзарядки, открывает свой личный планшет и указывает мне на стул напротив. Только что его здесь не было, видно, выскочил из-под стола. Специально для осужденных.

— Садись.

Мне хочется попятиться к двери, помотать головой, сбросить оковы липкого страха и убежать, однако ноги подкашиваются, и я тяжело опускаюсь на холодный стул. Нервно сминая ткань платья на коленках и стараюсь не смотреть на начальника: не помню, чтобы взгляд его пустых и холодных зеленых глаз был добрым или хотя бы спокойным. А он тем временем бесстрастно листает файлы на планшете и, очевидно, ждет, пока я сдамся и расскажу все сама. Вот уж нет.

— Воды? — неожиданно предлагает Капитан, не глядя на меня. В горле пересыхается пустыня, но я отказываюсь. Как будто стоит разжать руки, отпустить наконец этот проклятый стул — и я провалюсь куда-нибудь сквозь все четыре этажа.

— Даже не знаю, что теперь с тобой сделать, — оставив гаджет, Капитан поднимается, опирается обеими руками о гладкую блестящую поверхность стола и смотрит на меня пристальным взглядом змеи. — Молча выгнать было бы слишком просто. Мы и так несем ответственность за каждого новичка, поступившего сюда, а если с ним случается форс-мажор, мы рискуем не только ступенью, не только положением в обществе, которое, к слову, здесь никому не сдалось. Я был прав, когда сказал, что у служащих нет совести и сентиментальности, однако за смерть других никто из нас не готов нести ответственность. Если болезнь одержит над тобой верх, Ветер будет виноват. Если ты из-за своей проклятой слабости не справишься с заданием на рейде, опять будет виноват он. Ты подставляешь наставника, подставляешь ребят, которые тебя приняли. Разве стоит того твоя дурацкая честь и память, которую ты сама вбила себе в голову?

Ну хватит! Я чувствую, как щеки заливаются краской и начинают гореть огнем. Как назло, местный датчик самочувствия отчаянно пищит, сигнализируя о гневе и “опасном состоянии” посетителя. Вскликаю, опрокинув стул, сжимаю кулаки:

— Это не ваше право! Это моя семья, моя жизнь и мой выбор!

— Конечно, твой, — сухой и дребезжащий голос Капитана вдруг приобретает мягкие,

вкрадчивые нотки. — Когда ты вылетишь с базы и пойдешь с волчьим билетом искать работу, кричи о “своем” сколько угодно. Выбор есть всегда, но ты, слабая, неподготовленная, безответственная, изначально сделала его неправильно!

Его слова хлещут наотмашь по щекам, заставляя меня опускать руки. Его страшному, железному и давящему тону нет сил сопротивляться. Связной браслет активируется в самый неподходящий момент:

— Да! — Капитан резко и раздраженно нажимает кнопку ответа. — Да, у меня! Послушай, ты, со своими...

Я не слышу, кто с ним разговаривал, но догадываюсь, что начальник теперь еще более зол. Отступаю. Шаг назад. Еще один. И еще. Вжимаюсь в холодную стенку и зажмуриваюсь, даже не зная, чего от него можно ждать. Уж лучше бы накричал, ударил или сразу выкинул с базы без долгих доказательств моей никчемности.

Но дверь неожиданно открывается, чуть не припечатав меня к стене, и в кабинет врываются Фауст и Ветер. Шлюз был не заперт: начальник базы явно не ждал их появления, а теперь поздно.

— Где она? — тихо спрашивает Ветер, остановившись и отдышавшись за секунду, будто не он только что дежурил, а потом мчался через четыре этажа. Капитан молча смотрит в мою сторону.

— Я здесь, — выхожу из-за двери, но вместо человеческих слов вырывается едва слышный писк. И я вижу, как они оба с облегчением вздыхают и переглядываются, обмениваясь никому не понятными взглядами.

С минуту Капитан и наставники смотрят друг на друга молча. В ярких зеленых глазах начальника виден хорошо скрываемый гнев. Отсутствие бровей, ресниц и волос делает его похожим на потустороннее существо. В детстве меня пугали тем, что такие живут за Гранью, но теперь я знаю: и здесь, и там — обыкновенные люди, которые настраивают новые поколения против друг друга, и ненависть растет в геометрической прогрессии.

Капитан молча выводит на экран планшета мои поддельные справки. Один за другим снимает слои фотошопа, и вот сквозь мое имя проглядывает имя брата, год меняется на другой, а я закрываю лицо руками, чтобы не видеть этого позора. Но позор проникает под кожу раскаленными иглами, и мне дорогого стоит сдержаться и стоять на месте. Я уже готова расплакаться, но вдруг чувствую, как чьи-то теплые руки осторожно и в то же время твердо берут за плечи и разворачивают к выходу. Открыв глаза, сквозь туман непрошенных слез вижу темно-зеленую форменную рубашку, шеврон Цитадели, черные кудри Фауста.

Он молча выводит меня из кабинета, с помощью встроенного в стену пульта выдвигает откидной стул и усаживает, как маленькую, не снимая ладони с моего плеча. От этого мне теплее и спокойнее, хотя наставник не менее хмур и напряжен, я знаю — с ними нечего бояться. Он и сам садится напротив, из несессера достает флягу, предлагает мне воды. Становится легче. Вспоминаю, что обещала кому-то там, на небесах, быть сильной и никогда не сдаваться. Не время плакать и опускать руки. Даже если очень хочется.

— Меня выгонят, да?

Фауст щурится, наклонив голову набок — совсем как птица, которая раздумывает, клюнуть или улететь. По индикаторам пробегают красные искры, как будто бесконечная загрузка. Наставник молчит, и мне невыносимо ждать.

— Все может быть, — наконец отвечает он, и никакого облегчения эти слова не приносят. — Ты подделала документы. Это статья.

— Но я же никому не навредила!

— Намеренный вред себе — тоже проступок. Государство заботится о нас, и мы не должны ему мешать.

Я снова сжимаю кулаки до боли, до красных отпечатков от ногтей, но на этот раз молчу, потому что Фауст прав, прав как всегда. Государство отвечает за всех и каждого в отдельности, поэтому мы не имеем права, грубо говоря, не беречь себя и мешать это делать другим. Но провести полжизни в лечебном центре — это выше моих сил! Пусть лучше меня ждет гибель в перестрелке или на задании, как брата, как ту красивую девушку — жену Ветра, как многих служащих Цитадели, тех, кто не боится смотреть в лицо как жизни, так и смерти.

— Вы меня осуждаете? — глупый вопрос, но не могу его не задать. Фауст, обычно улыбчивый балагур с лукавым взглядом, сегодня странно молчит и хмурится.

— Что? Осуждаю? — он вдруг вскидывается, хмурится, трет переносицу, будто задумался. — Нет. Зачем? Это твоя жизнь и твой выбор. Наша задача — помочь тебе стать человеком и хорошим служащим для Государства, какой бы выбор ты ни сделала относительно себя. Я думаю, тебя не выгонят. Обойдется выговором, штрафом и повышенным наблюдением, — сцепив руки замком на коленях, он доверительно наклоняется ко мне и добавляет полусшепотом: — У нас с базы выгоняли только один раз, и

проступок был куда серьезнее.

Тягостное безмолвие коридора на четвертом этаже нарушает пиликанье связанного браслета. Фауст активирует дисплей, тряхнув рукой, и хотя текст сообщения мне видится зеркально, прочитать не составляет труда.

“Отведи Тишу в жилой блок, пусть соберет вещи. Ждите в атриуме” — мгновенное сообщение от Ветра. К горлу в очередной раз подбирается колючий комок, но я гордо поднимаю голову, чтобы самой себе казаться сильнее. Пожалуй, они все-таки меня не оставят здесь. Иначе зачем собирать вещи и спускаться на первый этаж?

— Пойдем, — Фауст поднимается первым, и я обреченно плетусь за ним, не глядя по сторонам.

С базой придется попрощаться, впрочем, как и с Цитаделью, и с мечтой, ради которой я пришла сюда. Конечно, я заранее понимала все риски, но терять все, когда приближаешься на шаг к цели — особенно больно. Как говорится, чем выше летаешь, тем больнее падать. Погруженная в невеселые мысли, я не сразу замечаю, что база гудит, словно растревоженный муравейник: новички и старшекурсники пробегают мимо с вещами, огромными рюкзаками, кто-то тепло одетый, кто-то встрепанный и все еще в новогоднем наряде. На лестнице к Фаусту подлетает его отрядник, тот самый, что на вечере нарядился в робота.

— А одежду запасную брать? Мы надолго?

— Бери, — кивает наставник. — Пусть лучше будет лишнее, чем не найдется нужного.

Паренек благодарит и уносится со скоростью света, а я соображаю, что “собрать вещи” относилось не только ко мне. Может быть, и не выгонят...

— Беги, собирайся, — Фауст хлопает меня по плечу, подталкивая в сторону комнат. — Не забудь теплые и удобные вещи, гаджеты, зарядки, несесер.

Собирать мне почти нечего: так и не надеясь привыкнуть к базе за месяц, я не сильно все раскладывала. Замечаю, что Сойкины полки, ящики и постель уже пусты. А на моей лежит помятая гифография, где Ветер целует в щеку жену и они вместе машут в кадр. И рядом — записка, нацарапанная наспех торопливым почерком моей соседки: “Если это правда, я буду скучать. Прости, что мы так и не стали подругами”.

Прячу записку, а губы невольно растягиваются в улыбке. Да, мы никогда не стремились подружиться, но особых ссор у нас не было. То ли потому что я слишком нелюдимая, то ли Сойка просто не опускалась до оскорблений, наше общение складывалось в основном по делу и не так уж и часто переходило на повышенные тона. Конечно, я очень скучаю по Даше и нашей дружбе, мне больше некому довериться так же, как ей, не с кем поговорить по душам. Но здесь, в стенах базы, не время думать о дружбе, о любви, о чувствах. Правильно сказал Капитан: наша единая и общая цель — защищать Государство, а в общем всегда стирается личное. В Цитадели нет одного конкретного “я”, есть только “мы”, сильные, упорные и целеустремленные.

Вот только ломать себя во благо общества порой оказывается очень больно.

С тяжелым рюкзаком за плечами я спускаюсь на первый этаж. Сирена стала привычным фоновым шумом: ребята разговаривают, кричат и шумят громче, чем она. Ни одно табло в общем зале больше не показывает ни время, ни дату, только одно слово мигает тревожным красным: “Эвакуация”. А вот и мой отряд: сбились в стайку, молча вглядываются в темноту за окнами, искрящуюся золотыми брызгами. Что это?..

— Тиша! Ну наконец-то! — со спины на меня налетает Сойка, чуть не сбивая с ног. Она

уже переделалась: сменила клетчатое зеленое платье на форму Цитадели и теплую пуховку. И я вдруг замечаю, что мы крепко сжимаем друг друга в объятиях, а у меня на ресницах почему-то горячо. — Мы боялись... Мы думали...

— Да ладно, так и скажи, — я шутливо толкаю ее в плечо. — И спасибо за записку. Думаю, у нас еще есть время это исправить.

Моя соседка краснеет, но улыбается. Мне приятно видеть ее искренность, пусть даже в таких тревожных условиях. А еще я понимаю, что устала — устала от бесконечной лжи, от масок, которые мы каждый день надеваем даже друг перед другом, от уходов от честного ответа, от молчания вместо простых и правильных слов.

Старшие отряды вместе с наставниками уже начинают выходить из шлюзов, протискиваясь сквозь толпу с огромными рюкзаками и извиняясь раньше, чем успеют наступить на ногу. Сквозь тонированные окна можно разглядеть яркие золотистые вспышки, а сквозь сирену слышится приглушенный шум двигателей. В полутьме, мигающей красным и рассыпающейся искрами, я отыскиваю руку Варяга и неожиданно крепко сжимаю. Его теплая ладонь осторожно и бережно накрывает мою.

Я тихонько придвигаюсь ближе. Мы все, как один, смотрим на мигающие табло и в минуту опасности чувствуем себя одной большой семьей, как никогда. И пусть мне ничто не заменит ушедших родных, в душе больше нет той жгучей пустоты, которая вытягивает жизнь из сердца. Я знаю: все мы люди, у всех нас есть право на ошибку, но мы готовы нести за них ответственность и исправлять. Мои поддельные справки не навредили никому, кроме меня самой, и я сделаю все, чтобы диагноз не повторился. И запоздало понимаю, что ребята действительно испугались за меня тогда, в зале, и хотели только добра.

Север подходит с другой стороны, по-братски хлопает по плечу и заглядывает в лицо. Его яркие голубые глаза как будто слегка погасли от огорчения.

— Прости меня, Тиш. Не сердись. Я просто обязан беречь наш отряд.

— Я понимаю, — киваю и даже пытаюсь улыбнуться. — Не переживай. Обошлось.

А сирена воеет с новой силой, сияние за окнами становится все ярче, и я уже с беспокойством оглядываюсь по сторонам, потому что ни Ветра, ни даже Мелиссы или Фауста в фойе нет.

* * *

Капитан знает, что, стоит снять яркие цветные линзы и ненадолго прикрыть глаза, как на месте старшего наставника, тренера и инженера-программиста Ветра он снова увидит двадцатитрехлетнего, совсем зеленого мальчишку с горящими глазами, который только пришел на базу. Нынешний Ветер совсем не эмоционален и предельно спокоен, но Капитан невольно видит его насквозь и понимает, что, если бы не многолетняя привычка к холодности, он бы не сдержался.

Ветер стоит напротив стола начальника, скрестив руки на груди и опустив голову, как будто это он провинился, а не его воспитанница, которая и на базу чудом попала, оказавшись в последней строке рейтинга. Капитан изначально не хотел ее брать, просматривая резюме, а затем знакомясь с ней во время краткого собеседования: девчонка показалась слишком оптимистичной, слишком сильно настроенной на какую-то собственную цель. Ее азарт ему не понравился, но отказать участнице, прошедшей все

испытания и чудом попавшей в итоговый список, по правилам он не мог. Наблюдая за Тишиной в дальнейшем, он делал выводы один за другим: эта девчонка пришла в Цитадель не ради службы, не ради признания. Она слишком привязана к прошлому, хоть и пытается так отчаянно оставить его за стенами базы. Она очень нуждается в коллективе, хоть и выглядит одиночкой: неизвестно, что осталось у нее позади, но так, как она, к людям тянутся только те, кто долго не имел возможности с ними общаться. И, наконец, несмотря на свою среднюю физическую подготовку и не такие уж фантастические способности, она вполне эрудирована, самостоятельна и ответственна... Как оказалось, совсем нет.

И теперь, когда эту цепочку не остановить, когда Грань окончательно трещит по швам и объявлена всеобщая срочная эвакуация и аэромобили уже ждут на взлетной полосе, когда просто взять и бросить девчонку здесь не представляется возможным, открывается такая неудобная правда. И наставник девчонки, некогда сам полный огня и амбиций, стоит перед начальником, готовый оправдываться за свою незадачливую воспитанницу. Он устал, он ранен — едва держится на ногах, а сквозь темную зеленую ткань рубашки проступает кровавое пятно, — но за девчонку будет стоять до последнего. Капитан не может не замечать, что между ними сложились необычные отношения. Их нельзя назвать близкими или романтическими, нет, — скорее, она подсознательно ищет в нем отца, а он в ней — дочь. Уделяет ей внимание, подолгу разговаривает, хоть и не отличается общительностью, иногда помогает на тренировках.

Капитан знает о его прошлом, знает, что Ветер много лет собирал себя по осколкам, чтобы стать новым человеком, и понимает, что любое напоминание о жизни, оставшейся за стенами Цитадели, может его изменить. И вот появляется эта девчонка, которая так похожа на его погибшую жену, и наставник становится для нее больше, чем учителем и тренером. Он сам позволяет себе стать ее другом и подпускает неожиданно близко, хотя понимает, что его руководство отрядом продлится всего полгода. Есть ли смысл так привязываться к случайному человеку?

Есть, отвечает Капитан сам себе. И думает, что эта девушка — не случайный человек в жизни наставника. Возможно, их дружба пойдет на пользу обоим, да и ее способности впоследствии помогут всей Цитадели, если грамотно их развить. Гуманитарии ведь тоже люди, только из другого измерения. Их работа — беречь этот самый мир, который техники порой случайно ломают. И при всем желании оставить девчонку на базе Капитан не может не сомневаться. Что будет, если ее болезнь проявит себя, если произойдет рецидив? Он не понаслышке знает о лучевой болезни и ее последствиях. Девушку жаль, но можно ли пойти против системы, скрыв тайну и понадеявшись на собственные силы?

Об этом в который раз твердит и Ветер, хмурясь и глядя куда угодно, только не в глаза начальнику базы. Он убеждает, что в Цитадели работают первоклассные специалисты, что они смогут поставить Тишину на ноги за гораздо более короткий срок и в гораздо более хороших условиях, чем медики в лечебном центре. Да и ни к чему девушке в восемнадцать лет ставить крест на собственной жизни, ведь бывали случаи, когда последние симптомы болезни казались рецидивом. Однако то, что они часто проявляются, и то, что Тишина сознательно подделала медицинскую карточку, не играет на руку.

— Если она умрет, это будет на твоей совести, и там, наверху, виновным за этот проступок будут считать именно тебя. Тебе потом сидеть в изоляторе, а не ей, понимаешь ты или нет, — Капитан ходит из угла в угол, меряет кабинет шагами. Прошло только семь минут, но так медленно, будто целая вечность. — Не факт, что мы сможем ее вылечить,

потому что она сама никогда не признается в своей болезни!

— Мелисса и Скала узнали симптомы, — глухо отвечает Ветер, по-прежнему глядя в пол. Он выглядит напряженным, от чего уголок губ нервно дергается. — Да и вам, Капитан, они хорошо известны. Объективно у нас есть причина выгнать ее с базы. Но сейчас мы не можем этого сделать. Или вы предлагаете бросить ее здесь, сейчас, когда физически нельзя оставаться на базе?

— Это единственное, что меня останавливает от кардинальных мер!

Ветер глубоко вздыхает. На мгновение сжимает виски двумя пальцами, а потом тихо произносит:

— Я готов взять за нее ответственность.

— Ты и так за нее отвечаешь, герой!

— Вы не поняли, — в голосе наставника звенят стальные нотки. — Я готов поручиться, что она выживет и станет одним из лучших сотрудников. Я лично, — его сухая жилистая ладонь мягко захлопывает крышку планшета, — позабочусь о ней. И если ей снова понадобится лечение, то смогу обеспечить.

Да... Обжегшись однажды, он стал осторожен, даже слишком. Когда так нелепо погибла Юля, Капитан готов был его выгнать к черту: справедливости ради, Ветер и сам страшно винил себя, но все казалось, что он недостаточно наказан жизнью. Совершенно неопытный мальчишка взял на себя руководство отрядом и на первом же задании потерял такого хорошего, сильного члена команды. С тех пор начальник недолго любил и Ветра, и его напарника Фауста, некогда такого же амбициозного и рвущегося в бой, и хотя время показало, кем стали прежние ребята-новички, давняя ссора, как старый нарыв, засела глубоко в сердце. Уже пятнадцать лет Ветер служил не только инженером-техником, но и наставником, и за это время в его отрядах не погиб никто. Он потерял своего родного человека, но сумел уберечь других. И наверняка сумеет еще не раз.

— Откуда такое рвение? — по привычке скептически хмыкнув, Капитан приглаживает лысину. Ветер, наконец, поднимает голову, и взгляд его серых глаз на удивление тверд и спокоен.

— Просто я ее дядя.

На мгновение даже отдаленный вой сирены замирает. Из рук начальника базы падает стакан, но предупредительный робот-помощник ловко подхватывает его самоудлиняющейся клешней. Капитан медленно делает глоток, возвращается от окна к столу и внимательно смотрит на Ветра, который, в свою очередь, сам когда-то был его учеником. Наставник бледен, на седеющих висках поблескивает испарина, губы сжаты в тонкую ниточку:

— Позвольте, я сяду, — не сдержавшись, зажимает правой рукой левое плечо.

— Садись, — Капитан кивает в сторону откидного стула. — Что, больно?

— Переживу.

— Снимай.

Тяжело вздохнув, Ветер стаскивает насквозь грязную, промокшую и испачканную кровью рубашку. Вокруг раны — ожог, темное красное пятно. Поискав во вторичном отделе медицинского несессера, Капитан закрепляет на его руке небольшой диск с механизированным пинцетом и включает. Игла впрыскивает обезболивающее, спустя секунду-другую тонкие кончики пинцета ловко извлекают пулю. Замораживающий пластырь, с хирургической точностью отмеренный и отрезанный встроенным механизмом, мягко ложится на обожженную кожу и обхватывает плечо.

— Поменьше двигай рукой. Одевайся. Скажешь ей, что ли?

Неуклюже натягивая рубашку одной рукой и с трудом попадая в рукава, Ветер долго молчит, задумчиво и отстраненно глядя в пол. Сирена за стеной снова взрывается диким воем, и он, вздрогнув, запоздало качает головой.

— Почему?

— Не хватало еще, чтобы она ко мне привязалась.

— Ты сам позволяешь ей это. Подпускаешь так близко, как не подпустил бы никого чужого. Ты для нее уже больше, чем просто наставник.

Ветер обреченно кивает. Самые близкие уходят самыми первыми, и прощаться с ними больнее всего, потому что к родным крепче всего привязано сердце. Он знает, что значит терять близких, и теперь, отыскав последнего родного человека, попросту боится снова позволить себе любить. Оглядывается на часы:

— Меня ждут...

— Подождут. Лучше скажи, как догадался.

— Сложил два и два, — снова хмурая тень скользит по усталому лицу, и отблеск вспышек за окнами лишней раз освещает бледность. — У ее деда фамилия Васильев. Я как узнал, сразу задумался. Значит, у матери девичья такая же. Сведения о ней открыты, ее зовут... звали Наталья. Наташа Васильева — старшая сестра моей жены Юли. Я хорошо знал ее. Они поссорились, потому что она не хотела отпускать Юлю со мной на базу. Так и не помирились. А когда мы уходили, у Наташи уже был сын и трехлетняя дочка. И звали ее так же, как Тишу. Я ее, мелкую, на плечах катал, — как обычно, улыбки не выходит, но в голосе Ветра явственно слышится тепло.

Капитан не отвечает, молчит, подперев кулаком подбородок и глядя в сторону. От наставника не укрывается плохо спрятанная печаль в глазах за яркими зелеными линзами, однако он не смеет ничего спросить. Всем известно, что у Капитана за плечами своя история, только подробностей никто не знает. Да и надо ли оно? Все несчастные,

сломаннные судьбы чем-то похожи.

— Понял. Иди, — наконец глухо произносит начальник, по-прежнему не глядя в сторону Ветра. — Береги ее. И вообще... всех своих.

— Спасибо.

* * *

Мне кажется, что проходит целая вечность между тем, как я собираю вещи и иду на перемирие с Сойкой, и тем, как наш наставник наконец-то спускается в фойе. Мы остались последними, все уже погрузились в аэромобили по отрядам и улетели. Мелисса забрала раненого Прометея к себе в машину, а над временно осиротевшим отрядом назначила старшим парня с последнего курса. На базе остались только мы и начальник, который, как настоящий капитан, покидает свой корабль последним.

Ветер открывает шлюз личной ключ-картой, пропускает нас вперед.

— Двигаемся быстро и очень осторожно. Никто не знает, как поведет себя Грань в следующую секунду.

На взлетной полосе стоят два последних аэромобилия: наш и начальника. Однако тот срывается с места раньше, чем я успеваю разглядеть его цвет, и сразу же база будто бы умирает, отключается полностью. Один за другим темнеют этажи, блокируются шлюзы, опускаются шторы иллюминаторов, выключаются сирены и светодиоды. Лес погружается в тишину и темноту, только отдаленный гул нарушает жутковатое безмолвие, и золотистые искры то вспыхивают, то гаснут в полусотне метров. Уже можно разглядеть невооруженным глазом, как Грань, протянутая в ста с небольшим метрах от базы, рушится, тает на глазах, как тонкая ледяная стена, обожженная близким костром. Золото шипит, искрится и стекает в снег, прожигая черные проталины и пробираясь ближе к нам. Кое-где горят сухие деревья, в лесу пахнет сыростью и горьким, удушливым дымом.

— Быстрее! Сюда! — мальчишки уже забрались в аэромобиль и отчаянно машут руками, а я с трудом отрываюсь от страшного и прекрасного в своем ужасе зрелища. Последняя защита рушится, последняя надежда на светлое будущее гибнет в огне.

Кидаю рюкзак в багажное отделение, отчего легкий на вид аэромобиль подскакивает и проседает, втискиваюсь на задний ряд и пытаюсь усидеть на жалких квадратных сантиметрах, зажатая между Севером и герметичной дверью. Ветер тем временем активирует панель управления, запускает дворник, сгоняя изморозь с лобового стекла, и оборачивается:

— Пристегнулись?

— Без шансов, шеф, — ехидничает Север, которому тоже слегка некомфортно между мной и Часовщиком, самым крупным среди нас. Стандартные аэромобили рассчитаны на троих: одно место спереди, для пилота, и два — сзади, как мы поместились вшестером — понять не удалось. Впрочем, удалось: оказывается, Сойка примостилась в ногах у Часовщика, а Варяг...

— А где Варяг?

Испуганно верчу головой, пытаюсь найти в салоне знакомый резко очерченный профиль, но его нет.

— Ребята! Где Варяг?!

— А он в багажном, — хихикает Север, толкая меня в бок острым локтем. Видно, настроение у него с вечера улучшилось. — Сиди спокойно, ты мне ноги отдавила!

Время ползет ближе к полуночи, и я только теперь чувствую, насколько сильно устала. Голова болит после шумного и непростого вечера, ноги дают о себе знать, а от плавного полета укачивает. Прислонившись щекой к тонированному стеклу, я изредка проваливаюсь в сон и как будто через плотную пелену слышу шепот ребят, шум двигателя, свист и вой метели за окнами. Приоткрыв глаза, смотрю сквозь ресницы в профиль на наставника, который сжимает рычаг и сосредоточенно вглядывается в темноту, прорезанную двумя лучами ближнего света фар. Ветер совсем не красивый, но лицо у него приятное, как будто доброе, что ли. И взгляд — спокойный и теплый, что бы ни случилось. Только сейчас еще и тревожный.

Раньше мне страстно хотелось найти хоть какую-нибудь информацию об отце, узнать, кто он, кем стал, вспомнит ли он меня. Всего лишь какой-нибудь месяц назад я мечтала, чтобы мой папа был похож на моего наставника, но сейчас я понимаю: мне его не найти. Даже если спустя много лет я получу четвертую ступень и смогу раскрыть все свои архивы, в таком огромном мире искать человека по одним только имени и фамилии — все равно что иголку в стоге сена. Да и так ли это нужно? Восемнадцать лет отец не интересовался моей жизнью, дома я не видела ни фотографий, ни гифок с ним, мама на каждый мой детский и наивный вопрос прятала глаза и всякий раз говорила, что он уехал далеко-далеко. Я теперь понимаю, что он ее просто бросил, оказался не готовым к такой ответственности, как семья, и появление взрослой дочери спустя столько лет вряд ли его обрадует.

Да и мне самой, по правде говоря, меньше всего сейчас хочется ворошить прошлое и тонуть в воспоминаниях, среди которых, к слову, нет ни одного воспоминания об отце.

Аэромобиль ловко лавирует в редколесье, изредка задевая хвостовым отделом тяжелые заснеженные ветви, и снег с шорохом целыми сугробами падает вниз, взметаясь серебристо-белой пылью, похожей на растаявшее облако. Неожиданно снизу раздается громкий щелчок, весь корпус машины вздрагивает, мотор недовольно ворчит. Мы с ребятами валимся друг на друга, а Ветер крепче сжимает оба рычага.

— Держитесь!

— Что случилось?

— Не знаю!

Часовщик приобнимает испуганную Сойку, Север в темноте крепко сжимает мое плечо и пытается выглянуть в затемненное окно, но кроме снежной пыли, низких тяжелых туч, заснеженного леса и золотого пламени от Грани далеко внизу ничего нельзя увидеть. Там, между деревьями, в темноте чудится какое-то движение, но с высоты сложно разобрать. Тем временем аэромобиль снова вздрагивает, рычит, как раненый зверь. Наставник одной рукой резко выкручивает рычаг, и машина уходит в крутое пике, едва не врезавшись в ближайшую сосну.

— Что происходит?

— Держитесь! — повторяет Ветер, напряженно всматриваясь в темноту. Из-под кабины тянется струйка дыма, которая быстро увеличивается в объеме, и вот уже в тесном салоне можно почувствовать горьковатый запах.

— Мы перелетели Грань, — Ветер ненадолго оборачивается, не выпуская рычагов. — Похоже, стреляют с земли. Пригнитесь, если полетят стекла.

— А можем повернуть обратно? Или лететь быстрее? — явственно слышу, как голос

Севера дрогнул.

— Поворачивать нет смысла, нас уже заметили. Быстрее нельзя, есть риск сжечь мотор. Надеюсь, что не топливный бак пробит.

Среди ребят слышен испуганный и встревоженный шепот. Громкие щелчки, отзывающиеся дрожью в аэромобиле, действительно больше всего похожи на выстрелы, и дым, тянущийся из-под кабины и становящийся все гуще и гуще, не предвещает ничего хорошего. Словно в ответ предупреждению, на лобовом стекле мгновенно обозначается трещина-паутинка, Ветер инстинктивно наклоняется, рукой прикрывая глаза от стеклянного крошева, и моментально теряет управление.

На запястье у него снова оживает связной браслет. На голограмме появляется дрожащая камера Фауста. Вместо приветствия или хотя бы привычного “прием” наставник шестнадцатого отряда ругается нехорошими словами, вся суть которых сводится к вопросу, почему мы задерживаемся и где нас носят черти.

— У нас ЧП, нарвались на десант, — Ветер старается казаться спокойным, но тревожный голос выдает его беспокойство. — Поврежден радиатор и, вероятно, двигатель.

— Вы сели? — кричит Фауст, пытаюсь прорваться сквозь шум мотора, метели и отдаленные звуки выстрелов. — Где вы?

— Координаты не пробиваются, мы за Гранью. Пока в воздухе.

— Спускайтесь!

— Невозможно.

— Спускай! Иначе разобьетесь!

Снизу снова стреляют. Аэромобиль рыскает впотьмах, собирая хвостом все ближайшие сосны, и дымится, как будто у нас под ногами уже разыгрался нешуточный пожар. В моторе что-то явно барахлит, стучит при каждом движении рычага скорости.

— Связь кончаю, — торопливо обрывает Ветер. Следующие несколько минут он пытается удержать машину в плавном полете, но аэромобиль рычит, трясется всем корпусом и словно проваливается в воздушные ямы, выпуская клубы серого дыма. Наконец видимость становится нулевой, резким маневром вправо Ветер чудом избегает столкновения с макушкой дерева, и аэромобиль под углом падает в снег. Парни ругаются, Сойка сдавленно охает от резкого удара, а меня с размаху впечатывает в кресло пилота. Судя по ощущениям, мой несчастный нос опять разбит или даже сломан: становится трудно дышать.

Вокруг аэромобиля — густое и плотное облако дыма и снежной пыли, которая от жара растворяется прямо в воздухе и грязной моросью вперемешку с золотистыми искрами от Грани оседает на стекла машины. Сойка паникует, ощупывает ближнюю дверь, Часовщик с силой давит на ручку, но та не поддается.

— Дверь заклинило!

— Всем сидеть, — строго командует наставник. Ему не нужно повышать голос, чтобы мы услышали и замерли. — Я сейчас проверю.

Он глушит мотор и выходит. В аэромобиле пахнет дымом, антифризом, одеколоном. На несколько секунд наступает подозрительная тишина, а потом ее разрывают чужие голоса, крики, грохот пальбы. Сквозь дым, снег и слепяще яркий свет от разрушенной Грани ничего не видно, и как мы ни стараемся взглянуть в полуразбитое лобовое стекло, все безуспешно.

Неожиданно двери с обеих сторон распахиваются настежь, так что у одной даже отлетает верхнее крепление. Мы синхронно шарахаемся вглубь, падаем друг на друга, жвимаемся в кресла, но из-за дымовой и световой завесы, будто из ниоткуда,

материализуются фигуры бойцов в белых защитных гермокостюмах с оружием наперевес. Мы не понимаем, люди это или нет: на их головах надеты шлемы с внутренним дисплеем, на правом плече у каждого зафиксировано некое подобие связного браслета, только с крупным экраном. Из динамиков доносятся приглушенные неясные голоса, но сквозь шум и треск помех разобрать слова сложно.

Я сижу с краю, и даже попытка слиться с креслом не спасает: меня вытаскивают первой. Бесцеремонно, одной рукой за капюшон штормовки, как провинившегося котенка, выдергивают из теплого безопасного салона и швыряют в снег. Рядом, вскрикнув, приземляется Сойка: с нее сорвали снежные очки и шапку и силой развернули лицом к свету.

— Девчонка! — единственное слово, которое нам удастся разобрать в общем шуме.

— Эта тоже! — тяжелый сапог толкает меня в спину. — Оставить?

— С чего бы? — отзывается грубый голос в динамиках прямо у меня над головой и тут же перетекает в глухой вскрик и ругань. Изловчившись, я оборачиваюсь и вижу, как Часовщик с оторванным рычагом аэромобиля бросается в нашу сторону, бьет обидчика наотмашь — и тут же падает на колени, остановленный ударом приклада. Десантник заламывает ему руку за спину, лицо нашего инженера на миг искажается болью.

— По ногам! — кричу ему, вспоминая тренировки и наглядную демонстрацию, как освободиться из самых безвыходных положений. “Найди у меня слабое место” — сказал когда-то Ветер. У сидящего на земле человека единственный возможный выход — подставить подножку или подкосить ударом под колени. Часовщик пытается послушать моего совета, но тщетно, и я вдруг чувствую, как в затылок упирается что-то холодное и твердое, а сзади предостерегающе раздается короткий щелчок предохранителя.

— Еще один звук, и ты мертва, — доносится глухой голос из-под безликого шлема. С меня срывают куртку, руки оказываются скованы за спиной железными браслетами. При малейшей попытке вырваться они так больно впиваются в запястья, что я больше не рискую шевелиться.

Краем глаза вижу, что Сойка тоже без куртки лежит совсем рядом. Ее губы страдальчески приоткрыты, густые кудряшки разлетелись по снегу, и на белом шарфике расплывается темное пятно. На руках у нее такие же браслеты, а на кровь никто не обращает внимания. Часовщик уже не сопротивляется, балансируя на краю сознания, Север после короткой неравной драки покорно лежит ничком, и солдат в белой форме удерживает его, как меня — дулом винтовки в спину. Я злюсь на него, хотя и не время сейчас: он сдался почти сразу, испугался, что пристрелят, и позабыл все приемы, которые на тренировках выполнял с закрытыми глазами.

В панике осматриваясь, не могу понять, где Варяг и Ветер: наставник вышел первым и больше мы его не видели, а Варяг всю дорогу провел в багажном отделении. Может быть, он не смог или просто не стал выбираться, услышав стрельбу? Станный поступок для него, такого благородного и честного. Трусливо спрятаться и переждать опасность — не в его стиле, но тем не менее его и Ветра нигде не видно. Командир отряда десантников осматривает наш поврежденный аэромобиль, зачем-то стучит по разбитым стеклам, а потом закидывает в салон продолговатый предмет, и тут же лес вздрагивает от страшного грохота, а свет, и без того яркий, усиливается от пламени взрыва. На мгновение я ослепла и оглохла, но вскоре чувства возвращаются. И вместе с ними — панический страх: что, если Варяг и правда просто не сумел выбраться? Невозможно... И где, в конце концов, Ветер? Он ведь не

мог нас бросить!

Впрочем, мой вопрос недолго остается без ответа. Как только облако от взрыва рассеивается и от аэромобиля остается лишь горящая груда железа, я вижу, как из снежной темноты среди деревьев выходят трое. Вернее, двое идут, а третий... Отвожу глаза, не в силах смотреть. Но даже со скованными за спиной руками и в изорванной, перепачканной кровью рубашке, Ветер сильнее их обоих, я знаю.

Его злой пристальный взгляд скользит по сторонам, и, увидев всех нас, наставник тоже раздосадованно хмурится и опускает голову. Мы не справились... “Силы неравны, шансы слишком малы” — это выглядит трусливой отговоркой. Мне уже холодно стоять на коленях в снегу, ноги коченеют, немеют скованные руки, автомат у затылка не придает уверенности. Сойке еще хуже, и я переживаю, как бы она не заболела после такого: поднимать ее, возвращать куртку и перевязывать рану никто не собирается.

Снова рядом слышатся механизированные голоса и писк связных браслетов: очевидно, их средства коммуникации похожи на наши, только более усовершенствованные. Один из десантников, очевидно, командир остановившего нас отряда, разговаривает по связной голограмме, и с моего ракурса можно увидеть подсвеченный голубым рабочий офис, кабинет в котором сплошь усеян разнообразными дисплеями и датчиками, и половину лица человека за монитором. Похоже, здесь, за Гранью, тоже есть некая база или центр.

— Застали отряд Цитадели, пять человек, — сообщает командир в микрофон, встроенный в шлем. — Возможность отступления ликвидирована.

— Принято, возвращайтесь, — коротко отвечает начальник и останавливает связь. Командир включает налобный фонарь, прикрепленный к передней части шлема, и жестом приказывает всем следовать за ним. Нас рывком поднимают с колен и подталкивают вперед. Я иду медленно — ноги совсем замерзли и еле двигаются, — но сама. Сойку один из солдат бесцеремонно перебросил через плечо, не обращая внимания на ее болезненные стоны. Мальчишки идут рядом, не глядя на меня, Ветер — впереди, прихрамывая. В последний раз оглядываюсь на выжженную поляну в надежде увидеть Варяга или хотя бы намек на его присутствие, но сзади остаются лишь обломки сгоревшего аэромобиля. И я даже не предполагаю, что лучше: оставаться в спокойном неведении или знать правду, какой бы горькой она ни была?

Идти не приходится долго: Грань протянута гораздо ближе к местной базе, чем к нашей. Под железными браслетами сильно нагреваются мои часы, буквально кричат об угрожающей опасности, но и без того тошно. Я чувствую себя виноватой в том, что мы оказались в этой ситуации: если бы не разборки с Капитаном, мы бы успели улететь вместе со всеми. Но сейчас уже поздно жалеть, сейчас у нас одна общая беда.

Оказывается, их лес совсем не похож на наш: он редкий и быстро заканчивается, мы выходим на дорогу, которая ведет прямо в город. Если бы я попала сюда в других условиях, то, наверное, была бы в восторге: уж на что наш мегаполис выглядит современно, этот город как будто строился в будущем. Дома здесь совершенно разные: высокие, низкие, гладкие, изогнутые, шарообразные, какие-то словно висят в воздухе (на самом деле крепятся к другим специальными магнитными тросами), у каких-то вместо окон — такие же дисплеи, как на местной базе, только больше. Практически все вокруг белое, но снега нигде не видно, а из-под ног неожиданно вырывает небольшой робот со щетками и трубой на колесах: он

катается в неспешном темпе среди нас и методично счищает снег с наших ботинок.

От дома к дому, а где-то и прямо посреди улицы, перелетают небольшие дроны с встроенной вертящейся во все стороны камерой. Изредка над головой со свистом пролетают аэромобили, тоже более совершенные, компактные и защищенные, чем наш. А отряд тем временем направляется напрямик к широким ступеням и гостеприимно распахнутым парадным шлюзам огромного стеклянного здания с множеством этажей и переходов. Перед тем, как впустить нас внутрь, роботы сканируют с ног до головы, и это оказывается очень некстати: связные браслеты с нас немедленно срывают, вместе с моим еще и соскальзывают с руки часы. Нас всех тщательно обыскивают, у Ветра забирают рацию, карманный коммуникатор, все ключ-карты и даже выворачивают карманы в поисках устройств, но вместо них на пол сыплются только жетоны — бесполезные здесь деньги Цитадели. Ребята тоже остаются без средств связи, у меня отнимают и мнемотранслирующие наушники — давешний подарок Варяга. Сойка неожиданно приходит в себя и вяло пытается сопротивляться, но у нее так мало сил, что смотреть на эти попытки даже жалко.

Ненадолго оставив нас под конвоем, двое десантников, командир и его помощник, снимают шлемы и о чем-то шепчутся в стороне, снова вызывают начальника, все таким же шепотом с ним спорят, а потом старший хмуро приказывает:

— Этих — в левое крыло. Остальных — в служебный отдел инфоцентра. Ждите там.

“Эти” — очевидно, я и Ветер, потому что мы с ним вдруг оказываемся в стороне. В глазах у ребят — неподдельный страх, их уводят по коридору направо, и до последнего они оборачиваются, ищут взглядом нас, а я совсем теряюсь. Зачем все это, ради чего? Чем мы такие особенные, и почему нельзя остаться всем вместе? Когда гаснет свет и остаются только красноватые мигающие лампочки, становится по-настоящему жутко. Хочется рыдать от ужаса, отчаяния и безысходности, забиться в угол и ничего больше не видеть и не слышать. Служба — это не игра, но я и подумать не могла, что мир по ту сторону окажется таким жестоким.

В коридорах и телепортах, через которые мы проходим, согреться не получается, меня все еще знобит, одежда совсем вымокла. От нескольких телепортов подряд начинает тошнить, и я иду машинально, не падая только потому, что с двух сторон чьи-то руки в гермоперчатках крепко сжимают мои плечи. На первый взгляд местная база не такая уж и страшная: мимо нас спокойно проходят работники в красных монолитных костюмах с разными датчиками на груди и спине, некоторые — те, что помоложе — с любопытством оборачиваются вслед, но странно, что ситуация никого не удивляет.

По обе стороны длинных изогнутых коридоров — герметично захлопывающиеся кабинеты с паролем и сканером отпечатков пальцев для входа, на полу — система обогрева, на потолке — охлаждения, но сейчас не работает ни одна из них. За нами остаются цепочки размытых грязных следов, и роботы-очистители невозмутимо стирают щетками тающий снег с идеально белой плитки. От окружающей белизны хочется зажмуриться: уж на что наша база была похожа на жилое и вполне уютное помещение, настолько же здесь жутко и некомфортно.

Ветер идет рядом и тоже осматривается по сторонам, но если мною движет вялое любопытство, то он разглядывает переходы, шлюзы и телепорты так, будто хочет запомнить. И пусть сейчас никакой возможности вырваться отсюда нет, нельзя упускать ни единого шанса. Я поначалу тоже пытаюсь запоминать, но в голове все путается и только мешает делу.

Спустя добрых пятнадцать минут вынужденной пешеходной экскурсии по лагерю

противника мы наконец заходим в кабинет на самом верхнем этаже, такой же белый, почти стерильный. За длинным столом у окна сидит человек в красном гермокостюме с цветными датчиками: вероятно, это повседневная форма штатских служащих. Перед ним — четыре монитора, пульт управления, личные девайсы и большой, на половину стены, дисплей, с которого вещает какое-то высокопоставленное лицо с выключенным звуком. Напротив стола — четыре кресла, и от одного их вида у меня подкашиваются ноги: привинченные к полу, со всех сторон опутанные проводами, освещенные мигающими индикаторами, они не внушают доверия.

— Пришли? Ну наконец-то, директор уже собирался включать систему слежения, — человек в красном, местный менеджер, разворачивается, выезжая из-за стола. — Оставьте здесь двоих и можете быть свободны.

Солдаты недолго молча переглядываются, двое остаются, остальные, коротко кивнув, уходят, и шлюз за нами бесшумно захлопывается, отрезая последний путь к отступлению. Меня снова хватают за плечо, с силой толкают в кресло, и я осознаю, что не могу встать: браслеты на руках расцепляются и примагничиваются к железным подлокотникам, а ноги фиксируют два широких кольца. Глядя на меня, Ветер брезгливо скидывает руку солдата со своего плеча и сам садится напротив. Над головой что-то тихо пищит, и я теперь не знаю, что хуже: страшное дуло винтовки или безобидные на вид провода.

— Назовите ваши имена, — сбоку раздается монотонный и такой же механический голос менеджера. — Будьте благоразумны, не заставляйте девушку страдать из-за вашего упрямства, — добавляет он, глядя в упор на Ветра. Тот хмуро молчит.

Менеджер нажимает зеленую кнопку на стационарном пульте управления. Я слышу, как внутри кресла что-то едва уловимо потрескивает, как ток в неисправных проводах.

— Ваше имя? — повторяет он тоном, не терпящим споров и возражений. Ответом ему по-прежнему остается молчание. Подняв взгляд, я успеваю заметить, как на встроенном дисплее загорается белый индикатор, и Ветер болезненно морщится, на мгновение закрыв глаза и закусив губу.

— Медленно умирать хуже, чем быстро, — констатирует человек в красном. — А быстрая смерть — привилегия граждан. Имя?

— Сергей.

— Не делайте вид, что не знаете, как отвечать! — менеджер едва не вскакивает из-за стола, ненароком смахнув статуэтку остроконечной башни. Сквозь кресло, подключенное к сети, снова проходит разряд, на этот раз сильнее предыдущего. Ветру на брюки капает кровь из носа, он бледнеет, но стойко выносит очередную боль. Я хочу отвернуться, но не могу. На долю секунды наши взгляды встречаются, и я в который раз поражаюсь холодному спокойствию наставника. Сама чувствую, как губы дрожат, но держусь из последних сил.

— Вершинин Сергей Иванович, — словно издалека слышу его усталый хриловатый голос, в котором явственно обозначается стальная решимость. — Тридцать восемь лет, служащий Цитадели, наставник семнадцатого отряда, инженер-программист первой категории, ступень третья пониженная. Что-нибудь еще?

— Достаточно, — вкрадчиво отвечает менеджер, и фиксаторы на кресле напротив с противным писком отстегиваются. Ветер осторожно встает, растирая онемевшие запястья. — Хорошая у вас биография. Мы с вами могли бы стать коллегами и даже друзьями, но вы слишком несговорчивы. Жаль терять такого работника, как вы, да еще и первой категории, но правила есть правила. А что же ваша...

Не договорив, менеджер на крутящемся стуле разворачивается ко мне, снова смотрит в монитор, и вдруг все тело прошивает жгучим и резким ударом. Вскрикиваю от боли, и когда отпускает, не могу отдышаться. Перед глазами плывут цветные круги.

— Может быть, ты тоже что-нибудь о себе расскажешь?

Стиснув зубы, отрицательно качаю головой. Хорошо понимаю, почему Ветер сдался. Терпеть такое раз за разом просто невыносимо. Чем теперь поможет наша тайна и эта бесполезная секретность? Не пыткой, так другим способом они все равно узнают, что нужно.

Несмотря на цветные пятна и туман в глазах вижу, как Ветер сжимает кулаки — единственное доступное ему движение. Он смотрит на меня, не отводя взгляда, и я кусаю губы, чтобы не заплакать и не сказать ни слова. Через одежду проникает холод металла, и это немного успокаивает, но, не успеваю я отдышаться, как еще один удар, вдвое сильнее предыдущего, пронизывает насквозь и обжигает, будто разрезая изнутри. Забыв о фиксаторах на ногах и запястьях, вырываюсь, кричу, сгибаюсь пополам от боли.

— Прекратите!

Сквозь собственный крик слышу знакомый тревожный голос. Не помню, чтобы Ветер когда-нибудь говорил на повышенных тонах.

— Васильева Юлия Андреевна, социальный психолог, — быстро добавляет он, когда я обессиленно замолкаю. Боль никуда не уходит: только слабеет, эхом отдаваясь в дальних уголках. Бойцы из Цитадели отличаются от местных во многом, но самое главное — они не привыкли издеваться и убивать. На тренировках нас учили самообороне и защите других, на лекциях по кибербезопасности рассказывали, как хранить в секрете данные и зачищать лишнюю информацию, а не взламывать систему, на курсах по психологии — как грамотно и без последствий воздействовать на любого индивидуума. Нас не учили плохому.

Скептически хмыкнув, менеджер щелчком пульта выключает и второе кресло. Кружится голова, и каждый вдох отзывается болью в спине. Пытаюсь подняться, но безуспешно: пол вдруг резко уходит вниз, в глазах темнеет.

И больше ничего не помню. Кажется, наставник подхватил меня, и я, безвольно повиснув у него на руках, успеваю увидеть только яркие светодиоды на потолке.

Свет бьет по глазам даже сквозь закрытые веки. Вокруг так тихо и так холодно, что берут сомнения, жива я или уже нет. Но странную мысль прогоняет знакомый негромкий голос:

— Сеня! Слышишь меня?

С губ срывается только тихий стон. Цепляясь за обрывки сознания, смутно припоминаю недавние события.

— Давай, просыпайся. Сеня, очнись, — Ветер слегка трясет меня за плечо и убирает с лица влажную и взъерошенную челку. Так непривычно слышать свое имя, но это лишний раз напоминает, что кошмар оказывается не сном, а реальностью.

С трудом открыв глаза, я обнаруживаю, что лежу на его потрепанной штормовке, а потолок, монолитная железная панель, так низко, что его можно достать рукой. Небольшое и довольно тесное помещение выглядит как некое подобие бункера, того, что был у нас на базе: стены с множеством панелей и датчиков, вместо окон — маленькие дисплеи с приглушенной яркостью, шлюз с железным рычагом заблокирован, и от рычага к коробке на стене тянется подсвеченная индикаторами включения кабельная труба.

У меня нет больше сил терпеть все это. Мы не узнаем своего предела, пока не придется балансировать на острие и узком лезвии боли и страха между жизнью и смертью. Я всегда считала себя довольно смелой и стойкой, но...

Кое-как сажусь и тут же зябко обхватываю колени руками. Из одежды на мне только спортивная майка и форменные брюки. Ветер тоже одет легко, и на его левой руке — чистая повязка. Видно, у нас отобрали теплые вещи, оставив только одну штормовку на двоих, да и ту наставник отдает мне, накидывает на плечи. Несмотря на это, меня по-прежнему трясет и знобит. Так холодно не было даже на ночном дежурстве, когда мы с Сойкой ползали по грязному снегу в поисках чужеродных девайсов и трещин на Грани. Интересно, где там ребята, что с ними?..

— Как ты? — Ветер берет меня за подбородок, мягко разворачивает к свету.

— Ничего. Только холодно и... голова болит очень.

— Понятно. Симптомы электротравмы, — со вздохом поясняет он. — Он с тобой перестарался. Сам испугался, когда ты потеряла сознание. “Держите ее, держите, убьется!” — он неловко усмехается, я отвечаю сдавленным смешком, но от малейшего движения снова начинает мутить так, что пол и потолок путаются местами. Совершенно без сил прислоняюсь щекой к плечу наставника и в который раз убеждаюсь, что тогда, пару недель назад, он сказал правду: молодые и неопытные всегда думают, что старшие всемогущи и всемогущи, только это не так. Да, у них несколько больше опыта, но это не значит, что им любая проблема — не проблема. Возможно, они просто чуть лучше умеют держать себя в руках и думать холодной головой. Однако пусть даже так — наша ситуация временно безвыходна. И пусть мы, очевидно, нужны здесь живыми, легче от этого не становится.

Ветер медленно и задумчиво приглаживает мои взъерошенные волосы и смотрит в стену. Наверняка у него тоже нет мыслей, как нам освободиться. В таком месте, где все просматривается и прослушивается, где каждые десять шагов — какой-нибудь кодовый замок, сканер сетчатки глаза и контроль голоса и отпечатков пальцев, просто пытаться

бежать бесполезно.

— Ветер... С-Сергей Иванович, — невольно спотыкаюсь на непривычном имени. Меня осенило еще тогда, в кабинете, где нас допрашивали, но боль и страх притупили сознание, и я не успела додумать эту мысль до конца. А сейчас, немного придя в себя, понимаю и вспоминаю кое-что из той жизни, которая осталась в прошлом, за пределами Цитадели. — Скажите... А вы не получали письма?

— Какие письма? — его холодная ладонь ненадолго замирает, прекращая перебирать мои спутанные пряди.

— Это вам писала моя мама, да? — смотрю на него снизу вверх с надеждой, но он не понимает и хмурится. А мне представляется все простым, как дважды два: он — Сергей Иванович, на гифографии — его бывшая жена, вероятно, Юля, как те незнакомые мне тогда еще люди, которых мама упоминала в письме.

— Сеня, о чем ты? Мы не получаем письма из Государства. Ни письма, ни сообщения, ни звонки на базы Цитадели не приходят. У нас есть связные браслеты и корпоративная почта, которая доступна только сотрудникам.

И тут до меня доходит: он не отвечал, потому что просто не мог получить их! И то правда, Цитадель, практически полностью засекреченная, вряд ли позволит сотрудникам контактировать с внешним миром.

— Вы знали мою маму, Наталью Андреевну Богданову, — тороплюсь и сбиваюсь, даже ненадолго забыв об ужасном холоде и головной боли. — То есть, раньше у нее была фамилия Васильева, как у Юли. Это же вашу жену звали Юля? Вы тогда, в кабинете, назвали ее имя... Получается, моя мама и Юля — сестры? Получается, вы... вы...

— Да, Сеня, ты наша с Юлей племянница. Я надеялся, что ты долго еще не будешь догадываться, — наставник вздыхает, но в его усталом голосе я чувствую теплоту.

— Но почему вы... почему ты мне сразу не сказал?

— Думал, что наша служба слишком опасна, а жизнь слишком коротка, чтобы позволить себе любить. Я хорошо помнил случай с Юлей, да и многие наставники и просто служащие погибают на заданиях. Не хотел, чтобы мы потеряли друг друга, только встретившись. Казалось, что так будет легче, если мы останемся чужими.

— Глупости, — всхлипываю и упрямо стираю слезы замерзшей рукой. Голос предательски дрожит, и от холода пальцы плохо слушаются. — Мы всегда должны быть рядом с близкими, даже если не знаем, сколько нам отмерено. Ты — единственный, кто у меня остался...

Непонятно, сколько прошло времени: три часа, день или даже больше. Счет давно потерян. Мне очень жаль конфискованные часы, да и связные браслеты у нас забрали еще при первом обыске, но сейчас главное — выжить, потому что теперь и это становится задачей не из легких. Меня без перерыва трясет и морозит даже под теплой курткой, страшно представить, насколько холодно Сергею, но он никогда не скажет о том, что ему плохо. Как только я засыпаю, он сгребает меня в охапку и не позволяет ни лежать на полу, ни прислоняться к холодным стенам: оказывается, замерзают чаще всего именно во сне, когда все реакции организма замедлены. И это замкнутый круг, потому что замерзающего человека все сильнее клонит в сон. Вот вам и новый год.

Практически все время он со мной разговаривает, чтобы я не заснула и не отключилась. Стыдно признаться, но мое состояние не улучшается, и не пережитая болезнь тому виной: те симптомы нельзя спутать ни с чем, и это не они. Меня знобит, а руки и щеки горят, как

обожженные. Уже, наверное, целый день я ничего не ела, тошнота и головокружение не отступают. Мы с Сергеем играем в города, в слова, в загадки, он рассказывает про службу, а я, когда становится немного легче, — про учебу. Но мысли наставника постоянно где-то далеко: несколько раз он задает один и тот же вопрос, забывая, называет один и тот же город на букву “в”, извиняется и переспрашивает, когда приходит моя очередь рассказывать. И спустя долгое время наконец признается:

— Знаешь, я продумал тысячу вариантов, и ни один из них не тянет на практически реализуемый. Даже если нам чудом удастся открыть шлюз, мы либо заблудимся в переходах, либо столкнемся с охраной, либо нас легко отследят по камерам и датчикам.

— С нами решили расправиться таким странным способом? Почему не ликвидировали сразу?

— Потому что мы нужны им живыми и желательно сговорчивыми. Скорее всего, сейчас они наблюдают, ждут, когда у нас сдадут нервы или физическое состояние. И тогда, по их мнению, мы примем любые условия, только чтобы не мучали дальше. И способ, кстати, не странный. Юля плохо переносила холод, а у меня клаустрофобия. Я догадывался, что наши страхи и слабости используют против нас, но поздно спохватился. Успел дать тебе Юлькино имя, но оказывается, у тебя та же проблема, и это не спасло.

— Клаустрофобия?..

Я осматриваю наш бункер и прихожу к выводу, что тут любой человек, и самый бесстрашный, может ее подхватить. Камера квадратная, в четыре-пять шагов длиной и шириной, потолок низкий, так, что даже сравнительно невысокий Сергей задевает головой, если встает. Окон нет, дисплеи, разумеется, не могут их заменить.

— Как ты это терпишь?

— Представляю, что стен здесь нет, а потолок выше. Да и сидя легче воспринимать замкнутое пространство. Иногда стоит взглянуть страху в лицо, чтобы справиться с ним хотя бы ненадолго.

— По-твоему, человек может справиться со всем, если умеет владеть собой?

— Вроде того. Вот смотри. Я не прошу тебя представить, что здесь не холодно. Просто не думай о холоде. Ведь было легче, когда ты разгадывала мою загадку про включенный свет и не думала ни о чем другом?

Киваю. Это правда. Забыв о плохом, мы не чувствуем и не осознаем его постоянно, и от этого нам становится лучше.

— Но мы же не можем все время что-то разгадывать, говорить, над чем-то напряженно думать?

— Не можем. Но согласись, что гораздо лучше ощущать страх, боль и дискомфорт редко и недолго, нежели постоянно. Если честно, когда ты спишь, мне кажется, что я здесь один, и становится... ну... не по себе.

— Я больше не буду спать, — на ощупь нахожу его руку и крепко сжимаю широкую ладонь. Ветер улыбается одними глазами, так, как умеет только он.

— Ерунда. Не волнуйся. Мы справимся, веришь мне?

Снова нахожу в себе силы только на то, чтобы кивнуть. И как бы ни было плохо, трудно или страшно, я ему верю и буду верить всегда.

Только теперь понимаю, почему он сдался, а вернее, просто сделал вид. На самом деле наши имена и сведения о нас не представляют такой уж ценности, важен сам факт того, что мы — служащие Цитадели, но что местные будут делать с этой информацией дальше, пока

неясно. Конечно, любые наши личные данные можно использовать против нас, особенно если узнать, что мы любим, что бережем, чего опасаемся и что боимся потерять, но больше ничего эти люди о нас и о Цитадели не узнают. И, по правде говоря, я все чаще думаю, что Сергей тогда поступил правильно: они услышали, что хотели, и временно оставили нас в покое.

* * *

За столом директора инфоцентра, перед монитором рабочего компьютера, уже не первый час сидят трое. Сам директор, как и всегда, не снимает маску равнодушия, двое его помощников — старый инженер в больших очках и светловолосая женщина лет тридцати — синхронно хмурятся, изучая передачу с видеокамер. Над панелью инструментов таймер отсчитывает 72 часа: директор считает, что на первый раз пленникам и того будет достаточно. Однако никто не паникует, не мечется по тесному бункеру, не пытается взломать шлюз или даже банально позвать на помощь. Мужчина сидит в углу напротив входа, прислонившись спиной к железной стене, девчонка прижалась к нему, положила голову на плечо, зябко кутаясь в куртку. Иногда они разговаривают, но камеры не транслируют звук.

— Девятнадцать часов, — резюмирует директор, откидываясь на спинку мягкого крутящегося кресла. — Идут на рекорд. Самый стойкий лет пять назад на двадцатом часу пошел бить ногами в шлюз.

— Не смешно, — ворчит старик-инженер, отходя от монитора к окну. Ему не по себе даже от одного вида бункера, а ребята из-за Грани удивительно стойко переносят заключение в плену собственных страхов. — Что-то мне подсказывает, что это бесполезная затея. Они не сдадутся. Умрут, но не сдадутся.

— Ну, зачем же умирать, — директор даже поднимает уголки губ, а взгляд остается по-прежнему колючим и холодным. — Вода у них там есть. Без еды можно прожить и больше, чем трое суток. А потом мы их выпустим и посмотрим, что и как на них повлияет.

— Это жестоко, — повторяет АН-322, не возвращаясь к монитору. Молодая ассистентка тоже хмурится, но не рискует показать свою неловкость.

— Это гуманно, — парирует директор. — Жестоко убить человека. А создать условия и ждать, пока он сам расскажет все, что тебе нужно — это лишь психологические меры.

— А где остальные? Их было пятеро?

— Проходят определение, — директор морщится, как от зубной боли. — У меня было немного времени, чтобы изучить людей из-за Грани. У них с детства проявляются особые способности в одном или нескольких видах деятельности, и задача учителей, наставников и других взрослых — помочь им раскрыть эти способности. Из одних получают первоклассные инженеры и техники, из других — исследователи или врачи, третьи работают в сфере безопасности, четвертые прекрасно умеют обучать других. У них есть свои церемонии распределения, они решают тесты, выполняют тематические задания и получают специальность. Крайне редко система ошибается, поэтому в основном их профессия не меняется всю жизнь. Но из тех рассказов, что менеджеры смогли добиться, мы поняли, что младшие еще не прошли инициацию и не имеют специальности. Просто от меня было распоряжение ускорить процесс.

— Почему девушку не оставили с ними?

— Потому что у нее не совсем обычная... так сказать, способность, и следует отнестись к ней внимательно. Она не просто социальный психолог. Она видит людей насквозь, а сама об этом не догадывается.

— Как это?

— Очень просто. Она подсознательно тянется к честным, порядочным и избегает трусов, лгунов и предателей. Если ей захочется найти с кем-то общий язык, то ей не составит труда расположить человека к себе за очень короткое время. А когда нужно чего-то добиться, то она неизменно обращается к нужным людям. Если она согласится сотрудничать с Системой, представляете, какой прекрасный дипломат появится в нашем кругу?

— Если вы будете воздействовать на нее силой, она точно не захочет, — встревает в разговор молодая ассистентка. — Даже я, совершенно не разбираясь в людях, отказалась бы.

— Она не откажется, — загадочно улыбается директор. — Ее необыкновенная пронизательность идет рука об руку с глубокой эмпатией. К сожалению, я не знаю, что у нее случилось в детстве, но она очень сильно привязывается к людям и дорожит дружбой, любовью, близкими отношениями. Не забывайте, что они считают себя одной командой и, соответственно, товарищами. И еще... Командир солгал насчет ее имени. Юлия Васильева умерла пятнадцать лет назад, а как зовут девчонку, мы так не узнали. Я понимаю, почему он так сделал: она на нее очень похожа. Вполне возможно, что не только внешне, но и внутренне.

Директор говорил сложно и запутанно, но инженер АН-322 с каждой фразой все сильнее неприязненно хмурился. Если все пойдет по плану руководства, юная девочка-психолог станет пешкой в большой и опасной игре, из которой не выберутся живыми ни она, ни ее товарищи из Цитадели. И поэтому, не желая продолжать тяжелую тему, АН-322 при первой возможности поблагодарил директора за информацию и, забрав у него жетон очередного ночного дежурства, поспешно покинул кабинет.

Разумеется, он не сочувствовал людям с той стороны Грани. Разумеется, он поддерживал Систему всю жизнь, сколько себя помнил. Конечно, ему не следовало бы принимать так близко к сердцу не совсем гуманное обращение с совершенно чужими людьми. Но что-то внутри, такое забытое и почти незнакомое, неожиданно заставило его задуматься. Что, если бы они оказались на месте этих ребят? Стали бы за Гранью, на базах Цитадели, обходиться с ними так же жестко без объяснения причин?

Хотя причина, конечно же, вполне понятна. Война — это не обязательно перестрелки. Сегодня у нее другое имя, другой облик и очень короткая память.

Всю дорогу до кабинета на четвертом этаже АН-322 не может выбросить из головы тяжелые мысли про неожиданных гостей из-за Грани. Из разговоров, услышанных краем уха среди безопасников, он понимает, что отряд попал на территорию Системы случайно, и делает вывод, что это не шпионы, не разведчики, не смертники, получившие некую задачу. Из-за того, что Грань больше не выполняет свою функцию, их навигаторы и радары сбились, и аэромобиль спустился совсем не там, где следовало бы.

Все чаще инженеру АН-322 кажется, что директор инфоцентра поступает неправильно, и он корит себя за недоверие начальству, но ничего не может поделать. Слишком жестко, слишком опрометчиво, слишком радикально. Необязательно было заставлять ребят из учебного центра отказываться от разработок усовершенствованного робота-герметизатора, пускай даже за большую премию: интеллектуальная собственность — особенная гордость, хотя девятиклассники пока что этого не понимают. Необязательно было выбивать из пленников сведения и признания силой — они скорее согласятся умереть, чем в обмен на личную безопасность выдать служебные тайны Цитадели.

Сканер у шлюза привычно изучает отпечатки пальцев левой ладони и с негромким писком пропускает в кабинет. Над шлюзом горит белый индикатор: это значит, что в кабинете есть люди, чьи биологические данные не внесены в базу. АН-322 не успевает переступить порог, как его останавливает короткий вскрик:

— Ст-тойте! Не п-приближайтесь!

Протерев очки рукавом гермокомбинезона и приглядевшись, АН-322 замечает паренька лет восемнадцати. Тот стоит у противоположной стены, прижавшись к ней спиной и выбросив вперед руку с бластером. Хорошая попытка защититься, жаль, что бесполезная: хозяин кабинета лучевым оружием не пользуется и держит его разряженным, лишь для видимости.

Поправив очки и преспокойно подняв раскрытые ладони, инженер заходит в кабинет и вызывает кухонного робота. Светловолосый, голубоглазый и бледный от страха, парень медленно опускает бластер, но его паника никуда не пропадает: он весь трясется, руки дрожат, по-детски ясные глаза широко распахнуты.

— Положи бластер. Он все равно нерабочий, — по-прежнему спокойно велит АН-322. Не сводя с него взгляда, мальчишка медленно кладет оружие на стол. — Вот так. Садись, — он нажимает кнопку на панели управления умным кабинетом, и из встроенного в стену ящика выезжает откидной стул.

Парень устало садится, но все еще держит спину неестественно прямо.

— Тебя как зовут? — миролюбиво интересуется инженер-химик, безопасности ради откладывая планшеты и ретортные установки подальше от неожиданного посетителя.

— Я... С-с... С-Север, — тот отчаянно заикается от страха, вцепившись в стул и прижавшись к стене.

— А имя у тебя есть? Обыкновенное?

— Нам... не... Нельзя, — снова дрожит его ломающийся голос. Инженер невольно усмехается в усы.

— Да ты не бойся. Я тебя не съем, — добавляет он, заметив, как шлюз сбоку пропустил кухонного робота с подносом на магнитных лапках-пружинках. — Наоборот, накормлю. Чай

будешь?

— Ч-чего? — парнишка ошарашенно хлопает глазами и на всякий случай еще крепче цепляется за стул. АН-322 улыбается: давно ему не приходилось так ни с кем разговаривать.

— Не “чего”, а чай. Будешь?

Кухонный робот, по-хозяйски разъезжая по всему кабинету, собирает забытую инженером грязную посуду и взамен рукой-пружиной выдает новые чашки со встроенным подогревом, разливает из подвижного носика чай, раскладывает на плоской тарелке плитки шоколада, свежее испеченные булочки с корицей, дольки яблок, мандаринов, зеленые кружки киви. Беловолосый паренек сперва недоверчиво косится на угощение, но, видя, что хозяин кабинета без малейшего беспокойства делает глоток из кружки и берет одну плитку шоколада, и сам осторожно тянется к столу. Молчание затягивается: сперва мальчишка старается есть аккуратно, соблюдая какие-то старинные правила обеденного этикета, но голод дает о себе знать, и белоснежная плоская тарелка перед ним быстро пустеет.

АН-322, допив свой чай, подпирает кулаком заросший седой щетиной подбородок и задумчиво смотрит на нежданного посетителя. Парень выглядит совсем просто, он похож не на солдата, шпиона или разведчика, а на испуганного и нервного подростка, заблудившегося на чужой территории. Вероятно, его привели безопасники и велели ждать, вот только зачем? Эти его неловкие, угловатые движения, то, как он изредка глядит исподлобья на хозяина кабинета, как жмет к стене и прикрывается горячей чашкой, — все выдает его тревогу и хорошо скрываемый страх. Наконец чай выпит, и парнишка со странным именем Север шепотом спрашивает:

— Вы меня... это... отравить?

Настает очередь инженера удивляться, а потом смеяться. Давно он так не хохотал, даже очки сползли и слегка запотели от кипятка.

— С чего ты взял? — спрашивает он наконец, вытирая платком уголки глаз.

— Ну... Я... вы...

— Не волнуйся, — повторяет инженер. Забытое чувство шевелится где-то в груди. Ему по-настоящему жаль незнакомого мальчишку. — Шлюз заблокирован. Камеры звук не передают. Ты можешь быть со мной честным.

Север бледнеет, кусает тонкие обветренные губы, вертит в пальцах пуговицу грязной и прожженной кое-где рубашки. Чистую одежду никому так и не выдали. О них совершенно забыли позаботиться. Зато сразу же придумали, как выбить нужную информацию.

— Я подумал, что мы с вами вообще-то враги, и с вашей стороны логично желать мне смерти, — выдал наконец паренек сравнительно длинную фразу, ни разу не заикнувшись. АН-322 устало потер переносицу под очками. Интересно, что им вбили в голову в этой Цитадели? Что за Гранью живут враги, и их надо уничтожать, чтобы мир стал лучше? А станет ли он лучше, если все мы начнем уничтожать друг друга, не заботясь о причинах и последствиях, не задумываясь о том, что мы делаем и ради чего? Станет ли будущее по-настоящему светлым, если история прошлого будет написана кровью?

Мальчишка молчит. Инженер АН-322 долго смотрит сперва на него, потом на черный экран, на котором внезапно загорается циферблат в очередной раз. Минутная, часовая и секундная стрелки судорожно вздрагивают, мечутся по кругу в беспорядке и, описав полный круг, замирают у цифры 5. Все остальные отметки медленно тускнеют, а пятерка светится все ярче и ярче. Мигает, пульсирует... Север вдруг вскакивает со стула:

— Это же Тишины!

— Что? — инженер тоже поднимается со стула, охнув и в который раз за сутки схватившись за сердце.

— Тиша, то есть, Тишина, моя соотрядница, — торопится мальчишка, прильнув к экрану и разглядывая тонкие черные стрелки широко распахнутыми глазами. — У нее часы точно такие же! Я видел, когда ее обыскивали, кто-то забрал. А раньше они всегда опасность показывали. Это так Часовщик сказал, программист наш.

— Хочешь сказать, что часы предупреждали... Тишу об опасности? — переспрашивает АН-322, споткнувшись на непривычном кодовом имени. — Она сейчас с вами? Можно с ней поговорить?

АН-322 снова замирает на месте, сухими твердыми пальцами трет морщины на лбу, отчаянно силясь вспомнить, ухватиться за тонкую, едва уловимую ниточку из прошлого. Но все безрезультатно. Он давно уже понял, что никакого прошлого, кроме Системы и инфоцентра, для него не существует.

— Боюсь, нет, — Север снова хмурится, садится, поджимая одну ногу: ни дать ни взять нахохлившийся воробей. — Она не с нами. Не знаю, куда их увели, но мы их больше не видели.

— Их? Кого?

— Ну, Тишку и наставника нашего, Ветер его зовут. Мы втроем проходили тесты разные, на определение специальности и способностей, потом нас отправили к учителям. Я еще в центре химико-биологический курс закончил, а тест показал, что я могу быть врачом. Судя по всему, вы — мой учитель?

АН-322 не особенно вслушивается в его путаные объяснения. Важнее случайное протянувшаяся логическая цепочка: Тиша и Ветер, отрядница и наставник. И вспоминаются двое пленников, запертых в бункере центра: мужчина лет тридцати с небольшим и совсем юная девчонка. Может быть, это они? Но объяснений от начальства ему точно не добиться: политика — не его забота и, конечно же, не его сильная сторона. Часы тем временем гаснут, уступая место прежнему диалоговому окну с директором, и появляется сообщение: “АН-322, ваш стажер прибыл. Будьте добры занять его работой, чтобы не совал нос, куда не следует”.

— Вот, видишь? — подмигнув Северу, лазерной указкой инженер обводит сообщение директора. — Давай с тобой разберемся, что ли. У меня всего двадцать стажеров, теперь, выходит, двадцать один. И все-таки скажи мне, пожалуйста, имя, отчество и любую комбинацию из трех цифр. Надо тебя внести в Систему, а ваши позывные она не распознает.

Север ерзает на стуле, пытаясь решиться. Он слишком привык к правилам базы, чтобы теперь их нарушать, даже если об этом никто не узнает. Но старик-инженер невольно внушает доверие, Северу кажется, что человек с добрыми голубыми глазами не должен быть подлецом и предателем.

— Дима, — произносит он наконец едва различимым шепотом. — Дмитрий Владимирович. А цифры... Пусть будет пять, один, два.

Пятое декабря — день, когда он приехал на базу. Его тоже не взяли в первый набор: очки за практически идеальную стрельбу были все-таки аннулированы за помощь другому кандидату. Но Север и не жалеет: дружба с Тишей, начавшаяся как раз с того испытания, гораздо важнее, чем лишние полгода на базе. И пока он вспоминает такие далекие, казалось бы, события, прошедшие всего лишь месяц назад, в Системе появляется новый гражданин, зарегистрированный как ДВ-512.

В кабинете у АН-322 тихо и спокойно, только чуть слышно гудит процессор

биокомпьютера и трещит неисправная лампа над научным отсеком. Сам хозяин не похож на суровых безопасников, не знающих ничего, кроме приказов и устава, не похож на местных служащих, погруженных только в дела Системы. Он вообще не похож на тех жителей чужого государства, с которыми Север уже имел честь познакомиться: он чуткий, внимательный, с ним не страшно разговаривать даже о случившемся накануне. Север, боясь и стесняясь все меньше, расспрашивает его о работе, о последних исследованиях, разработках в области химии и биоинженерии и понимает, что местная медицина гораздо сильнее, что знания местных ученых гораздо глубже, чем у них, за Гранью.

А впрочем, так говорить уже неправильно: Грани больше нет, и Государство рискует слиться с Системой, стать ее безликой частью, проиграть в том, за что тысячи людей сражались как минимум пятнадцать лет.

— Почему вы нас уничтожаете? — наконец спрашивает Север шепотом, совсем осмелев. — Ведь цель Системы — подчинить отсталые государства, а не просто стереть их. Нет смысла руководить страной, если страны больше нет.

— Понимаешь, президент Системы считает, что радикальные меры помогут жителям Государства понять, насколько силы неравны. Система добивается не руин. Она ищет людей, которые смогут стать настоящими гражданами, а это, по мнению руководства, далеко не все. Править достойны особенные люди: сильные, смелые, мудрые, готовые ко всему.

— Президент считает, руководство считает, — парнишка, всплыв, рывком поднимается, пинком задвигая стул обратно в стену, снова бросается к экрану, на котором уже исчезли часы и появилась привычная карта Системы. — А вы, вы как считаете? Вы сами-то с ними согласны?

Инженер молчит. Под очками от волнения слезятся глаза. Признаться сейчас в том, что он, на самом деле, никогда и не поддерживал Систему — все равно что подписать себе приговор, потому что хоть в его кабинете и нет звукопередачи, все равно в кабинете директора все может стать известно через секунду. А сказать, что он работает на центр и с готовностью разрабатывает новые химические соединения и медицинские препараты для военных целей — это было бы ложью. Да, он выполняет задачи, поступающие от руководства. С помощью команды программистов и радиотехников он разработал дроны-распылители, которые отравляют атмосферу и почву самой сильной иодоводородной кислотой с примесью природных бинарных кислот. Во время работы со стажерами-медиками он создал сыворотку, позволяющую полностью перезагрузить больной, измученный и изношенный организм. Это вещество уничтожает полностью все вирусы и инфекции, перестраивает микрофлору внутренних органов, очищает кровь, лимфу и плазму, обновляет верхнюю гладкую мышечную ткань и восстанавливает суставы и кости, однако воздействует на психику и ментальность пока не до конца изученным образом. Десять лет, если не больше — до болезни — он работал в центре в отделе разработки, и хотя каждый день ставил под сомнение доводы директора насчет затянувшейся войны с последним не подчиненным государством, все равно каждый день тихо выполнял свою работу, которая для Системы и для войны — хоть она так и не называлась — была незаменимой.

А парнишка-стажер ждал. Стоял, прислонившись спиной к экрану, скрестив руки на груди и сощурился светлые голубые глаза, и ждал. Он никогда не был полноправным гражданином Системы, он даже в Системе никогда не был и заведомо считал всех граждан врагами. В его белых волосах запутался пепел, на щеке и подбородке алели широкие ссадины, форменная одежда была вся изорвана и перепачкана. Он остался совсем один, не

зная, что с его товарищами и где они теперь, однако ждал ответа от инженера, спрашивая в его лице всех своих невидимых врагов.

— Не всегда, — наконец отвечает АН-322. Снимает очки, по привычке устало трет переносицу и снова отпивает уже остывший горький чай. — Не всегда. Понимаешь, даже если нам кажется, что мы кому-то доверяем безоговорочно, все равно однажды его слова или поступки у нас окажутся под сомнением. Потому что у нас всегда есть собственное мнение, имеем мы на это право или нет.

Север плохо помнит, как закончился тот день. Весь вечер он провел в кабинете у старого инженера АН-322 (так и не приспособился к странным местным именам, и инженеру пришлось на время свыкнуться с тем, что его зовут “Извините, пожалуйста”). К вечернему занятию Север уже неплохо освоился в местной технике, вспомнил, что проходили на старших курсах учебного центра по ту сторону Грани, и смог сразу же присоединиться к практической работе про действие аммиака на организм.

Ребята-стажеры, все примерно его возраста, кто-то чуть старше, собираются вокруг большого круглого стола и, чинно разместившись на автоматических стульях на одинаковой дистанции, по очереди высказываются тихими, спокойными и ровными голосами. Никто не проявляет эмоций, не старается лезть вперед, растолковать сложный момент непонятливым товарищам. Мнение каждого здесь подчеркнуто важно, но решение принимается коллективным разумом. Север даже старается вставить свои несколько слов о том, что в норме при взаимодействии метаболита с аммиаком синтезируется глутамин, но, стоит ему закончить, как его бодрую реплику отбивает прохладный и сдержанный голос светловолосой девушки с длинной косой:

— При взаимодействии метаболита с аммиаком синтезируется глутамат, который связывает аммиак и, в свою очередь, образует нетоксичный глутамин. Эти две реакции являются первичными и единственными нейтрализаторами аммиака в мозге.

— РИ, молодец! Ты такая умная! — слышится со всех сторон, а Север, вспыхнув спичкой, краснеет до кончиков ушей, исподлобья глядя на стажерку-отличницу. Та сидит спокойно, выпрямив спину и сложив руки на коленях, принимает комплименты легким кивком.

Инженер, принимающий у ребят зачеты, ставит каждому активному участнику дискуссии — в том числе и Северу, как он успеваешь заметить на большом мониторе — по пять баллов, а правильно ответившей девушке — десять. РИ-112 сдержанно улыбается уголками губ, и Север вскипает: больше всего ему не нравится местная подчеркнутая холодность, как будто это не человеческие эмоции, а заводские настройки. Как будто не люди, а искусственно выращенные роботы служат в Системе. Давешний разговор с АН-322 заставил его задуматься над правильностью такого суждения, однако поведение всех стажеров лишь подтвердило гипотезу. Люди за Гранью не умеют проявлять эмоций. Поэтому вести войну с Государством им совершенно не трудно. Ведь они считают, что это всего лишь их работа.

Робот-попутчик провожает Севера до его определенной Системой ячейки — маленькой комнаты в жилом блоке для стажеров, которым позволено жить и учиться прямо в центре. Среди множества запутанных коридоров парнишка не раз замечает табло “Опасно! Не входить”, и тем не менее, отдельные сотрудники в красных костюмах заходят, и шлюзы за ними наглухо закрываются. Любопытство пересиливает, и напротив одной такой таблички, поблескивающей в конце длинного темного коридора, Север ускоряет шаг, почти бежит, обгоняя робота-проводника, пока не закрылся шлюз. Поскользнувшись у самого края, успеваешь просунуть в проем левую руку... Створки шлюза больно сжимают предплечье, но отказываются раскрываться, как ни бей по герметичной железной перегородке. Взвывая от боли и досады, Север прислоняется лбом к холодной стене: как освободить руку, идей нет, а

давление тем временем ощущается все сильнее, хотя створки не двигаются, просто зажимают кисть слишком сильно.

Робот-проводник вертится вокруг, всем своим видом показывая, что парень совершает ошибку, сменив направление, и мигает всеми пятью лампочками. В конце концов Север отпихивает его ногой к противоположной стене:

— Уйди! Надоел. И без тебя тошно.

Обиженно пискнув, робот выключается, но полоса невезения на этом завершаться и не планирует. В пустом коридоре акустика эхом разносит легкое щелканье каблучков, и вскоре из мигающей темноты появляется красивый и стройный силуэт девушки с косой, которая на минувшей дискуссии первая дала правильный ответ. В красной блузке и бордовых брюках, она хорошо видна в темноте, и Север, в очередной раз бесполезно дернув руку из железных тисков, решает забыть о гордости и окликает ее:

— Эй! Подойди!

Девушка останавливается в двух шагах. Без тени удивления на красивом, спокойном лице приподнимает одну бровь. Север снова дергает рукой:

— Я тут... это... застрял. Помоги!

— Какова цель посещения недоступного отсека? — прохладно интересуется РИ-112.

— Да случайно вышло! — оправдывается Север. — Туда кто-то зашел, ну, мне интересно стало...

— Любопытство в Системе строго запрещено, — бесстрастно резюмирует девушка. — Ты будешь оштрафован. Или временно арестован, как сочтет нужным комиссия.

— Но мы же никому не скажем? Помоги, пожалуйста! Ты же можешь его открыть! Так руку держать больно вообще-то...

— Мы обязаны доносить о замеченных случаях незаконного проникновения в отсеки высшего доступа, — безапелляционно заявляет РИ-112. — В противном случае, сами будем считаться соучастниками правонарушения.

— Пожалуйста... Ну хочешь, я за тебя все задания по стажировке буду делать? До конца года, РИ!

— Мои знания в области биоинженерии явно превосходят твои, — без тени кокетства и хвастовства добавляет она. Однако делает пару шагов вперед, и они оказываются рядом, так что пересекаются взгляды. Бесконечно долгую минуту тянется молчание, пока РИ-112, наконец, не произносит шепотом:

— Ты такой необычный. Никогда не видела таких белых волос... и таких светлых глаз.

Ее тонкие прохладные пальцы осторожно прикасаются к белоснежным прядям и пропускают их насквозь. Север вздрагивает, но не отталкивает ее. От РИ-112 приятно пахнет легкими фруктовыми духами и чем-то еще неуловимо сладким. Он закрывает глаза, стараясь не смотреть на ее бесстрастное, почти неживое лицо.

— Это краска и линзы? — интересуется девушка шепотом.

— Нет. Это я такой родился, — так же тихо отвечает Север и, положив свободную руку ей на талию, осторожно привлекает к себе и бережно, невесомо касается губами ее губ. Сладкий запах цветов и фруктов вблизи кажется дурманящим, и Север боится открыть глаза, чтобы правда не оказалась сном и фантазией. Губы у РИ-112 тонкие, мягкие и горячие, почти как дыхание, срывающееся коротко и часто. Ее хрупкая ладонь сперва упирается парню в грудь, а потом вдруг расслабляется, скользит на плечо и слегка цепляется за рубашку. Север притягивает ее ближе, но, почувствовав, как под ладонью напрягается ее

идеально прямая спина, сразу же отпускает и отстраняется.

РИ-112 ошарашенно хлопает глазами, неотрывно глядя ему в лицо. Впервые у нее появляются живые эмоции, и это одновременно изумление, страх и растерянность. Она медленно проводит пальцами по губам, едва дыша, и, спохватившись, поспешно убирает руку с плеча мальчишки.

— Ты... Что ты сделал? — испуганно шепчет она, отшатнувшись и прижавшись спиной к стене напротив. — Так нельзя! Так не принято!

— Почему?

— Ты должен заполнить анкету, пройти подтверждение, получить талон на разрешенные встречи и подписать согласие... То же самое надо сделать мне... или нет... Той девушке, которую ты выберешь. Система определяет, можно ли людям быть вместе... А я... А меня... — она краснеет, все сильнее прижимаясь к стене, и Север замечает, как она вся дрожит то ли от страха перед случившимся, то ли от волнения. — А меня еще никто никогда не выбирал...

Дрожащей рукой выудив из поясного несессера ключ-карту, РИ-112 торопливо прикладывает ее к сканеру, и шлюз открывается, отпустив, наконец, руку незадачливого стажера. Север с облегчением разминает ушибленную кисть, но РИ вдруг хватает его за здоровую руку и тянет за собой:

— Уходим! Сюда сейчас все сбегутся. У меня тоже не высший доступ.

У шлюза сиротливо остается лежать сломанный робот-проводник. Теперь те, кто придет на сигнал тревоги, решат, что он врезался в шлюз, спровоцировал включение сигнала, и сочтут его механизм неисправным.

Взявшись за руки, РИ-112 и Север петляют по полутемным коридорам, ловко минуя роботов-охранников и выключая за собой светодиодные ленты. Ключ-карта девушки позволяет доступ на всю территорию центра только в сопровождении старшего менеджера или учителя, поэтому, если бы узнали, что у шлюза она была без сопровождающих, то могли бы серьезно оштрафовать или даже лишить доступа. Впрочем, РИ-112 знает: она перспективный стажер на хорошем счету, поэтому одна маленькая шалость наверняка сойдет ей с рук. За исключением одного момента: если не узнают, кому и каким образом она помогала.

Север радуется, что в коридорах нижнего этажа центра темно, и его смущение хорошо скрывает мягкий полумрак, подсвеченный красным: румянец можно списать на плохое освещение. На самом же деле внутри все горит огнем, щеки и уши пылают, словно от стыда, а ладоням так жарко, как будто он надел защитные герметичные рукавицы. По той руке, которая сжимает узкую и хрупкую ладонь РИ-112, пробегают разряды тока. Нет, она ему совсем не нравится, он и видел-то ее от силы раза два. Но первый поцелуй запомнится навсегда, даже если произошел почти случайно. И оттого смущение еще сильнее накрывает обоих беглецов: они совсем не знают друг друга, оба пошли против правил, но случившееся не вернешь и не исправишь.

Да и, признаться честно, не хочется.

РИ-112 кусает губы, пряча взгляд: в полумраке ее темные глаза чуть поблескивают, и она, не привыкшая проявлять эмоции, боится и смущается еще сильнее. Север оказывается впереди: она устала, не привыкла бегать на каблуках, пусть даже невысоких. На одной из пожарных лестниц каблук неожиданно застревает между ступеньками, с едва слышным треском ломается, и девушка, вскрикнув, падает. У самых железных ступеней Север успевает

ее поймать на лету, и РИ-112 испуганно цепляется за его предплечья.

— Осторожно! Не ушиблась? — он ставит девушку обратно, но та, снова сдавленно вскрикнув, вдруг морщится от боли и начинает оседать на ступеньки. Из глаз текут слезы, размазывая тушь и аккуратно подведенные стрелочки.

— Тихо, не плачь! — Север совершенно теряется, в панике пытается нащупать замок от медицинского несессера, но тут же вспоминает, что при обыске у них забрали все личные вещи. — Погоди, я сейчас... Сейчас!

Подхватив ее под спину и под колени, парень медленно спускается на лестничный пролет, опасаясь тоже споткнуться в темноте: его невольная спутница высокая и, хотя стройная, вовсе не пушинка. Тоненько всхлипывая от боли, РИ осторожно обнимает его за шею, боясь, что он не удержит и уронит. Но Север бережно опускает ее на пол, снимает с правой ноги туфельку: стопа распухла, и очевидно, девушке больно ею пошевелить.

— Ничего страшного. Это вывих. Быстро пройдет, — Север неловко гладит девушку по голове, убирает с лица прилипшие к мокрым щекам волосы, ласково проводит пальцем по контуру мягкого, чуть заостренного подбородка. — Как тебя зовут на самом деле?

— Никак, — РИ-112 снова удивленно хлопает мокрыми от слез ресницами. — Ай, больно, что ты делаешь!

Продолжая ощупывать ее ногу, Север смотрит исподлобья:

— Так не бывает. Назвали же тебя как-то родители?

— У меня нет родителей, — РИ всхлипывает, размазывая косметику по щекам и под глазами. — Вернее, есть, но я их не знаю. Нас воспитывает Система. Сначала дом ребенка, потом подготовительный центр, потом — учебный, потом — распределение и работа... Буквы личного кода — это имя и отчество. Но я не знаю, как меня зовут... Никто не знает своего обычного имени.

— Хорошо, — юный медик сдувает со лба взмокшие белые пряди. — Тогда я буду звать тебя Римма.

— Как?

— Римма, — повторяет Север и резко дергает. Всю ногу на мгновение прошивает болью, но, не успеваешь РИ-112 снова закричать, как он крепко прижимает ее к себе и покачивает, успокаивает, как маленькую. — Тшш, тихо, все хорошо. Ты молодец. Сейчас пройдет, вот увидишь.

РИ-112 беззвучно плачет, уткнувшись ему в плечо. И не помнит, когда плакала последний раз. Когда последний раз она проявляла настоящие эмоции: не сдержанно-спокойную улыбку при вручении аттестата зрелости, не суровую строгость при прохождении распределения, ни хладнокровное спокойствие при выполнении очередного задания инфоцентра, а такие — изумление, страх, радость, волнение, возможность плакать и невозможность сдержаться. И хотя все это так чуждо, странно и незнакомо выросшей под руководством Системы девушке, она не может не признаться, что ей это нравится куда больше, чем жизнь по расписанию и предписанию.

— Ну, куда теперь?

Неожиданно Север снова поднимает ее на руки. Несмотря на то, что он сравнительно невысокий и на первый взгляд не выглядит особенно сильным, РИ неожиданно доверяет ему, понимает, что он не уронит и не сделает ей больно. Снова неловко обняв его за шею, как тогда, на лестнице, она шепотом отвечает:

— Теперь на четвертый этаж. Спуститься можно здесь и выйти в общий коридор. Там в

конце будет лифт-телепорт. Выбери цифру 4 и кабинет 403.

— А что там?

— Это... это кабинет АН-322. В личные комнаты нам с тобой сейчас лучше не возвращаться.

— Понял, — кивает Север и, подхватив ее поудобнее, продолжает спускаться и выходит в общий коридор, залитый светом лент, наполненный неясным жужжанием голосов, писком автоматических дверей, роботов-ассистентов. На странную парочку многие обращают внимание и оборачиваются вслед, но РИ-112 прячется, зарываясь лицом в рубашку Севера, тонко пахнущую мятой и морем, а тот, в свою очередь, не отвечает на любопытные взгляды и не останавливается до самого телепорта.

— РИ! Это ты? — неожиданно из-за поворота подбегает бывшая однокурсница и бесцеремонно загораживает дорогу. — Что случилось? Кто это с тобой?

— Упала на лестнице, подвернула ногу, — спокойно поясняет Север. — Идем в медпункт.

— Ааа, — разочарованно кивает девчонка. — Ну ладно... Выздоровливай, РИ!

Та не отвечает, отвернувшись. Где-то в глубине проносится только одна мысль: имя Римма ей очень нравится. И тонкий мужской одеколон с ароматом бриза и свежести кружит голову, как холодный северный ветер.

Наконец подходит их очередь, и телепорт любезно распахивает фосфоресцирующие двери. Север теперь не рискует заходить куда ни попадя, однако РИ-112 с улыбкой успокаивает:

— Не бойся, телепортом все пользуются. Можно без доступа, он общественный.

— Ну смотри. Если что, вместе застрянем, — шутливо подмигивает парень и заходит, не без опаски оглянувшись, нажимает комбинацию цифр. Не проходит и секунды, как двери снова раскрываются, только на этот раз в другую сторону и на другом этаже, прямо напротив кабинета с табличкой 403.

Дорогие читатели!

Очень прошу не придирайтесь к откровенному фэнтези в этом эпизоде:>

— Нажми кнопку вызова, — просит Север. — У меня руки заняты... тобой, между прочим.

Не удержавшись и фыркнув, девушка нажимает на вызов. Шлюз почти сразу же распаивается, на пороге появляется инженер АН-322 с личным роботом-помощником на плече. Он выглядит совсем по-домашнему: в рубашке, полосатом жилете и теплых брюках, его смена уже закончилась, и он собирается уходить, однако неожиданное появление ребят-стажеров его удивляет. Он надевает очки, изумленно всматривается в покрасневшего Севера, в лицо донельзя смущенной РИ-112.

— Проходите, проходите, не стойте на пороге! — суется он наконец. — Дима, опусти ее в кресло. Тяжело ведь. Сейчас посмотрим, что у нас есть... Рассказывайте, что произошло.

— Упала, — нехотя отзывается РИ-112. — На лестнице. Подвернула ногу.

— Говорил я, что каблук твои здоровья не прибавят, — ворчит старик-инженер, из недр шкафа извлекая коробку из герметичного пластика с надписью “Опасно! Не вскрывать”. В ней ровными рядами лежат длинные ампулы с тонкими носами, заполненные полупрозрачной голубоватой жидкостью, и диски с автоматизированными гнездами для игл. Север заглядывает инженеру через плечо, пока тот ищет в коробке нужное средство:

— Это что?

— Это наша секретная разработка, — подмигивает АН-322, ловко ссаживая с плеча робота-помощника и переключая его с режима отдыха на режим уборки. — Новейшая медицинская технология. Воскрешать людей мы пока не научились, зато на самом краю можем спасти их от смерти. Одна такая ампула, — инженер-химик поглаживает длинный тонкий нос пробирки большим пальцем, — может практически полностью перезапустить все жизненные процессы в организме. Остановить заражение, срастить переломы, улучшить свертывание крови, очистить ее при необходимости, обновить ткани поврежденных внутренних органов. Кладезь, а не лекарство. РИ, снимай обувь...

— Меня зовут Римма, — вдруг говорит девушка шепотом, мгновенно заливаясь краской и крепче сжимая мягкие белые подлокотники. Север довольно улыбается, а АН-322 переспрашивает:

— Что?

— Я хочу, чтобы меня звали Римма, — повторяет девушка уже смелее, взглянув ему в глаза. — Мне это нравится больше, чем просто код.

— Так нельзя, это не по правилам, — разводит руками инженер, но потом, взглянув на хитро улыбающегося Севера, обрывает фразу, не договорив. — Ну... будь по-твоему. Римма так Римма. Только между нами.

Девушка снимает с больной ноги туфельку и гольфы из легкой капроновой ткани. Север опускается у кресла и пристраивает ее ступню к себе на колено.

— Что надо сделать?

— Пять миллиграмм сыворотки разбавить кубиком лидокаина и ввести местно. Чем больше доза, тем сильнее лекарство воздействует на организм, но в здоровом теле оно может запустить обратный процесс. Не перестарайся.

Север, сосредоточенно закусив губу, нахмурившись и даже не смахивая с глаз мешающую челку, разводит раствор, набирает половину маленького шприца и дрогнувшей рукой выбивает из него пузырьки воздуха.

— Вена проходит под щиколоткой. Не бойся, в любом случае, в такой пропорции хуже не сделает, — подсказывает АН-322, присев напротив и рассеянно почесывая за ухом локатором робота-помощника. Больше всего робот напоминает маленькую собаку, не больше двух ладоней размером, но вместо лап у него — руки-пружинки, вместо глаз — лампочки с дневным, ночным и инфракрасным режимами, вместо ушей — локаторы с динамиками, а вместо шерсти — нержавеющей белое покрытие.

Римма снова морщится от боли, когда Север устраивается поудобнее, но вскоре ее лицо преобразается, смягчается, на нем явственно читается облегчение. Лекарство действует местно практически сразу: можно увидеть, как быстро спадают отек и покраснение, и спустя две минуты Римма спокойно шевелит ногой, легко на нее наступает и ходит по кабинету от стены до стены, даже не хромя.

— Спасибо! — улыбается она инженеру, а затем, снова смущенно опустив глаза, кивает еще и Северу в знак благодарности. Даже робот-помощник виляет антенной, когда инженер наклоняется его погладить. — Вам сейчас нужно чем-нибудь помочь?

— Да нет, — АН-322 пожимает плечами, рассеянно оглядывая просторы кабинета. — Можешь посидеть тут, если не хочешь идти к себе. Дима, а ты поди-ка сюда. Есть разговор.

Север подходит к маленькому дисплею личного компьютера инженера. Тот выводит на экран скриншот, сделанный накануне утром: часы с тремя изящными черными стрелками, замершими возле цифры 12. Очень удивительно, что они сделали скачок почти через половину циферблата, но если они предупреждали хозяйку об опасности, то сейчас, видимо, должно произойти что-то очень страшное. Только если уже не произошло.

— Это Тишины, — снова замечает Север, намереваясь продолжить свои утренние догадки, но инженер останавливает его легким движением руки.

— Я помню. Хотел поговорить про них и... про нее. Я не то чтобы прошу услугу за услугу, но мне очень нужна твоя помощь. Нет хуже дурака, чем старый дурак, — усмехнувшись, он устало опускается в крутящееся кресло напротив компьютера, сжимает виски ладонями, и Север опирается на высокую мягкую спинку. — Не подумай, что я сошел с ума, но мне эти часы что-то очень напоминают. Никак не могу взять в толк, что именно, — задумчиво и будто бы потерянно хмурясь, он снова по привычке скребет густую седую щетину. — Ты не мог бы... рассказать про нее?

Север задумчиво ерошит длинные волосы, теревит волнистую челку. Что он может рассказать про свою соотрядницу? Она хороший и верный друг, очень умная и веселая девчонка, хотя и немного замкнутая. Не красивая, но приятная, совсем не похожа на ту же красотку-Сойку или кукольно-хорошенькую Римму, но и в ее простой, милой внешности есть свой шарм. Любит вишневый сок, белый шоколад, имбирное печенье и чай с разными вкусами. Ой, это, наверно, не нужно... Она легко учится, много запоминает, не боится совершать ошибки и исправлять их. Ответственная, хотя часто ворчит из-за того, что ее назначают в чем-нибудь главной. Смелая и отчаянная: взять хотя бы историю ее прошлого.

Потеряла всю семью, пережила страшную болезнь и все равно нашла в себе силы и решимость прийти на службу, чтобы найти последние ниточки, связывающие ее с прошлым. Про часы она тоже любила говорить, хотя эта тема была для нее не самой приятной. Говорила, что дед подарил, и часто вспоминала его с теплотой, хотя его не стало почти десять лет назад...

— Стой. Довольно, — тихо перебивает его АН-322. — Оставайся здесь и никуда не уходи. Пусть РИ... Римма тоже останется. Я должен срочно кое-что узнать.

С этими словами инженер неожиданно прытко для своего возраста поднимается с кресла и, сменив домашние тапочки на удобные кроссовки без шнурков, исчезает за шлюзом. Кабинет запирается снаружи, но ребята не волнуются: почему-то именно здесь они чувствуют себя в безопасности.

До кабинета директора инфоцентра не так уж и далеко: всего три этажа, но инженеру АН-322 коридоры и телепорты кажутся бесконечно долгими. Почти бегом он добирается до нужного кабинета, впечатывает в стену кнопку вызова. Еще раз, и еще, и еще, до тех пор, пока директор не появляется на пороге собственной персоной.

Директор выглядит устало. Под глазами залегли темные круги, между бровей пролегла морщина, волосы растрепались, идеально застегнутый комбинезон расстегнут сверху, а ремень болтается, не затянутый до конца.

— Что вам нужно? — холодно и не особенно вежливо интересуется директор, скользнув взглядом по не менее усталому и встрепанному первому помощнику. — Мой рабочий день закончился.

— Освободите тех двоих из бункера. Немедленно, — резко выдыхает инженер и, едва договорив, устало прислоняется плечом к шлюзу, держась за сердце. Директор хмурится, скрестив руки на груди и отступив на шаг.

— Что это значит?

— Я работаю на вас десять лет. Неужели вы не можете выполнить одну-единственную просьбу?

— Ваша просьба была бы исполнена без разговоров, если бы не касалась напрямую политики Системы!

— И тем не менее я настаиваю. Освободите их.

— Зачем?

— Я должен поговорить... допросить девушку, — инженер поправляется, снова чувствуя на себе гневный взгляд начальника. — Насколько мне известно, это у нее были изъяты любопытные гаджеты?

Тяжело вздохнув и возведя глаза к потолку, директор машет рукой:

— Проходите, — а в личный коммуникатор отдает приказ дежурным безопасникам спуститься в бункер.

На столе перед ним, накрытые герметичным стеклом, лежат часы с тремя черными стрелками на тонком серебряном ремешке и маленький блок с наушниками в форме капли. АН-322 бросается к столу вперед директора:

— Это ее вещи?

— Да вы присядьте, успокойтесь, — холодно приказывает директор у него за спиной. — Вам нельзя волноваться с больным сердцем. Да, это ее. Часы с бионическим механизмом, почему-то застрявшие на отметке 12, и мнемотранслирующие наушники. У кого дополнение к ним, неизвестно: среди тех, кто здесь есть — ни у кого не нашли. Впрочем, это пока

неважно. Можете взять на технический анализ, это, кажется, по вашей части.

Осторожно приподняв стекло, АН-322 берет часы. Серебристый ремешок мгновенно теплеет и ложится в ладонь, как живое существо. Стрелки все разом судорожно вздрагивают, описывают полный круг и снова замирают у ярко горящего последнего числа. Инженер медленно опускается в кресло, хмурясь и потирая переносицу под очками.

Перед глазами проносится вся жизнь. Большой светлый мегаполис, трехкомнатная квартира на окраине, обклеенная забавными гифографиями, на которых и он сам, и молодая женщина с книгами, чашкой кофе и разнообразными модными платками, и высокий нескладный паренек в очках и строгом костюме, и маленькая девочка с большими глазами и густой челкой: то с охапкой пестрых цветов, то с книгами, как мама, то в нелепой шапке-ушанке, завязанной под подбородком, то у него на коленях — с очень серьезным видом трогает до боли знакомый серебристый ремешок.

“Деда, а что такое космос? Мне Женька сказал, что он большой, но его не видно!” — и он, выключая повсюду свет, выводит на прозрачный сферический дисплей карту звездного неба с рисунками созвездий, а она с восторженным визгом хлопает в ладоши, когда посреди карты включается огромное Солнце.

“Деда, смотри, это ты!” — на графическом мониторе яркими цветами изображен нелепый чудик в очках, окруженный похожими на шары пробирками и какими-то очень странными, но забавными штуками.

“Деда, покатай!” — с разбегу она прыгает ему на спину, и он, подхватывая легко, как пушинку, забрасывает ее на одно плечо и направляется гулять в ближайшую рощу, защищенную куполом, а девчушка заливисто хохочет и тянется за клейкими листочками берез.

“Деда, а ты когда еще придешь?” — из-за герметичной перегородки дрожащий голосок слышится глухо, будто из-под воды, и маленькая ладошка прижимается к стеклу по ту сторону, а он со своей стороны тоже прикладывает ладонь и, выдавливая из себя улыбку, обещает: “Послезавтра, детка”.

“Деда, а скоро весна... Как ты думаешь, я увижу весну?” — от широкой улыбки осталась лишь тень, вместо двух тугих косичек — редкий волнистый пушок, на исхудавшем бледном лице — одни глаза, огромные, полные слез и в то же время надежды. И он, силой заставляя себя улыбаться, смахивает капли с уголков глаз: “Ну что ты такое говоришь? Обязательно...”

Правда, он сомневается в том, что увидит эту весну сам. И, придя ее навестить в следующий раз, отдает ей свои часы и обещает: “Чем чаще ты смотришь на эти стрелки, тем скорее придет весна”. “Эти часы волшебные?” — спрашивает она, хотя в свои восемь лет уже не очень-то верит в сказки. “Конечно, — с самым серьезным видом кивает он. — Когда-нибудь они спасут тебе жизнь”.

Сердце болит и ноет, жизнь перед глазами мелькает, как огромное цветное полотно, и вместе с каждым кадром возвращаются воспоминания. Воспоминания о молодости, о семье, о себе, о том прошлом, которое десять лет назад так предусмотрительно стерли. Однако он понимает, что если выдаст себя сейчас — все пропало. И ребятам не поможет, и ее не спасет.

— Вам плохо? — сквозь густой туман доносится в третий раз заданный вопрос директора. Тонкие холеные пальцы щелкают перед лицом. — Может, лекарство?

— Да... пожалуй, — соглашается инженер. И устало откидывается в кресле, не сводя глаз с серебристых часов на столе.

Ярко освещенный коридор сменяется глухим рукавом. Вдалеке виднеется слегка подсвеченный шлюз, но он закрыт, а карты доступа нет. Телепорт должен быть где-то рядом, но мы бежим уже добрых двадцать минут, петляя по лестницам и этажам, а его все нет. Отчаянный вой сирены, голоса, крики и выстрелы сзади подгоняют, но быстрее не получается.

Мы бежим, не разбирая дороги. Позади остаются десятки запутанных коридоров, настесь распахнутых шлюзов. Сигнализация воеет на всех этажах, на светодиодных лентах вдоль стен пробегают красные индикаторы, пол вибрирует под ногами, а я задыхаюсь от быстрого бега. Ребята оставляют меня позади и оборачиваются только у телепорта. Мигающие неоновым синим, створки его капсулы вот-вот захлопнутся, а в одиночку я не смогу попасть никуда, потому что ключ-карту с высшим доступом Ветер оставил у себя.

— Сеня! Давай! Сенька, быстрее! — Сойка, Часовщик и Север изо всех сил удерживают двери телепорта. В нескольких шагах я вижу, как они, сжав зубы, жмурятся от напряжения, и, отвлекшись, поскользываются на ленте. Сзади уже доносятся крики служащих и топот тяжелых сапог, а у меня мир мелькает перед глазами...

Но кто-то помогает мне подняться, в последнее мгновение мы забегаем в лифт. Часовщик и Сойка с облегчением отпускают капсулу, Ветер быстро набирает код, и мы взлетаем за долю секунды. Кабина вспыхивает неоновым светом, телепорт оглашается всеобщим “ура”. Еще минута — и мы на свободе!

Двери лифта открываются, яркий синеватый свет бьет по глазам. Напротив телепорта, у выхода, стоит вооруженный отряд, и, едва мы успеваем их увидеть, как они открывают огонь. От слепящего света я почти ничего не вижу, шарахаюсь назад, больно бьюсь локтем о железную стену. С очередным выстрелом кто-то падает навзничь рядом, и крик срывается быстрее, чем я успеваю подумать:

— Сергей! Нет!

Неожиданно слепящий свет гаснет, чьи-то сильные руки хватают меня за плечи, кто-то крепко, но мягко прижимает к себе, и я рыдаю, цепляясь за пуговицы на его форменной рубашке.

— Тихо-тихо... Сеня, я здесь. Все хорошо.

Дождавшись, пока меня перестанет трясти от рыданий, он отстраняется, холодной рукой трогает мой ужасно горячий лоб. Вместо слов благодарности у меня вырывается сильный приступ кашля.

— Все в порядке? Ты так кричала, что я испугался.

— Кошмары...

— У тебя жар. Кошмары — верный спутник сильной простуды.

Только теперь я понимаю, почему он не хотел, чтобы мы так привязались к нему и друг к другу. Знакомых, но чужих терять хоть и больно, но все-таки легче, чем близких. И в наших условиях любовь, дружба и прочие чувства под негласным запретом: никогда не знаешь, что готовит следующий день. Уже не первый раз меня преследует страшный сон, в котором погибает кто-то из нашего отряда, и всякий раз я просыпаюсь в слезах, но сейчас наставник, очевидно, не выдержал.

Неизвестно, сколько времени осталось позади: вода в большой фляге постепенно

подходит к концу, хотя мы и стараемся ее экономить. Стены и низкий потолок как будто давят со всех сторон, и я либо сижу молча, глядя в одну точку, либо проваливаюсь в сон, больше похожий на забытие. Сквозь мутную пелену чувствую, как Сергей перекладывает мою голову к себе на колени, укрывает штормовкой, но больше не пытается разбудить, растормошить. Наши силы на исходе, и мы оба это прекрасно понимаем, а потому неизвестность гнетет сильнее любых холодных и тесных камер. От нечего делать Сергей иногда отжимается от стены, разминает затекшие ноги и спину, но из-за недавнего ранения быстро устает. Кажется, мы с ним обсудили уже все на свете, но говорить совсем не остается сил, потому что я плохо себя чувствую: возможно, простудилась и просто устала от бесконечного невезения.

Но вот однажды загорается белая полоса индикатора под потолком, герметичный шлюз бесшумно разъезжается в стороны. Из коридора в бункер струится темнота и пронизывающий холод. И как тут люди работают? Это же просто арктические температуры!

Сергей поднимается, встает, закрывая меня. Снизу практически ничего не видно, но я замечаю четыре пары сапог: к нам спустились четверо, двое солдат и двое штатских в красных монолитных комбинезонах. Они все вооружены, но пока не собираются нам угрожать: у работников офиса пистолеты в кобуре на ремне, у солдат — винтовки за плечами и что-то под защитным жилетом, не берусь даже предполагать. Один из пришедших, светловолосый человек в красном, делает шаг вперед:

— Добрый день. Мое имя ЛМ-815. Приказом от третьего января две тысячи стс двадцать второго года вы освобождены и имеете право перейти под наблюдение системы контроля центра. Вы получите право свободы передвижения, но ваша геолокация, встречи с другими элементами Системы и разговоры будут записываться. Вы согласны?

— Да, — отвечает Сергей прежде, чем я успеваю подумать о пользе или невыгодности такого положения.

Нам приходится еще и подтвердить согласие: поставить отпечатки пальцев на сканер, встроенный в электронную версию договора. Сергей отмечает сначала себя, потом, осторожно приподняв мою безвольную руку, прикладывает указательный палец к сканеру. Из черного полупрозрачного экрана, который держит в руках один из военных, поднимается белая голограмма с нашими именами. Меня по-прежнему зовут Васильева Юля, хоть это и неправда.

— Благодарим за содействие, — ровным механическим голосом отвечает менеджер, когда Сергей, а за ним и я оставляем отпечатки пальцев вместо привычной подписи. — Просим вас пройти в инженерно-медицинский отдел для чипирования и внесения ваших данных в Систему.

Я совсем ничего не соображаю, но даже сквозь туман слово “чипирование” слышу очень хорошо. Пол снова плывет и покачивается, и, когда Сергей наклоняется ко мне, слабо сжимаю рукав его рубашки:

— Зачем ты согласился?! Они не дадут нам теперь свободы!

Приступ кашля не дает договорить. Он выворачивает легкие наизнанку, скручивает судорогами все тело. Сергей, тяжело вздохнув, снова поднимает меня на руки, и я бессильно опускаю голову ему на плечо. Лбом чувствую колючую щетину наставника.

— Свобода — понятие относительное, — тихо говорит он все с тем же поразительным терпением. — У нас нет другого выхода. Если не хотим стать частью Системы, мы должны покориться сейчас, чтобы потом знать, против чего играем.

— Если согласимся на их условия, то вообще больше не сможем играть, — я снова кашляю, задыхаясь, с трудом могу связать два слова.

— Поторопитесь там, — равнодушно и механически требует человек в красном комбинезоне. Сергей молча кивает и вместе со мной выходит из бункера первым. Когда тесная и холодная камера остается позади, я чувствую, как он неслышно вздыхает с облегчением, вот только мне легче не становится. Яркий свет длинных ламп в коридорах постепенно гаснет, и я не помню, куда и как долго мы идем: иногда открываю глаза, но, кроме потолка и синих светодиодных ламп, ничего не вижу.

Правда, спустя некоторое время они сменяются до стерильности белоснежным монолитным блоком, до боли напоминающим мне больничную палату. Сергея больше нет рядом, а я лежу на кожаном кресле, и в глаза снова светит слепящая лампа. Кто-то наклоняется надо мной, но вместо лиц у людей — маски, которые потом и вовсе становятся размытыми белыми пятнами. Чьи-то руки в стерильных перчатках закатывают мне рукав рубашки, и я понимаю: все кончено. Сейчас настройт микрочип, введут его, и я стану частью Системы, “элементом”, как называют тут людей... Людей ли? Безымянных, бесчувственных, больше похожих на биороботов. И хуже всего мне от собственного бессилия.

Я злюсь на себя за слабость и невозможность сопротивляться, злюсь на Сергея за его странную сговорчивость и игру по непонятным правилам, которая теперь становится бессмысленной. Слезы сползают по щекам и горечью касаются губ, я их молча глотаю и запрокидываю голову, чтобы никто не видел.

Кто-то мягко кладет мою голову ровнее и удобнее. На лицо опускается холодная маска с эфиром, и, вдохнув несколько раз, я снова отключаюсь. Помню только яркий свет, длинные тонкие ампулы и прикосновения чужих рук, неожиданно осторожные и бережные.

Удивительно легко и спокойно становится спустя несколько часов. Жар словно бы отступает, горло больше не болит, и нет больше вечной тяжести в груди, которая сопровождала меня из-за болезни вот уже не первый год. Странно, но разум остается ясным и я не чувствую себя неживым механизмом. Интересно, чувствуют ли что-то механизмы?..

Я пытаюсь подняться, но после наркоза ноги все еще ватные. Медик в белом гермокостюме и изоляционной маске помогает лечь обратно на кушетку:

— Погоди вскакивать, — слышится его хриловатый голос из-под маски, и хотя я еще плохо соображаю, но готова поклясться, что он мне очень знаком. — Поспи еще немного.

Я покорно ложусь обратно, но, не успеваешь медик отвернуться, как дверь в кабинет распахивается, и влетает встрепанный Север:

— Она жива?! Вы сделали?.. Где она? Мы же договаривались!

Если это сон, то я не хочу просыпаться. Сполоснув руки под краном в углу, медик снимает маску, и я вижу знакомые черты, которые вот уже десять лет не могу забыть. Короткая седая борода и усы, очки, сломанные точно посередине и временно-постоянно заклеенные мембраной, добрые голубые глаза и сильные загорелые руки, таким знакомым движением расставляющие пробирки на столе. Я с трудом приподнимаюсь на локте, голос подводит и срывается:

— Деда, это ты?..

Человек в белом костюме оборачивается, и вот уже я уверена, что не ошиблась и ошибиться не могла: даже спустя столько лет я слишком хорошо его помнила и слишком часто вспоминала. Север, хитро улыбаясь, стоит у закрытой двери, из-за его плеча выглядывает незнакомая светловолосая девушка в таком же белом халате, а дедушка

присаживается на край кушетки и берет мою похолодевшую руку в свои широкие теплые ладони.

— Ну здравствуй, Ксюшенька. Узнала-таки...

Только он называл меня таким милым домашним именем. Всхлипываю теперь уже от радости, зарываюсь носом в его комбинезон, насквозь пропахший химией, и чувствую, как он неловко и неуклюже гладит меня по голове. Как?! Как такое возможно?

Север и незнакомая, но очень милая девушка подходят ближе. У моего друга в руках часы — интересно, как он их нашел?

— Возьми, — просит он и тут же сам вкладывает мне в руку холодные звенья. Стрелки больше не сходят с ума, ровно на середине циферблата — отметке 12 — они остановились и, немного погодя, словно бы узнали меня и зашевелились снова. Легкое и едва слышное “тик-так” разбивает напряженную тишину.

— Микрочип, который по распоряжению следовало ввести тебе, теперь в этих часах, — поясняет Север. — Система считает их за живое существо, потому что бионически они настроены на тебя. Проглотила и не подавилась, — добавляет он, и мы невольно смеемся с огромным облегчением, даже дедушка улыбается, и я вижу, как теплеет его мягкий и добрый взгляд, когда от глаз разбегаются лучики морщинок. — Так что, если вдруг соберешься сделать что-нибудь противозаконное — просто сними часы, — заключает он, и мы снова взрываемся хохотом.

— А если серьезно, то Система будет видеть и “читать” тебя только в том случае, если часы будут у тебя на руке. Они входят в твой биоритм, и микрочип внутри тоже реагирует на тебя. Просто не забывай отключаться от Системы, когда захочешь поговорить с кем-то из нас. Лучше пока не проверять, наденешь, когда выйдешь отсюда, — заговорщически улыбается дед. И я впервые без опаски расстаюсь с часами: они уже не первый раз сыграли свою роль, спасли мою жизнь, как обещал дедушка много лет назад. Да... Я ничего не забыла. Судя по всему, и он тоже. И пока я рассуждаю о земных законах, он запускает стрелки на часах, несколько раз поворачивает колесико настройки и возвращает мне: теперь они работают на Систему.

— Но что тогда со мной сделали? — любопытно все-таки, почему я добрых два часа проспала под наркозом, раз уж не было никакой операции. Да и сейчас, хотя самочувствие очень заметно улучшилось, меня все еще клонит в сон.

— Просто немного тебя подлечили, — дед достает из нагрудного кармана комбинезона длинную ампулу с прозрачной голубоватой жидкостью внутри. — Вот, возьми и держи у себя. На случай, если первое введение не сработает, как следует.

— А как следует?

— Секрет фирмы, — подмигивает Север и вдруг протягивает мне руку: — Кстати, меня зовут Дима. А это Римма, — он оборачивается в сторону своей светловолосой спутницы, та краснеет, смущенно улыбаясь, и я понимаю, что между ними произошло что-то, после чего их взаимоотношения изменились в лучшую сторону и уже никогда не будут прежними.

— Сеня, — отвечаю хриплым от волнения голосом и крепко встряхиваю его узкую худощавую ладонь. — Очень приятно. А... где Ветер?

Почти все время, что мы разговаривали, я искала его взглядом и не находила. Кабинет сравнительно маленький, и наставника здесь нет. В очередной раз во мне просыпается жуткий параноик, но это и неудивительно: жизнь сама сделала нас такими недоверчивыми, заставила ходить с оглядкой и переживать за каждого, кого в настоящий момент нет рядом.

— Сергей Иванович убедился, что с нами ты в безопасности, и ушел, а куда — не сказал, — снова успокаивает меня Север. Вернее, Дима... Наверное, тут и правда можно ничего не бояться. — Вместо него элементом Системы стал связной браслет, — наш практикующий медик снова с трудом сдерживает смех, а я наконец-то позволяю себе вздохнуть с облегчением. — Ваши личные вещи отдали на химико-технический анализ, и Андрей Никитич любезно занялся этим сам, — довольная улыбка не сходит с Димкиного, а теперь и моего лица. — И самое крутое, что...

— Дима, — перебивает его бабушка. — Она устала. Дай ей отдохнуть и все обдумать.

— Нет, нет, пусть скажет! — я даже невольно подаюсь вперед. — Мне интересно!

— Оп-па, — вместо ответа Север ловким движением фокусника вытаскивает из-под рукава комбинезона маленькую черную коробочку, и я узнаю мнемопередатчики, те самые, которые на Новый год подарил Варяг. И хотя мне радостно, что они все-таки сохранились, от одного воспоминания о нем больно сжимается сердце: где он? Жив ли вообще?

— Проверь, работают? — Дима включает наушники и протягивает мне. — А то мы, как ни бились, не можем с ними ничего не сделать. Часовщик постарался.

Это точно...

Дрогнувшей рукой вынимаю две черные капли из коробочки и, закрыв глаза, вслушиваюсь в тишину. Чтобы подсоединиться на волну партнера, у которого остался второй девайс такой же настройки, достаточно подумать о нем. Подумать хоть что-нибудь, потому что, если у него включены наушники, он обязательно когда-нибудь услышит и ответит.

Капельки молчат, и я упрямо сжимаю губы. Тикает секундная стрелка, и каждый тихий щелчок отдаляет меня от Варяга. Ребята хмурятся, глядя на меня, а бабушка спокоен: он терпеливо ждет. Но проходит в молчании минута, затем другая... Варяг по-прежнему не слышит и не отвечает.

Прошло уже четыре дня с той самой ночи, как аэромобиль ненароком перелетел Грань. Грани больше нет, аэромобиля тоже: от него осталась лишь груда обгорелых обломков железа, а Грань разрушилась, растаяла всего за какие-нибудь сутки. Черный, мокрый и насквозь прозябший лес выглядит отнюдь не дружелюбно: повсюду туман, снег прячется под деревьями рваными грязными клочьями, пожухлая трава пожелтела от токсичных выбросов, кое-где выгорела после пожара, который, ненадолго разгоревшись и охватив всю поляну, под недавним мощным снегопадом утих сам. Правда, снег так и не остался покрывать землю: из-за климатических проблем зима давно уже не похожа на зиму.

Однако практически полное отсутствие снега не означает, что на земле лежать не холодно. Штормовка вся испачкалась и истребалась, кое-где ее порвали колючие заросли, и греет она теперь гораздо слабее, чем раньше. Укрыться в лесу негде, есть ничего нельзя: уровень токсинов в почве достаточно высокий, такой, что горстью вполне безобидного терновника есть шанс отравиться насмерть. Единственное, что немного спасает от холода и сырости — костер, благо, веток повсюду предостаточно, и рубить их даже не надо: можно собрать хворост на земле, правда, он сырой и приходится долго ждать, пока высушится и перестанет едко дымить. А можно забраться повыше и наломать веток покрупнее, но это редкая удача, потому что без еды остается все меньше сил.

И он решает: надо идти. Пусть не осталось никаких запасов, никаких личных вещей, даже практически никакой надежды на то, что наставник и ребята из отряда живы, — надо идти, надо выбираться из леса, надо найти своих. Надо...

Однако вот уже четвертый день клонится к закату, а он так и не сдвинулся с места. Когда подожгли аэромобиль, взрывной волной его отшвырнуло далеко за деревья. Почти сутки он пролежал без памяти, потом, с трудом преодолевая головокружение и боль во всем теле, смог развести первый костер, немного отогреться и прийти в себя. Подробности последней ночи он хорошо запомнил: аэромобиль совершил экстренную посадку за Гранью из-за повреждения радиатора и двигателя, наставник вышел проверить обстановку, и его сразу же окружили десантники. Варяг тогда тихо и незаметно выбрался из багажного отделения, кого-то спровоцировал, отвлек внимание на себя, но это не очень-то помогло. Ветер был ранен еще до этого, на дежурстве, и не справился в одиночку против четверых: когда его окончательно остановили, у ребят в машине заведомо не было шансов. Варяг был вооружен: тайком вытащил из рюкзака наставника карманный огнестрел, но это не особенно помогло против новейших винтовок и автоматов. Конечно, прятаться в кустах было трусливо, но Варяг рассудил здраво: будет лучше, если хотя бы кто-то один останется на свободе, а геройствовать и изображать самопожертвование, когда есть самые слабые шансы спастись, сейчас точно ни к чему. И он спрятался, затаился в темноте среди густых зарослей. Видел все до конца: как струсил и сдался Север, как выстрелом почти в упор ранили Союку, как Часовщик пытался за нее заступиться и сам чудом остался жив.

Когда дуло чужого автомата ткнулось в затылок Тише, Варяг думал, что он не выдержит, и больших усилий стоило остаться на месте и не вмешаться. Он понимал, что и ей не поможет, и себя выдаст, и поэтому молчал, зло кусая губы и до боли сжимая кулаки. Тиша с такой надеждой оглядывалась по сторонам, очевидно, ища его, но он не стал показываться даже ей: слишком опасно. И потом, когда командир десантного отряда кинул в окно

аэромобиля баллон со взрывчаткой, он сообразил поздно: бросился бежать, петляя и прячась за деревьями, но взрывная волна настигла, сбила с ног и с размаху швырнула спиной на твердую землю. Варяг не помнил, что случилось после: кажется, от сильного удара он потерял сознание, а когда очнулся, было уже светло и тихо.

На выгоревшей поляне остались их вещи: обрывки мембраны с рюкзаков, рассыпанные жетоны, чья-то ключ-карта, разорванные и перепачканные сажей и копотью штормовки девчонок. Варяг тогда оторвал шеврон Цитадели с куртки Тиши: ей сейчас знак отличия точно без надобности, а ему — пригодится, тем более, что собственная куртка сгорела в эпицентре взрыва. Недолго подумав, подобрал и ключ-карту: судя по милому и забавному стикеру в углу, она принадлежала Сойке.

После этого он не раз надевал наушники-мнемопередатчики и мысленно обращался к Тише, но все было тщетно: капельки молчали, она не отзывалась. Он не мог объяснить это, но чувствовал, что она жива, просто не может ответить: то ли девайс отобрали, то ли она просто сама его прячет и опасается пользоваться. Варяг решил не снимать одну капельку на случай, если Тишина позовет его сама, однако время шло, она не появлялась, и он все меньше верил в благополучный исход. И поэтому, когда сквозь лесные шорохи и уже привычный треск костра вдруг пробились до боли знакомый голос, Варяг вздрогнул, выронил наушник и не сразу сообразил ответить.

Мысли у девушки путаются, метаются, как загнанные птицы. Здесь нашлось место и тревоге, и страху, и радости от чего-то, и облегчению, и волнению. Она зовет его, упрямо пробираясь сквозь невообразимую какофонию собственных спутанных чувств, и он молчит несколько бесконечных долгих секунд, слушая ее тревожные взволнованные мысли.

— Я тебя слышу, — думает он наконец, когда бешеный водопад ее мыслей постепенно стихает. Однако, стоит ему подать голос, как поток несется снова, сбивая все на своем пути:

— Варяг! Ты жив! Наконец-то! Я так волновалась!

— Я понял, — усмехается он невольно, с не меньшим трудом пробиваясь сквозь этот самый поток. Эх, девушки, не умеете вы сдерживаться... — Где ты? Что с вами?

— Мы в Системе, но с нами все в порядке, правда, — торопится Тиша, кажется, убеждая больше себя, чем его, что волноваться не о чем. — Представляешь, оказывается, мой дедушка жив, а Сергей, то есть Ветер...

— Подожди, — теперь у самого Варяга мысли скачут и путаются в беспорядке. — Давай по очереди. Ты, главное, скажи: вы живы, здоровы?

— Да, да! — снова мысли-слова вылетают как из пулемета. — Север здесь, правда, где Часовщик и Сойка, мы не знаем, но я чувствую, что с ними тоже все хорошо. Ты сам-то где?

— Я... там, где вы меня оставили, — думает Варяг, в сотый раз оглядывая пустую поляну. — Наверное, пойду обратно на базу, а там доберусь до города...

— Ты можешь найти наших? Хоть кого-нибудь?

Где их теперь искать? После эвакуации на базе Лес не осталось никого, даже начальник покинул свой пост. Куда могли исчезнуть добрых две сотни служащих, наставников и новичков, только если на другую базу? До Моря слишком далеко, вряд ли разумно эвакуироваться туда в срочном порядке. Прятаться в городе явно не вариант: жителей столицы смущать внезапным появлением военные не будут. Значит, остается единственный путь: на базу Горы, правда, как туда добраться, Варяг не имеет ни малейшего представления. Только весьма смутные воспоминания с первых лекций, где рассказывали о географическом положении каждой базы.

— Да, — коротко отвечает Варяг, когда весь этот поток мыслей мелькает за секунду. — Я найду их. Обязательно. Держитесь там, хорошо?

— Ладно, — сквозь мысли Тиши снова пробивается тревога с нотками грусти. Она что... вот-вот заплачет? Жаль, что мнемопередатчики не регистрируют эмоциональное состояние.

— Не бойся. Я всегда рядом, — добавляет Варяг, соображая, что ей сейчас очень нужно это почувствовать. — Я люблю тебя, — думает он и сам же смущается такой мысли.

— И я тебя, — пробивается сквозь страх и тревогу едва уловимый ответ. И наушники снова замолкают.

Теперь он точно не может не реализовать эту идею: он пообещал Тишине, а значит, и ребятам, и наставнику. Если он сдастся сейчас, значит, все, что они уже пережили, окажется напрасным. И, поднимаясь и зябко кутаясь в перепачканный полосатый шарф, Варяг забрасывает костер землей и остатками снега, в последний раз оглядывается на поляну, прячет в карман шеврон с ключ-картой и направляется в сторону, на которую указывает полусгоревший хвост аэромобиля.

Зимой в лесу темнеет рано, а идти без фонаря по темноте — только заблудиться. В карманном огнестреле, который он позаимствовал из рюкзака Ветра — четыре пули, не так уж и много, и тратить их впустую — просто преступление. Но вспоминается кое-что из рассказов отца... Когда Варяг еще не стал Варягом и служащим Цитадели, а рос просто мальчишкой по имени Юрка, не было радиации, не было опасности в каждом шаге. Отец часто брал его, маленького, в походы: они забирались невысоко в горы, ходили по едва различимым дорожкам в лесной чаще, как настоящие бродяги, спали в палатке, сплавливались на байдарке по извилистым речкам за городом. Папа уже двадцать с небольшим лет работает геологом и знает очень многое: как развести костер под дождем и снегопадом, как быстро высушить мокрые и грязные вещи и согреться, как соорудить укрытие из подручных материалов — камней, веток и земли, как ориентироваться без гаджетов и компаса, как не заблудиться или найти нужную дорогу, если это все-таки случилось.

Когда становится совсем темно, Юрка находит большой сук с рогаткой на конце. Оторвав край от рубашки, устраивает в разветвлении что-то вроде гнезда, складывает горкой высохший еловый лапник, очищенный от игл. Относит конструкцию на вытянутую руку, целится и коротко стреляет в самый центр. Сухая растопка мгновенно вспыхивает, пламя взвивается вверх, но быстро успокаивается, и импровизированный факел горит ровно, изредка колеблясь от дыхания сырого ветра. Яркое рыжеватое пятно выхватывает из темноты ближайшие деревья, сухие пни, дорогу на пару метров вперед.

Юрка совсем не чувствует усталости. Ноги несут его сами, дорога кажется знакомой, хотя это лесной парадокс: в лесу все дороги кажутся знакомыми. Но спустя три-четыре часа он вдруг понимает, что все-таки заблудился даже с факелом. Куда летел аэромобиль и где разворачивался, запомнить и отследить было невозможно, поэтому уже весь вечер он идет наугад и, конечно же, упирается в одну большую проблему. Чем быстрее он дойдет до базы, тем быстрее найдет способ связаться с остальными, теми, кто успел эвакуироваться, правда, пока совершенно нет идей — как именно. Да и дороги на базу нет, и базы тоже.

Факел догорает, дразняще бросаясь искрами и тихо потрескивая. Круг света от него становится все меньше и темнее. Слабость, родившаяся в уставших ногах, постепенно растекается по всему телу, словно заливая в руки и ноги свинец, а в глаза — темноту и туман. Пробираясь сквозь колючие кусты, вылезая из ям и небольших скользких оврагов,

Юрка, наконец, падает от усталости. Факел, осыпавшись пеплом на прощание, гаснет совсем, и Варяг засыпает почти мгновенно, едва щека касается холодной и мерзлой земли.

Спустя четверть часа он вскакивает, будто от удара. Вспоминаются отцовские наставления: зимой на снегу спать нельзя! Земля быстро остывает и тянет тепло: не заметишь, как замерзнешь и не сможешь пошевелиться. А сейчас нет ни костра, ни теплых вещей, и Юрка запоздало чувствует, как пальцы немеют, а уши и щеки горят от холода. Прыгает на месте, машет руками, греясь, и вскоре понимает, что разбудила не случайная мысль, а мерное, монотонное гудение. Оно приходит с северо-востока, и Варяг хорошо знает, что это.

Пока что, к счастью, слышен только звук, летящий впереди, и отдаленно чувствуется едкий запах. Иодоводородная кислота действует на человека мгновенно, оказывает активное коррозионное действие на ткани и металлы, легко сжигает любой биоматериал. Видно, дроны действительно не прилетали целенаправленно на базу, а лишь окружали ее и распыляли ядовитый аэрозоль там, где теоретически, по расчетам граждан Системы, база могла находиться. Варяг поспешно стаскивает с себя оба свитера и верхние мембранные штаны, оставаясь в простом флисовом спортивном костюме. Кубарем скатывается в овраг, перетаскивает большие и средние камни ближе к огромным замшелым валунам, которые сдвинуть с места не представляется возможным. От работы жарко: краснея и отдуваясь через каждые пять шагов, он сооружает некое подобие колодца, скользя по гладкой замшелой поверхности, забирается внутрь, поправляет импровизированную крышу и закрывает одеждой рот, нос, прячет руки в рукава, сворачивается клубочком на дне каменного колодца и старается дышать как можно меньше.

Монотонный механический гул приближается, резкий удушливый запах становится все сильнее. Совсем не дышать невозможно, и Юрка коротко вдыхает, а потом задерживает дыхание надолго, как под водой. Дроны кружат над лесом, распыляя кислотные пары и смешивая их с легким мелким снегом. Варяг задыхается в своем укрытии, едкие нотки кислоты пробираются даже сюда, и даже сквозь несколько защитных слоев одежды. Он кашляет, не в силах сдержаться, и помнит, что глубоко дышать нельзя: резко вдыхает в плотную ткань свитера. Воздуха недостаточно, а чистого и вовсе больше нет. Легкие горят огнем, кашель мешает дышать, внутри все будто рвется на части: он сплевывает кровавый сгусток, глаза слезятся, но вытереть их тоже нельзя. К горлу подкатывает тошнота, но он с трудом сдерживается, и лишь когда затихает вдали монотонное гудение, спустя добрых десять минут пытки, он позволяет себе встать в каменном укрытии.

Ноги становятся ватными, в ушах шумит, и его тут же выворачивает наизнанку: едва успевает схватиться рукой за холодный замшелый камень, чтобы не потерять равновесие. Вокруг дымятся остатки травы, тяжелыми шапками с деревьев падает снег. Чтобы идти дальше, надо ступать по камням: кислота не взаимодействует с ними, а значит, на них будет более-менее безопасно. Шатаясь, кашляя и задыхаясь каждую минуту, Варяг медленно пробирается по скользким серым булыжникам, уже не заботясь о верном направлении.

Светает поздно: около девяти часов. Тусклое серое солнце, чуть только показавшись низко среди деревьев и рваных клочьев облаков, снова прячется в тумане, и день, едва начавшись, уже гаснет. Помимо отвратительного состояния Варяга клонит в сон: последние четыре дня он ничего не ел и только сейчас ощущает, насколько сильно устал. Вода в личной фляге закончилась прошлым утром, но, не успевает он в очередной раз подумать о безнадежной затее, как за деревьями поднимается огромный лесной коттедж в два этажа с

затемненными окнами, широким крыльцом и заснеженной двускатной крышей. “База!” — радостно проносится в затуманенном сознании. Со стороны и для непосвященных она выглядела как-то так, напоминая самый обыкновенный большой дом. Почти бегом — насколько это возможно — Варяг добирается по камням до деревянных ступеней, с разбегу, не удержав равновесие, едва не летит носом в пол и прикладывает к двери Сойкину ключ-карту.

Ничего не происходит.

Конечно, понятно, что все эвакуировались и на базе никого нет, но...

Из последних сил Варяг стучится, цепляясь за круглую ручку, заглядывает в тонированные окна, но там ничего не видно. Сначала рукой, ладонью, потом кулаком, расцарапав кожу на костяшках пальцев, потом — тяжелым ботинком. В доме тихо, и, зло выругавшись с досады, парень с размаху бьет в дверь обеими ладонями и прижимается лбом к теплому, пахнущему хвоей дереву... Очередной приступ кашля скручивает и не дает дышать. Воздух из легких вырывается с каплями крови.

Но вдруг дверь открывается, едва не ударив его. На пороге стоит женщина в защитной маске и гермокостюме. Ее длинные волосы темным водопадом струятся по плечам, но Варяг успевает заметить, что шеврона Цитадели на ее костюме нет, да и вообще одежда не форменная.

— Помогите, — шепчет он хриплым сорванным голосом и совершенно без сил падает плечом на распахнутую дверь. Изумленно ахнув, женщина подхватывает его под руки и, обернувшись, кричит вглубь коридора:

— Максим! Иди сюда!

Вдвоем с мужем они заводят его в дом, усаживают в глубокое мягкое кресло с подогревом. Варяг безостановочно кашляет, задыхаясь, и мужчина — очевидно, хозяин дома — приносит ингалятор, помогает парню пристроить маску на лицо. Маска наполняется свежим ароматом эвкалипта и можжевельника, и хотя поначалу не получается глубоко вдохнуть, через пять минут становится ощутимо легче.

— Спасибо, — наконец тихо говорит он.

— Как ты здесь оказался? Во время химической атаки ни в коем случае нельзя выходить на улицу! — женщина обеспокоенно заглядывает ему в лицо, разворачивает к свету, придерживая за подбородок. — Какой ты бледный... Ну конечно. Еле живой. Отдохни, потом все расскажешь. Сейчас поешь, потом можешь прилечь. Душ справа по коридору, диван в твоём распоряжении.

С этими словами она пультом управления вызывает кухонного робота, и тот выезжает из-за угла, держа на лапе-пружинке поднос с едой. Тарелка горячего грибного супа, мясное рагу, свежий хлеб и дымящаяся чашка чая после четырех дней вынужденного голода сводят с ума, и Варягу стоит больших усилий вежливо поблагодарить и аккуратно приняться за еду. В доме уютно и спокойно: мягкая светлая мебель, высокие окна от пола до потолка в гостиной, на деревянных самодельных полках — мелкие безделушки, гаджеты и книги, повсюду сладко пахнет ванилью и сандалом: впрочем, после едкого кислотного дыма любой аромат покажется чарующим. Чтобы не смущать нежданного гостя, хозяева поднимаются на второй этаж, и Варяг, засыпая, слышит их приглушенные голоса, тихий гул телевизионной стены и тоненькое попискивание робота-помощника на подзарядке.

К полудню он чувствует себя гораздо лучше, и хотя глубокий сухой кашель по-прежнему изводит, у него есть силы на разговор. Хозяин, мужчина лет сорока пяти с явной военной

выправкой, просит не особенно церемониться и звать его просто Максим, хозяйка Алена — то ли его жена, то ли просто подруга — в разговор не вмешивается, молча рисует на графическом мониторе, сидя по-турецки на ковре у электрокамина.

— Она у меня художница, — Максим ласково ерошит густые каштановые волосы Алены, проходя мимо, и Варяг чувствует, как в груди поднимается давно забытая волна теплоты дома. — Потом покажем тебе картины, если захочешь. Ну, рассказывай. Что ты делал в лесу во время тревоги?

— Я с базы Цитадели, — вытащив из кармана помятый и испачканный сажей шеврон, парень протягивает его хозяину в подтверждение, и тот задумчиво хмурится, расправляя обрывок ткани. — Меня зовут Варяг... То есть Юра. Из-за того, что Грань исчезла, служащие с базы эвакуировались, а мы... В общем, мой отряд по некоторым причинам не успел улететь со всеми. Я знаю, что они в Системе. И мне очень нужно попасть на базу Горы...

— До Гор пешком ты и за неделю не доберешься, — качает головой Максим. — Сейчас я тебя огорчу, но база вообще в другой стороне. Дроны очень часто промахиваются и летают большими кругами над лесом.

— А как тогда?.. — Варяг поднимает голову и замолкает, не договорив, потерянно глядя на хозяина дома. — Чем быстрее, тем лучше. Мне помочь им надо, понимаете? На базе Горы должны быть в курсе, что наш отряд пропал, но они не знают, что мы живы, не знают, где мы! Я один остался, но у меня даже средства связи нет. Коммуникатор забился снегом и испортился, связной браслет... потерял, наверно.

— Что же ты собирался делать на своей базе?

— Ну, для начала связаться с Горами... — Юра задумчиво скребет пробивающуюся светлую щетину. Бриться не стал: ему кажется, так серьезнее. — Потом, может, долететь туда...

— На чем? — вопросы Максима больше напоминают допрос, чем доверительный разговор, но так, без лишних слов, даже проще.

— Вдруг там остались аэромобили... У меня нет прав, но сейчас уже все равно...

— Это вряд ли, — коротко отвечает он и, недолго думая, бросает на плечи защитную куртку-мембранку, берет из медицинского отдела маску и протягивает запасную все еще кашляющему Варягу. — Времени мало. За мной. Аленка, к ужину не жди.

Максим целует женщину в уголок губ и быстро выходит. Юра, поспешно натягивая маску, шепотом благодарит хозяйку и выбегает за ним.

Дисплей связанного браслета в очередной раз гаснет. Загрузка не приводит ни к чему, связь молчит, и Мелисса, безнадежно уронив голову на руки, беззвучно плачет, всхлипывая, срывает с запястья бесполезный браслет. Фауст, вздохнув, мягко опускает руку ей на плечо: теперь ему не до шуток и не до флирта с симпатичным санинструктором, беда одного отряда объединила всех.

— Не плачь, — тихо повторяет он в сотый раз, глядя мягкие светлые локоны напарницы. — Они живы. Я уверен. Их уже ищут.

Но эти слова, сказанные не в первый раз, не утешают Мелиссу: она рыдает только сильнее, уткнувшись в локоть.

— За Гранью ничего нельзя отследить...

— Грани больше нет. Разве ты забыла?

И то правда: она ведь разрушалась, когда они улетели. Вполне возможно, что сейчас растаяла совсем. Но и от этого не становится спокойнее.

— Сережа... — она всхлипывает, совсем по-детски размазывая слезы по щекам, заикается от рыданий. — Ну как такое могло случиться... С ним-то...

— С кем угодно из нас могло, — резонно отзывается Фауст, но тут же замолкает, понимая, что не доказательства и не споры сейчас нужны плачущей коллеге. Он давно понял, что Мелисса равнодушна к Ветру, замечал, как она смотрела на него с восхищением и бесконечной нежностью, где-то глубоко внутри сердился на товарища за то, что он упускает такой шанс, живя собственным прошлым. И теперь, когда лед едва тронулся, они и вовсе могут потерять друг друга: хотя бы от одного этого Мелиссе становится невыносимо.

— Ну почему он не отвечает, — она снова плачет, вздрагивая от всхлипов, и Фауст предлагает ей воды. Ее рука дрожит, и ему самому приходится напоить ее. — Не может же быть... Ну не может...

Она даже боится сказать о смерти, она не верит. Фауст тоже, разумеется, не верит: сколько раз они бывали в переделках и похуже! Однако теперь ситуация усложняется тем, что опыта непосредственного контакта с противником у них еще не было. Кто знает, что ждет ребят по ту сторону. И он не имеет права винить Мелиссу в слабости.

— Конечно, не может, — успокаивающе шепчет Фауст, снова и снова глядя напарницу по плечу. — С ними все в порядке, веришь мне? Их обязательно найдут. И обязательно оттуда вытащат.

Мелисса, всхлипнув в последний раз, возвращает связанной браслет на положенное место и изо всех сил старается взять себя в руки. Служба — не место для слез и сентиментальности. Даже если ты безумно влюблена в коллегу, с которым случилась беда.

База Горы была предупреждена об эвакуации базы Лес, поэтому после прилета аэромобилей суматохи не произошло. Наставники распределили своих подопечных временно по другим, местным отрядам, пострадавшим сразу же оказали медицинскую помощь, а те, кто был в силах и в состоянии держаться на ногах и думать холодной головой, собрались в общем зале для обсуждения дальнейших планов.

В горах гораздо красивее, чем в лесу: вместо окон — небо, вместо наскучившей густой зелени — пронзительный, звонкий и морозный простор. Заснеженные хребты и вершины

видны с верхних этажей: нередко туда отправляются короткие экспедиции для оценки состояния Грани, предупреждения артиллерийских или воздушных атак. Местные не боятся кислотных осадков и химических нападений, но у них другие проблемы, которые теперь становятся общими с проблемами товарищей. Наставники объединяются, не делая различий между собой и коллегами с другой базы: чтобы победить в будущем, нужно объединить силы прямо сейчас.

В конференц-зале сегодня нет новичков, вчерашних подростков, которые в большинстве своем до сих пор воспринимают службу как игру, новое увлекательное, хоть и опасное, приключение. Все собравшиеся — наставники и старшекурсники, которые давно усвоили: Цитадель создана не для того, чтобы они остались живы, а для того, чтобы те, кого они защищают, не погибли. Да, непросто ощущать свою жизнь разменной монетой, но все-таки лучше знать, что она проходит, а потом обрывается не напрасно.

Большинство залов базы Горы располагается под уклоном. Кресла-капсулы настроены на режим увеличенной подачи кислорода, чтобы служащие с других баз, непривычные к другому климату, не страдали от горной болезни, головокружения и повышенного давления. Комфортные условия напоминают кинозал высшего класса, вот только действие, разворачивающееся на 3D-экранах, хоть и похоже на фильм, является самой настоящей и пугающей реальностью. Лесные пожары, шторм на море, землетрясения и лавины в горах — все это связано с обрушением Грани. Истончаться и рушиться она начала давно, но теперь ее и вовсе не стало. Теперь, помимо угрозы масштабной экологической катастрофы, стоит опасаться новых нападений Системы, гораздо более опасных, нежели атака дронов или обстрелы близлежащих территорий: местоположение баз раньше вычислить не могли, а теперь у противника появляются шансы их обнаружить.

Старшие наставники, бойцы, инженеры и экологи, выступают по очереди, но суть их слов сводится к одному.

— В первую очередь сейчас необходимо позаботиться о двух вещах: первая — это безопасность нашего текущего положения, — на кафедру к смарт-доскам поднимается красивая молодая женщина в очках и с густой каштановой косой через плечо. — У нас есть большие шансы быть обнаруженными разведкой сверху, и даже если радары запеленгуют группы дронов еще на подходе, смысла их отстреливать будет не так много: они передают фото- и видеоматериалы мгновенно. Есть вариант поставить защитный купол, но тогда никто не сможет покинуть территорию базы до дальнейших распоряжений.

— Купол точно не нужно, — с места подает голос Фауст, не спуская глаз со связного браслета, по-прежнему не подающего признаков жизни. Он не теряет надежды, хотя она уже совсем слаба, почти ничтожна. — Если наши ребята вдруг вернуться, они не смогут нас найти.

— Инструктор Фауст, ваши доводы не аргументированы, — женщина в очках моментально находит его среди рядов сидящих и обжигает взглядом темных глаз. — В настоящее время безопасность общества превыше всего, в том числе и безопасности одного оставшегося отряда.

— Вы предлагаете их бросить, вычеркнуть? — Фауст закипает, поднимается из уютного кресла. Горный воздух проскальзывает холодом под одежду, заставляя сердце биться чаще. — Они такие же члены общества... и такие же люди, как мы. Как вы.

— Инструктор Фауст, прошу вас сесть и не мешать дискуссии, если вам больше нечего сказать, — прерывает его девушка из боевого отдела. — От защитного купола мы вынуждены

отказаться не только потому, что кое-кто до сих пор ждет потерявшийся отряд, но и потому, что, вероятно, нам самим придется в скором времени покинуть базу. Если случится так, что и мы будем обнаружены... Конечно, это маловероятно в тех условиях, что мы находимся на высоте более двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, но для страховки следует информировать базу Море о том, что мы можем присоединиться к ним в течение нескольких дней.

Мелисса больше не плачет. Среди коллег она держится стойко и спокойно, но и не улыбается на приветливые слова поддержки: лишь кивает, правда, порой невпопад. Ее квалификация медработника сейчас очень пригодится, поэтому вместе с другими сотрудниками санчасти она уходит в медблок: пострадавших достаточно. Прометей с огнестрельными ранениями пришел в себя, но его состояние все еще нестабильно. Скала поранила руку об острые края трещины Грани, и есть подозрение на внутреннее воспаление. Сокол и Буря, назначенные руководителями дежурных отрядов, оказались в самом эпицентре разрыва Грани, отделались ожогами, мелкими осколочными ранениями и посттравматическим шоком, но и за ними нужно наблюдение.

С новичками и отрядами младших курсов работают психологи. И пускай ребята не показывают, что встревожены и напуганы, наставники знают: это необходимая мера. Не стоит уверять их в безопасности и в том, что все идет по плану, но они должны знать текущую ситуацию и не бояться риска, ответственности, принятия решений и неожиданных поворотов. Да, они еще не готовы к тому, что в любой момент, возможно, снова придется сниматься с места и бежать в последнюю безопасную зону. Или, что еще более возможно, — встречать атаку лицом к лицу прямо здесь, на чужой базе, на непривычной горной территории.

Этому их и учили в течение месяца. Но в момент опасности и всеобщей тревоги любое отклонение от нормы вызывает страх, неуверенность и у некоторых даже панику.

Справившись со своим собственным волнением и пообещав себе держаться до конца, Мелисса меняет форму на медицинский гермокапюшон и спускается в медблок, защищенный мощными стенами и шлюзом, почти как бункер на базе Лес. Здание базы в горах оказывается более приземистым, крепким и сливающимся с окружающим ландшафтом: лавины, камнепады, редкие, но теоретически возможные землетрясения вынудили архитекторов превратить базу в один большой бункер на поверхности земли, разделенный разными отсеками, отделами и техническими блоками. Медицинский находится на уровне земли: в окна-иллюминаторы можно увидеть снег на хребтах гор и маленький клочок неба, до прозрачности голубого.

Мелисса надевает перчатки, меняет защитную маску на медицинскую. У входа ее встречает местная коллега, пропускает с личной ключ-карты.

— Меня зовут Искра, — она протягивает руку и крепко, по-мужски встряхивает узкую и хрупкую ладонь Мелиссы. Та называет свое кодовое имя в ответ и первый раз за все время слегка улыбается. Искре подходит ее служебное прозвище: она заметная и яркая, даже форменная одежда не может скрыть ее необычной красоты — густой копны золотистых волос, ярких зеленых глаз, милой улыбки. — Ребята про тебя спрашивали, — добавляет она, когда девушки вместе проходят в отдел реабилитации. — Волнуются за кое-кого больше, чем за себя.

Мелисса насмешливо фыркает. Ей, конечно, уже привычно, что на базе старшие наставники и коллеги постоянно стараются ее опекать, но иногда это переходит все

границы, и она начинает чувствовать себя какой-то старшекурсницей. Однако сейчас не время высказывать недовольство, и она, поблагодарив Искру, заходит в отдел, где ее и правда давно ждут Прометей, Сокол и Буря.

Прометей чувствует себя почти хорошо, хотя ему все еще противопоказано вставать, и он при виде санинструктора только чуть-чуть приподнимается на локте и свободной от капельницы рукой на ощупь находит на полке очки.

— Как обстановка?

— Пока спокойно, — Мелисса по ходу беседы заодно успевает проверить датчики состояния у всех троих, повернуть регулятор на капельнице у старшего коллеги, осмотреть повязку на плече и шее у Бури и поставить ей диск с инъектором, а потом присаживается на край постели Прометея, заботливо поправляет сбившуюся простыню на тонком матрасе. — Мы обсуждаем все возможные планы, но о дальнейшей эвакуации или обороне в скором времени речи пока не идет.

— Ветер вернулся?

Мелисса болезненно хмурится, нервным жестом заправляет за уши выбившиеся из косичек светлые пряди и качает головой.

— Нет...

— Не переживай. Все будет хорошо. Или мы найдем способ им помочь. Обязательно, — старший наставник отечески ласково хлопает ее по руке. — Так какие планы?

— Есть вероятность нападения десанта Системы. Но до горной базы им добраться сложнее, чем до равнинных, поэтому наше нынешнее положение наиболее безопасно по сравнению с Лесом и Морем. Старшие формируют отряды по пятнадцать человек. Тревожно все это, конечно, — добавляет вдруг девушка совсем не по уставу, однако быстро берет себя в руки. — Но нам не привыкать, правда?

Буря снимает диск инъектора, и они с Соколом обмениваются молчаливой дежурной улыбкой. Прометей вытаскивает иглу опустевшей капельницы, задумчиво поправляя рукав рубашки:

— А я бы тоже служил в десанте. Если бы двадцать лет назад не передумал.

Все трое изумленно оборачиваются к нему. Прометей рассеянно ерошит отросшие и взлохмаченные седые волосы:

— Я ведь родился в Системе. И номер у меня был, ДП-615. И инициацию там прошел и восемнадцать лет, получил распоряжение идти в военно-оборонный центр. Да только не сложилось у меня там, — он неловко усмехается, отводя глаза. Младшие наставники молча переглядываются в полнейшем недоумении: разве можно предать одну сторону, перейти на другую и спокойно служить уже не первый десяток лет? Разве можно переходить Грань?

— Что произошло? — тихо спрашивает Мелисса, решившись наконец нарушить затянувшееся молчание. — Если не секрет...

— Нарушил боевой приказ. Отказался выполнять задачу. Мы должны были контролировать дроны со встроенными бластерными установками, их направляли на один учебный центр в столице. Естественно, по камерам мы видели людей. А там в основном — женщины, дети. Мои дроны подлетели к одной аудитории, смотрю — учительница рисования, девчонка молоденькая совсем, и ребята — лет десять-одиннадцать. Я не смог. Покружил дроны, припугнул и развернул обратно. Судили меня тогда, расстрелять хотели за уклонение от приказа: раньше в Системе все еще строже было. Но потом, видать, передумали: стерли мои данные из Системы и выкинули за Грань. Просто так ее перейти

нельзя было, а в специальном костюме — вполне. Я хотел найти ту художницу, бродил по городу, попался на глаза полиции. Пришлось пройти еще одну инициацию, как безработному дееспособному, и они меня служить отправили на базу. Помню, со мной тогда тесты решали и испытания проходили Фауст, Ветер, Волна... Юлька, жена его, да много кто чуть старше вас. А на базе встретил одного парня, у него был позывной Стриж вроде. Оказалось, что он тоже любил эту художницу. Да так, что тайком сбегал с базы и приезжал к ней в свой отпуск. Однажды его застукали по камерам. Ну, это был первый и пока единственный случай, когда с базы кого-то выгоняли.

Едва закончив, Прометей откидывается на подушку и устало прикрывает глаза: все-таки долго говорить ему еще тяжело. Мелисса так и застывает с трубкой капельницы в руке и широко распахнутыми глазами. Молчание снова затянулось бы надолго, если бы над дверью не загорелся красный индикатор и механический голос начальника базы не объявил приказ заблокировать все шлюзы и подняться наверх. Торопливо извиняясь перед коллегами, санинструктор натягивает куртку, а Прометей вдруг срывает с запястья аппарат жизнеподдержания:

— Прости, Мелисса. Я не могу остаться в стороне.

Глядя на него, Сокол поспешно стягивает повязки с рук и помогает сделать то же самое напарнице.

— Дурной пример подаете, Прометей, — улыбается Мелисса, качая головой, но все-таки из медицинского блока они выходят вчетвером.

Дежурные с базы Горы и практически все наставники с эвакуированной базы выходят на плато: там три минуты назад датчиками было зафиксировано передвижение неопознанного объекта. Все вооружены, никто не спускает глаз с взлетной зоны, и вдруг из толпы вырывается чей-то голос:

— Смотрите, смотрите!

Одинокий аэромобиль, сделав круг над посадочной площадкой, резко снижается. Кто-то коротко стреляет в воздух, его тут же одергивают. Нестройные ряды затихают, напрягаются, становясь единым целым.

Из белоснежного аэромобиля на полосу выходят двое: мужчина лет сорока с небольшим в черной кожанке и джинсах и высокий светловолосый паренек в потрепанной, перепачканной одежде и небрежно брошенным через плечо полосатым шарфом. Дежурные медленно, недоверчиво опускают оружие, по рядам скользит едва разборчивый шепот: “Кто это? Как нашли базу?”. Неожиданно от всех отделяется высокий человек с длинными черными волосами:

— Варяг!

Паренек из аэромобиля с радостью бросается ему навстречу, они обмениваются крепким рукопожатием, Фауст дружески хлопает Варяга по спине.

— Где остальные? Как вы сюда...

— По порядку, — перебивает его Варяг и глухо кашляет, глотнув морозного горного воздуха. — Нам нужна ваша помощь. Ветер и все остальные в Системе. Я смог связаться с Тишиной... Она сказала, что все живы, но это не отменяет необходимости их вытащить.

— Давно пора все это закончить! — выкрикивает Сокол из глубины толпы.

— Пора! — подхватывают отдельные голоса, и вскоре на взлетной площадке поднимается невообразимый шум. Одни требуют хоть раз показать Системе, на что по-настоящему способна Цитадель, другие пытаются призвать к порядку, но уже бесполезно: молодых и амбициозных, почти добравшихся до цели, ничем не остановить. И тогда вперед выходит Шторм — начальник базы Горы, который и сам давно мечтает поставить точку в бесконечном и почти бессмысленном противостоянии.

Пятнадцать лет, а то и больше, Система пыталась присоединить Государство, но это не привело ни к чему, кроме войны, вспыхнувшей с новой силой. Даже наличие Грани не останавливало жителей Системы: они разработали устройства с герметичным покрытием, которые могли преодолевать Грань, то и дело устраивали воздушные атаки на столицу и близлежащие регионы, из-за их неосторожных действий в самом сердце Государства произошла радиационная катастрофа. Цитадель “Вихрь”, разделившись на три базы, умело отражала удары, но никогда не бросалась в бой первой. Ее задачей была оборона, а не ответное нападение, и хотя уже много лет Цитадель обладает всеми ресурсами, она не делает первый шаг. Но теперь, когда Грани больше нет, когда опасность подходит слишком близко, все служащие уверены, что время пришло.

— Я не считаю войну гениальной идеей, — настроив усилитель звука, Шторм пытается перекричать расшумевшихся коллег. — И не считаю, что нападение — это лучшая защита. Не имея стержня, нападающий всегда проигрывает. Но у нас стержень есть, и он называется “свобода”. Если мы не станем сражаться за свою свободу сейчас, когда есть реальная угроза

потерять не просто одного человека, не просто один отряд, но и все то, что мы строили и берегли годами, нет смысла играть в благородных героев. Это первый и, я надеюсь, единственный раз, когда нам придется показать, на что мы способны!

Усиленный во много крат, его густой и низкий голос эхом прокатывается по всему плацдарму. Служащие затихают и по мере того, как начальник говорит, согласно кивают, перешептываются, поддерживая его слова. Да, в чем-то он прав: нет смысла в войне ради войны, но когда поднимается вопрос безопасности всего Государства, а не отдельного человека или маленькой группы людей, лучше самим сделать первый шаг, чем ждать очередных атак с той стороны. Две базы объединяются, чтобы продолжить дело, снова ставшее общим.

В конференц-зале теперь негде встать: кресла-капсулы, рассчитанные на одного человека, заняты двумя, а то и тремя сотрудниками, те, кому места не хватило — стоят, сдвигают длинный стол, садятся на широкие низкие подоконники. Штурм и Капитан выводят на проектор топографическую карту местности, окружающей существовавшую ранее Грань по направлению к северо-востоку: ближе к базе Лес. Красными пунктирными стрелками обозначаются все возможные траектории, пересекающие Грань и зону отчуждения, а потом сворачивающие к головному офису их столицы. План по окружению спонтанный, но имеющий право на существование. Однако из толпы вдруг поднимается рука одного из наставников:

— Нет смысла прорываться в Систему просто так, на удачу, надеясь взять числом и вооружением, — высокий седой человек в прямоугольных очках встает на стул, чтобы его было лучше видно и слышно. — Рядом с головным офисом находится оборонный центр, а потому они разобьют нас быстрее, чем мы успеем окружить здание офиса. Имеет смысл рассредоточиться по территории столицы, разделить на три отряда: один окружает офис, другой — оборонку, третий ждет на подхвате между зоной отчуждения и трассой. Аэромобили следует оставить в лесу, до трассы дойдем пешком, а там недалеко.

Штурм недоверчиво хмурится, слушая незнакомого старшего наставника, но Капитан, наклонившись, что-то тихо говорит ему на ухо, и тот, кивнув, очевидно уже доверяет говорящему больше. А Прометей, заметив это и встретив одобряющий взгляд Капитана, продолжает:

— Как вам уже известно, пять человек с нашей базы стали заложниками Системы. И надеюсь, что многие со мной согласятся: нельзя бросать их на произвол, даже несмотря на то, что первичной задачей сейчас является общая оборона. Я считаю, что в ходе операции необходимо выделить группу, которая вычислит их местонахождение и выведет ребят к нам. В дальнейшей операции они будут участвовать по мере возможностей. К тому же, если они хоть немного знают внутреннее устройство Системы, нам очень пригодятся их знания.

— Неплохая мысль, но слабо реализуемая практически, — парирует Штурм, дав наставнику договорить. — Что, если спасая пятерых, мы потеряем пятьдесят? Залог любой спасательной операции: чтобы по завершении не оказалось больше жертв, чем в начале.

— Если позволите мне взять командование отрядом, задачей которого будет непосредственно проникновение в офис Системы — я постараюсь обеспечить его безопасность, — Прометей старомодно кланяется, приложив ладонь к груди. Штурм снова смотрит на него недоверчиво, но машет рукой в знак согласия: Капитан, начальник этого храбреца, доходчиво объяснил, почему этому человеку стоит доверять.

Осторожно спустившись со стула, Прометей пробирается к выходу из конференц-зала:

сейчас необходимо собрать отряд из пяти служащих, проверить и раздать оружие, еще раз повторить план, которого пока что даже нет. Очевидно, что они пойдут первыми, а здания офиса и оборонного центра будут оцеплены отрядами Цитадели, когда они уже окажутся внутри. Задача смертников, конечно, но на что не пойдешь ради своих.

У входа в боевой отдел его догоняет Мелисса: необыкновенно взволнованная, бледная, даже косички растрепались. Цепляется за его руку, с отчаянием заглядывая в глаза:

— Дмитрий Петрович! Можно с вами?

Прометей задумчиво смотрит на девушку. Ей недавно исполнилось тридцать три, но выглядит она все еще на двадцать пять. Невысокая, хрупкая, большеглазая стрекоза, кажется, автомат весит больше, чем она. Но Прометей хорошо понимает, почему она так рвется в бой.

— Можно, — кивает он. — Но от меня ни на шаг. Слушаться приказов. И не лезть вперед, как бы ни хотелось.

— Есть, — серьезно кивает Мелисса, с трудом пряча улыбку в уголках губ.

Однако одной просьбой дело не заканчивается. Забрав из оружейного отсека пять автоматов с пятью магазинами на каждый, броневые щитки на жилеты и пять очков против лазера, Прометей и Мелисса выходят и у дверей все еще гудящего изнутри конференц-зала встречают двоих прибывших парой часов назад. Варяг нервно теревит в руке красный кончик полосатого шарфа, ничем больше не выдавая свое волнение, его старший спутник — пилот в кожанке с коротко стриженным ежиком темных волос — и вовсе совершенно спокоен. И все же его голос звучит неожиданно глухо, когда он шагает вперед от двери, чтобы остановить старшего наставника.

— Забыл? — коротко спрашивает он, сканируя Прометея пристальным взглядом темных глаз. И тот все вспоминает, хотя поначалу не мог, несмотря на то, что внешность пилота казалась знакомой. Прошло почти пятнадцать лет, они оба слегка постарели и заметно изменились, но не узнать все-таки невозможно.

— Здорово, Стриж, — Прометей крепко встряхивает его сухую жилистую ладонь, и колючий взгляд Максима немного теплеет в ответ на узнавание. — Мне б твою память.

— Признаться, я не вспомнил большую часть географии Цитадели, — без тени улыбки шутит он. — Но у вас растет достойная смена, — хлопает по плечу смущенного парнишку. Варяг снова кашляет, отвернувшись. — Я вел машину, а он следил за дорогой. Возьмешь? — спрашивает без предисловий.

— Возьму, — кивает Прометей и вдруг запинается на слове, не зная, как бы тактичнее спросить. — А вы... та девушка, она...

— Если ты про художницу Алену, то пятнадцать лет назад мы поженились. Жива-здорова, ждет меня дома. Спасла вашего первокурсника, — тяжелая ладонь снова ложится на плечо Варягу. — Под химатаку попал, надыхался какой-то дрянью. Повредил альвеолы и бронхи, но вроде жить будет.

— Все починим, — лучезарно улыбается Мелисса. — Только чуть позже. Потерпишь?

Варяг молча кивает. И, задумчиво хмурясь, поправляет под волосами маленький черный наушник, напоминающий капельку.

Но вот двери конференц-зала распахиваются, служащие, наставники и старшекурсники шумной рекой вылетают на улицу.

— По машинам! — раздается зычный голос Шторма по всем уголкам горной базы. — Пятиминутная готовность!

О новичках, разумеется, речи не идет: на случай нападения — маловероятный, но все

же — на базе остаются дежурить тридцать наставников, а самых младших ребят отводят под защиту подземного бункера, больше напоминающего пещеру. Шлюз блокируется снаружи, и, когда все аэромобили поднимаются в воздух и вслед за первым устремляются к северо-востоку, на базу Горы плавно опускается прозрачный защитный купол, и она медленно исчезает из виду, будто скрытая низкими облаками.

Бесшумный режим непростительно быстро сажает аккумулятор, и Стриж, снова назначенный пилотом, выжимает из рычагов предельно возможную скорость. Среди кучевых облаков аэромобиль невозможно разглядеть с земли, но и в небе видимость практически нулевая. От температурного контраста запотевают окна, у пилота остается только часть лобового стекла, которую отчаянно чистит дворник. После добрых двух часов полета всех основательно укачало, и Мелисса раздает таблетки от головокружения, а спустя полчаса — заодно и от стресса.

— Вижу купол головного офиса, — объявляет наконец Стриж. — Начинаю снижение. Просьба не отстегивать ремни безопасности и привести оружие в боевую готовность.

Максим уже отвык командовать или самому выполнять боевые приказы, но необходимость вынуждает как можно быстрее освежить знания пятнадцатилетней давности. Он не жалеет, что когда-то предпочел любовь и семью службе на благо Государства, но теперь его навыки оставляют желать лучшего: только аэромобилем он управляет по-прежнему безупречно. Посадка выходит мягкой, машина удобно прячется среди десятков таких же, на которых прилетели из разных уголков столицы работники инфоцентра. Само здание поднимается белоснежной громадой прямо перед лобовым стеклом.

Варяг спрыгивает первым. В наушнике снова слышит тревожный голос Тиши, которая спрашивает, где они, каждые пятнадцать минут и на вопрос “как дела?” все с меньшей уверенностью отвечает, что все в порядке. “Ты знаешь какие-нибудь потайные входы в центр?” — мысленно спрашивает Варяг. “Нет”, — растерянно отвечает Тиша, немного подумав о чем-то отвлеченном.

— За мной! — Прометей поднимает воротник штормовки, опускает капюшон по самые брови и, пригибаясь между рядов приземистых аэромобилей, первым направляется к дверям инфоцентра, но, выйдя за пределы парковки, резко сворачивает в сторону лабораторных помещений. Длинные одноэтажные строения, больше напоминающие ангары, прямыми лучами тянутся в разные стороны от центра. “Переходим к сектору С, — мысленно транслирует Варяг, усиливая громкость передачи. — Куда дальше?”. “Мы вас встретим, — отвечает Тишина. — Главное не попадитесь охране, они с другой стороны, у главного входа в сектор. Тебя спросят код, скажи номер нашего отряда”.

Жестом Прометей предлагает следовать за ним. Вчетвером они подкрадываются к шлюзу с двух сторон, и Варяг сигнализирует: “Тиша, мы на месте”. Шлюз, тихо пискнув, открывается, створки разъезжаются в стороны, и из темноты коридора выходит немолодой человек в очках и медицинской форме. В одной руке у него бластер, другую он держит за спиной.

— Семнадцать, — шепотом говорит Варяг, не дожидаясь вопроса, и сотрудник Системы пропускает маленький отряд чужаков. Не успевают они оглядеться, как из глубины темного помещения вылетает невысокая светлая фигурка и молча бросается на шею Варягу. Тот неловко подхватывает Тишу, крепко прижимает к себе и ставит на ноги. Она прижимается щекой к его полосатому шарфу:

— Спасибо!

Варяг, не ответив, с неохотой отпускает ее: сказать друг другу самое важное они успеют после. Он уверен, что у них будет еще много времени: целая вечность. У стены молча машет рукой Север, рядом с ним — Часовщик, вечно растрепанная кудрявая Сойка, вид у которой несколько усталый и болезненный, и незнакомая девушка в красной форме Системы, но шестым чувством Варяг понимает, что она здесь не чужая.

— Потом радоваться будете, за мной, — одергивает инженер-химик, и они по-прежнему молча шагают в темноту за следующим шлюзом.

В коридоре Ветер слишком поздно слышит приближающиеся шаги за спиной и чудом успевает увернуться от короткого выстрела почти в упор. Двое безопасников в белых костюмах и защитных жилетах вооружены маленькими карманными огнестрелами, а у него ничего нет. Однако тело, привычное к тренировкам и приемам рукопашного боя, реагирует быстрее, чем он успевает подумать: рука выхватывает пистолет у одного, попутно отправляя его спиной в ближайшую стену. Уворачиваясь от нового выстрела, он кувырком падает на пол, мгновенно оказывается под ногами у второго охранника, в два движения укладывает его лицом вниз и выворачивает руки болевым захватом. В ответ на ругань молча разворачивает и с силой бьет локтем в грудь — второй отправляется отдохнуть вместе со своим напарником. Обыскав его, Ветер находит две ключ-карты: одна — общего доступа, другая — высшая. То, что нужно.

Конечно, сейчас сюда сбежится гораздо больше народу, чем два охранника, и времени совсем в обрез, но Ветру и того довольно. Он прикладывает ключ-карту высшего доступа к шлюзу кабинета, и яркий свет бьет в глаза. Прямо перед ним разворачивается огромный, просторный зал. Подошло...

Директор вскакивает с кресла, едва не опрокинув монитор. Хватает со стола бластер, но Ветер опережает выстрелом в правую руку. Чертыхаясь и сгибаясь пополам от боли, директор медленно оседает на пол, выпустив бластер и зажав раненую кисть. Тем временем Ветер блокирует шлюз изнутри и неторопливо подходит ближе, по-прежнему держа директора под прицелом.

— Легко воевать за безопасными стенами и Гранью, правда? — вкрадчиво спрашивает он, подходя почти вплотную. Дуло пистолета утыкается в висок директору. — Легко побеждать безоружных. А узнать силы противника — зачем до такого опускаться?

— Мы вас прекрасно знаем, — цедит сквозь зубы директор, морщась от боли в простреленной руке.

— Сомневаюсь, — Ветер спускает предохранитель и, сжав воротник гермокостюма, рывком поднимает директора на ноги. — Встать! Я хочу разговаривать с равным.

Директор, пошатнувшись, подходит к столу и устало падает спиной на стену.

— Допустим, вы победили, — отзывается, прикрыв глаза. — Но что теперь? Убьете безоружную и раненую женщину?

— Вы не женщина, — качает головой Ветер, сильнее прижимая пистолет к виску директора. — Вы чудовище. Но я не стану пачкать руки. Я просто вам кое-что объясню.

Директор пытается шагнуть в сторону, уворачиваясь от пистолета, но наставник выкручивает ей руку и прижимает спиной к стене так, что она больше не может пошевелиться.

— Все годы службы я не знал, что в кресле руководителя головного офиса Системы сидит женщина. И, признаться честно, по-своему восхищен вашей способностью удерживать политическую сферу общества и вести столь серьезную и опасную игру. Но в одном вы допустили большую ошибку. Чтобы присоединить Государство, вовсе не обязательно громить Цитадель. Во все не обязательно устраивать массовый геноцид, травить нас кислотой и газами, как тараканов, взрывать ядерные установки и лишать людей чистой воды и воздуха. Поверьте, мы научились от этого защищаться и научились бы спастись от новых

ваших убийственных идей. Чтобы два государства стали единым целым, одно не обязано поглотить другое. Они должны соединиться на добровольной основе, ведь одно может гарантировать другому мощную защиту, а второе, в свою очередь — специалистов, модернизированную инфраструктуру, выход к горам и морю. Государство ничем не хуже Системы, и по факту мы не нуждаемся в вашем так называемом покровительстве. Если бы вы пошли мирным путем, возможно, мы могли бы стать конфедерацией. Но теперь люди уверены в самой настоящей войне, которую нельзя прекратить по щелчку. И даже если я убью вас сейчас, а я этого не хочу — она не закончится, потому что это не наша с вами личная вражда, а вражда двух государств, которая началась из-за того, что вы изначально неправильно выбрали стратегию.

— Допустим, — кивает директор. — Но и ваша стратегия оставляет желать лучшего.

С этими словами она, ловко извернувшись, вырывается из стальной хватки Ветра и, прежде чем он успевает снова скрутить ее, впечатывает в стол кнопку тревоги. Весь инфоцентр заполняет вой сигнализации, шлюз открывается, позволяя доступ отрядам безопасников, и хотя у директора временно нет возможности пошевелиться, она знает: горстка людей из Цитадели заведомо проиграла.

* * *

Мы идем какими-то тайными дорогами: на пути не попадается ни одного коридора, по которым привычно ходят сотрудники инфоцентра, зато нас выкидывают на следующие этажи телепорты, один за другим. Меня снова слегка тошнит от постоянных скачков в пространстве, но Варяг крепко и уверенно сжимает мою горячую руку, и я знаю: пока они рядом, все будет хорошо. С нами весь чудесный семнадцатый отряд, а также Мелисса, Прометей, незнакомый служащий в черной кожанке и с суровым видом — кажется, его позывной Стриж, — и даже мой дед не остался в стороне, вызвался проводить до заранее оговоренного с Ветром места встречи.

По дороге Варяг объясняет ситуацию нам с ребятами: Максим, вернее, Стриж, помог ему добраться до базы Горы и предупредить остальных, а дальше наставники и командиры взяли все в свои руки. Через какую-нибудь четверть часа над Системой нависнет угроза: объединенные отряды с двух баз окружат инфоцентр и военно-оборонный комплекс. Возможно, придется сражаться... На этом моменте Варяг задумчиво ерошит растрепанные светлые волосы, а Мелисса сурово хмурится, но даже такие мысли не вселяют панического страха. За свободу и за жизнь надо бороться, и это не обсуждается.

Мы поднимаемся на шестой этаж. Двери последнего телепорта открываются, в коридоре зажигается яркий свет, и я невольно шарахаюсь назад, больно бьюсь локтем о холодную стену лифта. Кошмар становится реальностью. Напротив шлюза, ведущего в кабинет директора — вооруженный отряд.

Прометей, включив связной браслет, что-то коротко командует, и в следующую секунду мы все падаем на пол. Наставники отстреливаются, а дед выхватывает бластер и направляет его на охрану.

— Прекратить огонь!

Против обыкновенных огнестрелов бластер на порядок лучше, опаснее. Но его приказ остается без внимания: безопасники продолжают стрелять, и Стриж, рискуя оказаться под

ударом, отталкивает его назад, стреляет сам. Они втроем успевают кого-то убить, кого-то ранить, но силы по-прежнему не равны. Прямо в сантиметре от меня пуля щелкает в пол и, вкрутившись в плитку, обдаёт меня горячей железной стружкой. Инстинктивно прикрываю лицо рукой... и не успеваю заметить, как коридор заполняется шумом, грохотом, выстрелами.

Когда Варяг помогает мне подняться и отводит назад, в толпу, я с облегчением замечаю форменные рубашки и брюки, белые шевроны Цитадели. Прометей успел вовремя подать сигнал, и ребята с обеих баз быстро сориентировались. Они шли практически по нашим следам, а теперь стали нашими защитниками и сопровождающими. Из всех, кто был со мной изначально, запретное лучевое оружие есть только у деда, но я почему-то не очень уверена в том, что его бластер — полезная боевая единица. Он не выстрелит до последнего. Будет уговаривать, угрожать... Но убить — вряд ли сможет. И только потом замечаю, что на самом деле бластер впервые за долгое время по-настоящему заряжен.

Варяг оттаскивает меня за руку назад. Охрана разбита, Цитадель, кажется, взята числом, и мы проходим дальше, осторожно оглядываясь. Идущие впереди Прометей и Стриж делают нам знак, и мы все резко тормозим в глухом рукаве. Мимо проходят трое вооружённых десантников: мы видим их через не закрытый до конца шлюз, а они нас — нет.

— Кто из семнадцатого отряда инженер? — громким шепотом интересуется Прометей, поправляя съехавшие на нос очки. Как и дедушка, он почему-то предпочитает комфортным линзам старомодные стеклышки. Впрочем, очки строго противопоказаны только работникам боевого отдела.

— Я, — Часовщик шагает вперед, попутно застегивая почти оторванную пуговицу на грязной рубашке.

— Отлично, идешь со мной. Остальным разделиться: первому отделу пройти в головной отсек, кабинет 605. Вы будете прикрытием на случай вынужденного отступления. Второму оставаться на позиции, встретить новые отряды или держать оборону этажа. Тишина, — Прометей вдруг находит взглядом меня и слегка щурится. — Ты тоже с нами.

— Есть, — не совсем понимаю смысла своего присутствия, но отвечаю хриплым от волнения голосом и краем глаза успеваю увидеть, как Варяг и Сойка уходят с остальными, кто работает в боевом отделе. Вскоре их уже не видно за широкими спинами старших. У нас с Севером нет подтвержденных боевых навыков, но он — медик, его специальность необходима в любом случае, а я... А мне, возможно, придется вести переговоры. Вот только с кем? Если служащие Системы, конечно, на такое способны.

Впрочем, вскоре мои сомнения становятся только сильнее, и я все меньше понимаю, что происходит. Тайными переходами Прометей ведет нас сначала на первый этаж, потом — на цокольный, потом мы оказываемся в подвальном помещении. Все время приходится то останавливать телепорт на середине пути, то прижиматься к стене перед заблокированным шлюзом, чтобы не нарваться на очередной патруль. Наконец мы спускаемся на самый последний уровень инфоцентра, Прометей чужой ключ-картой, подобранной после короткой перестрелки, открывает последний шлюз... Неожиданно тишина подвала взрывается воем сирены. Я вздрагиваю, едва не теряя равновесие от неожиданности, но наставник тут же успокаивает:

— К нам это не относится. Но лучше поторопиться.

Шлюз герметично захлопывается у нас за спиной. Часовщик изумленно оглядывается: небольшое помещение представляет собой один огромный компьютер, похожий на

допотопную электронно-вычислительную машину, но у него явно гораздо больше функций. Три графический монитора в половину человеческого роста, мощнейший системный блок... Да уж, Цитадели такое и не снилось.

— Нужно отключить все электронные устройства Системы, — Прометей останавливается у шлюза, вскидывая автомат к плечу наизготовку, а Часовщик, по привычке подогнув ноги под себя, забирается в крутящееся кресло и все той же ключ-картой высшего доступа запускает огромную машину.

— Тишина, дай ему часы, — командует наставник и, прежде чем я успеваю задать вопрос, поясняет: — Когда мы их исследовали еще на базе, выяснилось, что их бионический механизм настроен на конкретного человека. Робот-разведчик, которого когда-то притащил Ветер, был настроен на того же человека, что и дроны, ну или большинство дронов... Как только часы вошли в резонанс с роботом, тот сломался. Есть основания предполагать, что твой дед, главный инженер, настроил под себя большую часть электронной техники как минимум в этом офисе. Вероятно, и общий компьютер тоже. Выведем из строя его — отключится вся Система.

Я молча киваю и, торопливо расстегивая ремешок часов, отдаю их товарищу. Напряженно хмурясь, Часовщик задумчиво скребет веснушки на щеке и аккуратно опускает часы в одну из ячеек системного блока. Колесико загрузки на главном мониторе замедляется, тормозит, в устройстве что-то тихо пищит, оповещая о неполадках. Экран мигает и гаснет. И вместе с ним неожиданно гаснет индикатор на ключ-карте, которой Прометей открывал шлюз высшего доступа. Кажется, мы сами себя загнали в ловушку.

Вой сирены мгновенно затихает, световая сигнализация отключается, шлюз больше не горит, а в следующую секунду гаснет свет, как будто темнота плотным одеялом накрывает все подвальное помещение. Прометей включает карманный фонарик, и тонкий белый луч света скользит по стенам, выхватывая из темноты по очереди системный блок, кабельную трубу, мониторы и динамики. Часы сделали свое дело мгновенно, вот только... Я их встряхиваю, поворачиваю колесико настройки, но все тщетно: они остановились, собрав все три стрелки у цифры 12. И почему-то я сразу понимаю, что починить их не получится.

Неожиданно в углу раздается тихий писк. Раз, другой, третий. Прометей светит на звук, однако кроме монолитной железной стены, ничего не обнаруживаем. Писк продолжается, и странные взгляды Часовщика и наставника не предвещают ничего хорошего.

— Надо было догадаться... Черт! — Артем в отчаянии хватается за голову. — Ну конечно!

— Система запрограммировала офис на самоуничтожение в случае полного отключения, — констатирует Прометей с завидным спокойствием. — Чем быстрее мы отсюда выберемся, тем больше у нас шансов...

— Погодите, разве он уничтожается не полностью?

— Нет. Только главный отдел, боевой отсек и все лаборатории. Какой смысл взрывать блок СМИ или обыкновенный офис?

Но это дела не меняет. Мы по-прежнему находимся в заблокированном подвале под шестью этажами боевого отсека, и где-то там, под землей, пищит бомба замедленного действия.

Яркие светодиодные ленты слепят глаза. Здесь, в просторном кабинете с превосходной акустикой, хорошо слышны крики и выстрелы в коридорах. Ветер догадывается, что ребята с базы их нашли и примчались на помощь, как только смогли, но пока что они в очень невыгодном положении. Впрочем, как и он сам. Под прицелом сразу трех автоматов со всех сторон нет смысла даже пытаться сопротивляться и бежать.

Директор инфоцентра, молодая, но все еще красивая женщина лет тридцати пяти на вид (наверняка ей гораздо больше), ловко развернула ситуацию против него самого и взяла игру в свои руки. Ветер и сам не до конца понимает, где именно допустил ошибку, но факты говорят сами за себя: это он, а не директор, сейчас замер в чужом кабинете спиной к холодной стене, и это на него так неприятливо щурятся три автомата.

Кажется, он все-таки проиграл. Но пока бьется сердце, сдаваться рано, даже если положение кажется совсем безвыходным. В голову лезет неожиданное и глупое сравнение: он ухаживал за Юлей долго, целый год, прежде чем она ответила ему взаимностью. Таскал огромные букеты цветов, водил в театр, в кино, на концерты каких-то совершенно чудных и неизвестных исполнителей, которые нравились ей, задерживаясь допоздна, подбрасывал ее с учебы до дома на аэромобиле — уже тогда он помимо университета работал инженером-механиком и получал вполне неплохо, но Юлька не сдавалась, хотя он догадывался, что и она к нему не совсем равнодушна. “Я люблю тебя” — сказал он после года знакомства и собственной молчаливой влюбленности. “Наверное, ты хочешь услышать, что я тебя тоже, — Юля тогда мягко улыбнулась, положив руки ему на плечи. — Но я не умею врать. Ты мне нравишься, но...”. Конечно, он тогда расстроился, но не подал виду. “Моя ситуация безвыходна?” — усмехнулся, оборачивая неудачное признание в глупую шутку. Но Юля, на удивление, не оттолкнула его. “Если нет выхода, ищи тайный вход” — сказала она, лукаво подмигнув, и ушла, оставив на память легкий аромат смородины и мяты.

Теперь же эти слова настойчиво вертелись в мыслях. “Если нет выхода, ищи тайный вход”... А если все двери заперты?

Неожиданно стрельба по ту сторону шлюза умолкает. В отдалении, за мощными стенами, слышатся шаги и приглушенные голоса, но треск автоматов обрывается. Одиночные выстрелы откатываются дальше от директорского кабинета, а потом тоже затихают совсем. Шлюз бесшумно открывается, мучительно медленно распахивая створки, и Ветер отводит глаза, неотрывно смотрит в холодное и бесстрастное лицо директора, чтобы не выдать своего волнения.

— Трудно признавать поражение в шаге от победы? — директор самодовольно улыбается, скользя взглядом по кабинету и тоже отмечая, что одному человеку, пусть даже опытному в боях, некуда бежать и негде прятаться. — Признаться, я тоже долго не понимала вашу игру. Почему вы так легко соглашались на наши условия? Даже не зная вас близко, я не поверю, что вы сдались, не выдержав боли или морального унижения. Для вас это сущий пустяк, потому что физическая боль — ничто по сравнению с той, которую вам уже не раз довелось испытать. Почему вы быстро рассказали все о себе, предоставили свои данные, зная, что они могут использоваться против вас? Согласились даже на вживление микрочипа.

По крепко сжатым губам скользит невольная усмешка.

— Микрочип? Серьезно?

Ветер отключает связной браслет. На одном из мониторов внезапно гаснет одна из сотен белых точек. В тот же миг один из автоматов оживает, вздрагивает, посылает в стену у самого его плеча три быстрых, коротких выстрела.

— Да как?!.. — голос директора вдруг срывается, она задыхается, в изумлении глядя на совершенно спокойного соперника, в глазах которого явно читается насмешка.

— Потому что все равно вы больше ничего не добьетесь. Я знал, что вы не станете убивать ни меня, ни моих отрядников, потому что заложники слишком ценны для вас. А еще знал, что чем спокойнее вы к нам относитесь, тем легче до вас добраться. Если бы я не провел те дни в бункере, если бы не согласился на чип, я бы не пришел к вам сегодня.

Директор изящным жестом поправляет заколотые сзади серебристые волосы, насмешливо сканирует Ветра взглядом холодным голубых глаз:

— Ну, пришли, а что толку? У вас был прекрасный шанс все закончить здесь и сейчас. Ах да, вы не захотели пачкать руки, — интонация хрипловатого, бархатного голоса становится наигранно-сожалеющей. — Зато я не побрезгую.

С этими словами она отходит на несколько шагов и, вынув крошечный пистолет из-под полы костюма, направляет его в грудь Ветру. К трем автоматам добавляется четвертое дуло обыкновенного пистолета, но от того, что он меньше, легче не становится.

— Я хотел объяснить, но, видимо, вы не поняли, — наставник устало вздыхает, опуская голову. — Нет смысла пытаться перебить друг друга, есть смысл договориться...

— Довольно, — директор с презрением перебивает его и спускает предохранитель. Краем глаза успевает заметить взгляд Ветра, направленный ей за спину, в сторону шлюза, но не успевает больше ничего сделать: в полной тишине эхом отдается еще один щелчок предохранителя.

— Ника, не смей!

Слишком поздно. Два выстрела гремят одновременно. Светодиодные ленты искрят и гаснут, полумрак заливает кабинет, и в следующий миг тишину разрывают автоматные очереди. Хрупкую фигурку в белом с силой швыряет назад, и она медленно оседает на пол, съезжая спиной по стене. Выхватив из мертвой руки директора пистолет и прячась в темноте, Ветер стреляет наугад, чувствуя движение совсем рядом: попал, не попал... Ничего не понятно, да и не до того. Только перед глазами вместо кабинета и движущихся целей — скорчившаяся на полу светлая фигурка, отчаянно яркие пятна крови на белом комбинезоне.

Электричество выключается повсюду, стихает мерный гул компьютеров, попискивание роботов-очистителей и помощников. Шлюз гаснет последним, его створки постепенно закрываются, и в последний момент Ветер успевает выскользнуть в коридор. Сразу же за ним шлюз блокируется с характерным мягким щелчком, и он понимает: ребята справились, отключили всю Систему.

В коридоре пусто, только четыре безопасника замерли в неестественных позах, а с противоположной стороны в темноте белеет до боли знакомый форменный комбинезон. Пол куда-то уходит из-под ног, Ветер опускается на колени. Мелисса полулежит у стены, безвольно уронив голову набок, ее светлые косички совсем растрепались, короткие пряди упали на мертвенно-бледное лицо. Ветер осторожно берет ее за руку — прикосновение холодно, как лед.

— Ника...

Уложив ее на пол, Ветер сдвигает с ее лица светлые пряди и вдруг чувствует на ладони короткое, рваное дыхание, едва уловимое, но живое. Приникнув к ее груди, чудом находит

сердцебиение. Взглянув на разбитый дисплей связанного браслета, засекает секунды. Один... два... три...

И снова страшная, мертвая тишина.

Он торопливо стягивает рубашку, рвет плотную ткань на длинные лоскутья. Едва хватает на две перевязки, и всякий раз, когда он в спешке ненароком касается ран, Мелисса вздрагивает, глухо стонет, до крови кусает губы. В забытии слабо цепляется за его руку, пытаюсь подняться, и Ветер, наклонившись к ней и пытаюсь разобрать слова в горячечном шепоте, вдруг слышит:

— Оставь меня, оставь, уходи... Там ребята одни... Времени мало!..

Она права: счет идет на секунды, но секунды безопасности не важнее мгновений ее хрупкой жизни. За закрытым шлюзом явственно слышится глухая ругань и возня: охранники директора пытаются открыть шлюз вручную, но Ветер уже далеко. Мелисса снова потеряла сознание, и, подхватив ее на руки, он спускается пожарной лестницей, которой давно уже никто не пользовался. С каждым шагом он вслушивается в дыхание Мелиссы и боится не услышать, не почувствовать его. Только теперь понимает, что потерял восемь чертовых лет. Он давно догадывался, что напарница влюблена, но не мог ответить на ее чувства: сначала переживал свою личную драму, потом привык к ней, как к коллеге, помощнице, боевой подруге, и не думал, что даже спустя столько лет службы у нее все еще остались чувства. Все это время он мог бы не жить прошлым, не цепляться за него, ведь его давно нет. Открыть сердце новому тоже иногда больно, но боль эта совсем другая, целительная, не оставляющая после себя горькую пустоту.

Мелисса так и не приходит в себя. Безжизненно запрокинув голову и уронив руку, она даже дышит совсем не слышно, и всякий раз Ветру кажется, что это конец, но легкое горячее дыхание снова касается напряженной ладони, и он упрямо идет дальше, к аварийному выходу отсека С, где заранее договорились встретиться с остальными.

В спину стрелять нехорошо. Не то что нехорошо — неправильно. И с опозданием на восемь лет Ветер соображает: Мелисса была готова ради него на все. Преодолеть страх перед Системой — она с детства панически боялась встретиться с врагом из-за Грани лицом к лицу, поступиться своими принципами, погибнуть. Увидев его под прицелом, она выстрелила в спину директору первой и не сообразила, что последует сразу за этим. Благородно, но так безрассудно...

Глаза совсем сухие, и кажется, что в них песок. Иначе с чего бы так горячо и больно при каждом взгляде на бледное и странно спокойное лицо напарницы?..

* * *

С очередной попыткой ввести код шлюз упорно не поддается. Часовщик бродит по подвалу из угла в угол, бормоча себе под нос какие-то жуткие формулы и страшно меня нервируя, а я набираю комбинацию за комбинацией, вспоминая семинары с базы по прикладной математике, и все равно это бесполезно: шлюз по-прежнему заблокирован. У нас остается одна попытка, после чего ручное открытие тоже станет невозможным. И мы больше никогда отсюда не выберемся...

Паника охватывает меня, заливая жгучей волной изнутри, так что ноги подкашиваются, а сердце бьется быстрее. Но вот странно: раньше, во время панических атак, меня сразу же

накрывало приступом боли, даже задолго до рецидива, это не новость. Однако сейчас никакой боли нет, и хотя мне очень страшно и тревожно, физически я себя чувствую вполне нормально. Вспоминаются слова деда о том, что меня “просто немного подлечили”. Неужели это возможно?

Нет! Не о том сейчас мечтать надо. Однако я любовно сжимаю спрятанную в верхний карман рубашки ампулу с голубоватой жидкостью — мой эликсир жизни. Если вдруг приступы снова вернутся, а это вполне возможно, хоть и маловероятно — я знаю, что делать. Видно, дедушка все-таки закончил свои разработки, даже без старых формул и набросков.

И все-таки я опять не о том... Еще одна неверная попытка, и мы застрянем тут навсегда. Вернее, не навсегда, а ровно до того, как закончится время на таймере. А когда это случится, мы понятия не имеем. Даже Прометей задумчиво трет переносицу под очками, напряженно пытаюсь сообразить, в чем подвох, и я прикидываю разные комбинации, верчу их и так и эдак, но все они кажутся какой-то глупостью.

— Думай, — шепчу, сжимая виски ладонями и крепко зажмурившись. — Думай, гуманитарий... Я знаю, что ты не умеешь...

Пятнадцать лет назад была создана база, протянута Грань... Точно!

— Я поняла! — подвал вдруг оглашается моим радостным воплем. Надо же, сама от себя не ожидала. Под мерный писк взрывной установки я мчусь к двери и набираю четыре цифры: двадцать один ноль семь. Мгновение жуткой тишины — и мы втроем синхронно щуримся от яркого дневного света, заливающего застекленный коридор.

— Что это было? — изумленно хлопает глазами Артем. — Я все перепробовал!

— Вероятно, какое-то важное число, — я пожимаю плечами. — Подумала, что если Грань появилась пятнадцать лет назад, то эта дата для Системы что-то значит.

— Тиша, молодец, — Прометей хлопает по плечу, и я краснею от радости: он впервые назвал меня кратким кодовым именем, и для меня это сродни похвале. — А теперь уходим!

Спустя добрых пятнадцать минут бега по разнообразным светлым, темным, длинным и коротким коридорам у нас под ногами вздрагивают монолитные плиты, а в отдалении слышится гул и грохот, как от мощного взрыва. Впрочем, это он и есть, но сейчас нам нечего бояться: бомба была спроектирована и установлена так, что не повредился ни один лишний метр. Единственное, что мне по-настоящему жаль — дедушкину лабораторию. Наверняка там осталось то, чем он так дорожил, в том числе и остальные ампулы с лекарством... Но ничего не поделаешь: если он знает технологию, то наверняка сможет сделать еще, а сейчас необходимо пожертвовать меньшим, чтобы сберечь остальное.

В здании уже не слышно стрельбы: Система мертва, а значит, игра с ней в кошки-мышки окончена. Все эти люди, которые служили на нее долгое время, в один момент теряют ориентацию, оставляют свои посты, пытаюсь в темноте найти дорогу к эвакуационным выходам. Им уже не до борьбы с неведомым врагом: они ищут путь к отступлению, потому что приказывать больше некому.

Спрыгивая с последних ступеней пожарной лестницы, — и тяжело же все-таки без телепортов! — я радостно окликаю Варяга, машу рукой Соijke, но они, обернувшись, совсем не радуются. Все, кто собрался в конце коридора, столпились вокруг чего-то... или кого-то. Тревога не отпускает меня, разрастается в груди колючим шаром, и я, подойдя ближе и пробравшись сквозь плотно сомкнутые ряды, с трудом сдерживаю вскрик. Сергей стоит на коленях к нам спиной. Непривычно ссутулившийся, поникший и мрачный, — это понятно по одним только сторбленным плечам и опущенному взгляду — он не оборачивается на наши

шаги и голоса. Мелисса лежит на полу рядом с ним, поверх грязной голубой майки — перевязки крест-накрест, и он держит ее за руку, но... столько боли и пустоты в глазах я не видела еще ни у кого.

— Сделайте что-нибудь, вы же с медициной знакомы! — просит он, взглянув снизу вверх на моего деда, но тот тоже опускает взгляд, скрестив руки на груди.

— Что здесь можно сделать... Моей лаборатории больше нет.

Север тоже здесь. И та светловолосая девушка в красной униформе Системы: стоит, прислонившись к его плечу, и беззвучно всхлипывает, украдкой вытирая слезы. Мне невыносимо больно смотреть на Сергея, но еще большее осознавать эту потерю. Да, Мелисса не была моей наставницей, но мы успели полюбить ее за доброту и душевность, и как человек она мне очень нравилась. А еще я знаю, что вторую смерть близкого человека Сергей не то что врагу — самому себе не простит.

— Она жива? — спрашиваю шепотом, опускаясь на колени рядом. Ветер смотрит на меня хмуро и отстраненно, но молча и обреченно кивает.

— Да. Но... Две очереди навывлет. Она не протянет и получаса.

Кусаю губы, чтобы не разреветься. Кажется, что Мелисса уже не дышит. Только изредка от болевых судорог вздрагивают ее ослабевшие руки, и Сергей тогда крепче сжимает ее хрупкую кисть, рассеянно гладит тонкие пальцы. А я неосознанно тянусь к верхнему карману рубашки.

— Север!

Пора узнать, что там за “секрет фирмы” такой. Обращаюсь по кодовому имени по привычке, но Дима отзывается, садится рядом со мной.

— Объясни мне, как это работает, — дрогнувшей рукой вытаскиваю ампулу с голубым раствором. — Что это?

— Это... ну... — он заикается, его взгляд бегаёт, но, взглянув на нашего наставника, он быстро берет себя в руки. — Это сыворотка, способная почти полностью перезапустить все жизненные процессы в организме. Остановить заражение, срастить переломы, улучшить свертывание крови, очистить ее при необходимости, обновить ткани поврежденных внутренних органов, — он тараторит, как по заученному, и вдруг, запнувшись, вскидывает на меня широко распахнутые глаза. — Сенька, ты гений!

Он выхватывает у меня ампулу, из своего несессера (вероятно, выданного здесь после инициации) достает шприц. Не сомневаюсь, что мы поступаем правильно: мне лекарство больше не нужно, я как-нибудь справлюсь. По рядам столпившихся вокруг служащих шелестит неразборчивый шепот, а Димка тем временем уверенным движением вводит лекарство в тонкую вену на сгибе локтя Мелиссы. Минуту-другую ничего не происходит. Я по привычке бросаю взгляд на запястье, но часов там больше нет: они свое дело уже сделали. Мы все замираем в ожидании, у Димки едва ли не трясутся руки, Юра, Артем и Эля с любопытством заглядывают нам через плечо.

На мраморно бледное лицо Мелиссы постепенно возвращаются краски. Легкий румянец чуть трогает бледные щеки, с губ срывается дыхание, и она медленно открывает глаза, смотрит вверх, на нас, ясным и чистым взглядом.

— Господи, Ника!..

Сергей крепко сжимает ее в объятиях, и она, несмело обняв его в ответ, прижимается щекой к колючей щетине. Она еще совсем слаба, но находит в себе силы шепотом сказать тихое и едва различимое “спасибо”. И я готова поклясться, что лицо нашего наставника

впервые за много лет озаряет улыбка, полная радости, облегчения и бесконечной благодарности.

— Прости меня, родная, — так же тихо шепчет Сергей и осторожно, бережно касается ее губ своими. По бледным щекам Мелиссы катятся слезы, но я, кажется, знаю, отчего. Так плакать иногда полезно.

Кто-то сзади аплодирует, и вскоре аплодисментами взрывается вся толпа ребят и наставников. А я, мимолетно встретившись с дедушкой глазами, лукаво подмигиваю. Он задорно отвечает мне тем же, и, наконец-то вздохнув полной грудью, я смеюсь и плачу от радости.

Ради этого стоило прийти в Цитадель и рискнуть. И хотя мне больше не нужна четвертая ступень и служба до конца жизни, я знаю, что не отступлю и не сдамся. Мы вместе построим новый мир на обломках старого, и он, как птица феникс, поднимется из пепла прошлого светлым будущим. Рука об руку с теми, кто стал мне бесконечно дорог, мы пройдем этот путь до конца, и если огни, которые освещают его, погаснут, мы обязательно найдем в себе силы зажечь свои.

✱

**Посвящается всем,
кто на собственном опыте узнал,
что значит терять близких и обретать их снова.**

✱

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigoed.net